4 2013 ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ ШКОЛА

© *Петербургское библиотечное общество, 2013*

УЧРЕДИТЕЛЬ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБЩЕСТВО
191025 С.-Петербург,
наб. р. Фонтанки, 46
тел. (812) 575 70 66
pbo@pl.spb.ru

Регистрационный № П 1360 ФГУ "Северо-Западное окружное Межрегиональное ТУ МПТР России" от 03 марта 1995 г.

При перепечатке материалов ссылка на журнал "Петербургская библиотечная школа" обязательна

Издательский отдел Библиотеки Российской АН (199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)

Отпечатано в ООП Библиотеки Российской АН (199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)

Тираж 100 экз. Зак. №

Номер подписан в печать 10.12.2013 г.

СОДЕРЖАНИЕ №4(44) 2013

Из истории библиотек

Н.В. Колпакова. Феномен русской культуры — усадебная библиотека 3

Н.Ю. Бубнов. Рукописный отдел Библиотеки РАН (очерк научной жизни за 50 лет: по личным воспоминаниям) 14

Информационные ресурсы

Е.Г. Ахти. Системный подход к обеспечению качества информационно-библиотечного обслуживания.....26

Н.В. Колпакова, Н.Н. Ёлкина. История создания электронной версии Малой энциклопедии БАН 33

Международные связи

И.М. Беляева. Документальные памятники Голландии в Санкт-Петербурге на примере БАН 39

Н.В. Бекжанова, Н.А. Волкова, Н.А. Сидоренко. Источниковая база сборника «Американцы — члены Императорской академии наук».....43

Из истории Отечества

А.А. Будко, Б.И. Назарцев. И.П. Павлов и Л.А. Орбели (новые материалы из фондов Военно-медицинского музея).....50

В.А. Машевская. Книжный промысел в дореволюционном Царицыне.....55

Президент ПБО

Чалова З.В.

Главный редактор

Леонов В.П.

Редакционная коллегия

Басов С.А.
Ежова М.Ф.
Колпакова Н.В.
Рудая З.А.
Юдахина О.Г.

Корректор

Томшина М.В.

В.С. Соболев. «Великий князь Константин Николаевич — сподвижник царя-реформатора Александра II» 60

О.Ф. Дубовская. Рыцарь русской науки. О научном подвиге Василия Никитича Татищева (1686–1750 гг.) 65

Новые издания

«Поверх барьеров». От редакции 78

Работы, готовящиеся к печати в Издательстве БАН 79

ФЕНОМЕН РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ – УСАДЕБНАЯ БИБЛИОТЕКА

Н.В. Колпакова, БАН

«Мы никогда не живем настоящим, все только предвкушаем будущее и торопим его, или призываем прошлое, стараемся его вернуть, словно оно ушло слишком рано».

Блез Паскаль (1623–1662)

Наше сообщение посвящено не новой теме, она возникла еще в первой половине XX века. Переосмысление культурного развития России в советский период должно было включить изучение такого русского феномена, как русская усадебная библиотека. К сожалению исследования подобного рода носили чисто теоретический характер и почти ничего не было сделано для ее возрождения.

Многие десятилетия Отечественное культурное наследие подвергалось неоднократным сокрушительным ударам. Сегодня возрождение духовно-интеллектуального потенциала нации стало частью глобальной стратегии возрождения России. Необходимым стало осознание исторического чувства времени, чувства национального достоинства, чувства сопричастности к Отечественной культуре. Появляется новая оценка российского наследия как фактора общемировой духовности. Было время разбрасывания камней, настало время их собирать — процесс передачи накопленных прошлыми поколениями знаний становится очень важным.

Ю.М. Лотман — известный исследователь русской старины — писал:

«Человек меняется, и, чтобы представить себе логику поступков литературного героя или людей прошлого — а ведь мы равняемся на них, и они как-то поддерживают нашу связь с прошлым, — надо представлять себе, как они жили, какой мир их окружал, каковы были их общие представления и представления нравственные, их служебные обязанности, обычаи, одежда, почему они поступали так, а не иначе»[1].

Мало, кто из представителей современного поколения знает, где была та самая «колыбель», из которой вырастали русские патриоты, какими идеалами они руководствовались, из чего складывалась их духовная жизнь. В культурном наследии XVIII–XIX вв., времени наивысшего духовно-патриотического развития нашего государства, остались свидетельства в литературных произведениях, мемуарах, живописи, архитектурных памятниках, указывающих на то, как формировались сознание, вкусы, предпочтения передовых слоев российского общества, какая огромная роль в воспитании особой морально-этической нравственности в это время принадлежала дворянским усадьбам — места, дававшего ощущения свободы, возможности творчества, именно здесь в основном была сосредоточена культурная и бытовая жизнь их хозяев. Это было особое жилище — «родовое гнездо», где рождались, жили и умирали несколько поколений его населявших, где сохранялась историческая память.

Русская усадьба осмысливалась как символ российской культуры, поэтому самым ценным и главным, что в ней было и определяло статус и положение владельца в обществе — это библиотека — душа имения, которая привлекала всех членов семьи, здесь хранились самые дорогие сердцу сокровища — альбомы, письма, собственные сочинения, а также коллекция книг, которая приумножалась каждым последующим поколением.

Какие же книги стояли на полках этих библиотек, чем интересовались, что влекло, воодушевляло, расстраивало, восхищало их владельцев.

Так, в «Русском библиофиле» № 6 за октябрь 1912 г. приведены любопытные сведения. Известно, что к 300-летнему юбилею дома Романовых решено было провести полное обследование «исторической жизни» России. В статье В.П. Соколова дается описание Буйского уезда Костромской губернии, который «самый глухой, самый забытый». Автор сообщения указывает «*...материал для определения обычного состава старинных библиотек средних и мелких помещичьих усадеб. Книги... были почти во всех усадьбах, за очень немногими исключениями*». Он описывает только главнейшие, наиболее характерные группы книг в каждой из них. Так, в библиотеке усадьбы генерала В.В. Сипягина, насчитывала 10 000 томов «*...между которыми немало редких и ценных изданий русских, английских, итальянских книг и гравюр, разрозненных и полных изданий XVII–XVIII вв.*». Здесь книги и по «*...географии: Рубан. Описание Москвы 1782 г.; Указатель Москвы 1793 г.; Описание Калужского наместничества 1785 г. (то же Казани, Владимира и др. городов); Краткое описание древних российских путешествий и т.д.*».

Не менее интересен и богато был представлен отдел истории. А именно: «*Татищев. История 1769 г.; Древнего летописца, ч. I. 1774 г.; Туманский Ф. Собрание разных записок о Петре 1788 г... Вдвое меньше томов заключает отдел философии, общественных и религиозных книг...*

Я совершенно не перечислил здесь книг (русских, французских, немецких и итальянских) самого обширного отдела — беллетристрического...

...мы должны отметить преобладание в ней (и в других подобных помещичьих библиотеках) книг по местной истории и по местной географии (исторической). Оба отдела чрезвычайно ценны; история отдельных местностей имеет немногочисленную литературу, а между тем изучение отдельных местностей, является необходимым пособием при изучении истории нашего отечества вообще. Поэтому отдел истории, в частности местной, и отдел исторической географии, особенно ценны в подобных библиотеках...

...Одна из крупных библиотек сохранилась в усадьбе "Ивановское", бывшего предводителя дворянства Буйского уезда Геннадия Николаевича Глаголева. Первое место в этой библиотеке занимает мистический отдел, представленный следующим образом: Плач Эдуарда Юнга или невинные размышления о жизни, смерти и бессмертии. 1799 г.; Волшебное зеркало, открывающее секрет великого Альберта и других знаменитых Египетских мудрецов и представляющее судьбу. Москва 1794 г.; Торжество Евангелия, 1821 г. и пр...

...Здесь мы имеем дело с новым для нас отделом — мистических и масонских книг. Они то и составляют фундамент библиотеки "Ивановского", вместе с другим новым отделом — художественным (иллюстрированные книги и отдельные гравюры). Наряду с этим, второстепенные отделы — беллетристика, как занимательное чтение, и небольшой отдел истории».

Беллетристика была не единственным чтением обитателей усадеб. Имелись книги и по математике и астрономии.

Хранились в каждой библиотеке и даже представляющие интерес книги исторического, юридического, бытового содержания, а также бумаги XVI–XVII вв. Вот их примерный список: «*Не менее любопытно собрание бумаг XVII и XVIII веков в имении Нелидовых "Высокое" (30 верст от Буя). Вот их примерный список: Грамота царя Федора Алексеевича; Уставная грамота для соборов, 7195 г.; Противорядная, 1701 г., 30 янв. Сговорная запись Ив. Писемского, 15 февр., 7165 г.; Договор оброчной аренды, 1701 г. Апреля, Ив. Федор Писемского; Заемное обязательство, 7178 года Иван. Иван. Баскакова; Грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей, 7198 года; Раздельный акт бояр Писемских, 7187 г., 1 октября; Уставная грамота, 7206 г., 26 Ноября; Уставная грамота, 7193 г., 8 Декабря; Расписки в получении различных сборов, 1714 г., Октябрь; Расписка в получении*

корабельных денег. 7205 г. Марта 27; Две челобитные бояр Нелидовых царю Алексею Михайловичу; Запродажная на крестьянскую девку 9 февр. 1701 г.; Челобитная 1726 г.; Грамота царя Алексея Михайловича 7148 г.; Владельная запись, 1 Сент. 7206 г.; Купчая запись на землю, 1715 г.; Жалованная грамота бояр Романовых 7144 г.; Перепись всех дворовых людей, 7186 г. и пр. и пр.». Особенное отношение было к письмам, обычным посланиям, написанным на бумаге ручкой, карандашом, тем, что окажется под рукой. Обо всем, что волнует, удивляет, вызывает досаду, разочарование, письма-раздумья, с признаниями, назидательные, с советами, о доме и чести, и т. д., и т. д. Сколько их было, сколько осталось в укромных шкатулках, секретерах, в выдвижных ящиках письменных столов. Тем, кто писал их, наверное, отличаются от нас сегодняшних.

«Если подсчитать все книги в указанных библиотеках Буйского уезда, то их может набраться свыше 15 000 томов, но и на основании здесь перечисленных можно сделать некоторые выводы определить общую характеристику помещичьих библиотек, отметив, в чем состоит их сходство, и чем они друг от друга отличаются.

Одною из главных общих черт всех библиотек обследованного уезда (как, впрочем, вероятно, и других) является неизбежное присутствие беллетристического отдела и отдела старинной, преимущественно французской, литературы XVIII столетия. Книги военные, или морские, сборники указов и справочники находятся также почти в каждой библиотеке, в большем или меньшем количестве. Но при всем том, мы можем отметить совершенно особый, индивидуальный характер каждой из этих библиотек.

В прежнее время помещичье дворянство сосредоточивало в себе всю общественно-политическую, литературную и научную жизнь страны, и каждый почти дворянин-помещик играл свою особую, индивидуальную, ярко выраженную роль в истории всего государства, или хотя бы местной. Поэтому и библиотеки, принадлежащие различным родам дворянства, ярко различаются. Смотря по эпохе, в которую действовал тот или другой помещик-дворянин и книги его преимущественно сосредотачиваются около одного определенного, небольшого исторического момента. Совершенно определенный отпечаток кладет на книжные собрания также, несомненно, и местонахождение усадьбы. Книги по местной истории и быту находятся почти всегда в помещичьих библиотеках, и придают, конечно, ей свой специальный характер.

Из перечисленных помещичьих библиотек, соответственно истории отдельных помещичьих родов, мы не найдем двух совершенно тождественных, или даже похожих. В усадьбе бывшего униатского архиерея — мы имеем дело преимущественно с литературой времен Унии. В усадьбе католички, воспитанной на французском сентиментализме, мы видим, главным образом, книги нравоучительного (и притом в духе французского католицизма) содержания. В усадьбе "Монастырщина" мы имеем дело с другой стороной истории Унии, историей православных братств. В усадьбе "Антоново" мы имеем дело с фолиантами средневековыми и литературой времен польских восстаний (особенно любопытна переписка того времени). В усадьбе Н.И. Тургенева находим материал, касающийся декабрьского бунта, освобождения крестьян и истории французской революции. В усадьбе Н.М. Языкова мы видим последовательно собранные книги, начиная с ложноклассицизма и кончая романтизмом. Во всех усадьбах Буйского уезда мы имеем дело со свитками Московских царей, челобитными и пр. и пр.»[2].

Следует добавить, что почти в каждой дворянской, и не только, была уже и у зажиточных крестьян, литература о войне 1812 г. (журналы, газеты, письма, сообщения и т. д.). Редко какой владелец усадьбы не имел прямого отношения к военной службе. Многие из них принимали участие в кампании 1812 г., Крымской

войне (1853–1856), поэтому морской и военный отделы в их библиотеках были предоставлены в обязательном порядке.

Так, по высочайшему повелению императора Николая I в 1830–1840 гг. вышла целая серия военно-исторических трудов А.И. Михайловского-Данилевского. Основной задачей их составления было предоставить достоверные сведения на русском языке о войнах Александра I с Наполеоном, искаженные в немецких и французских изданиях. Одно из сочинений — «Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году»[3].

Что же касается, периодических изданий, то *«Книжки старинных ежемесячников, двухнедельников хранились почти в каждой помещичьей усадьбе, как пришлось в этом убедиться из былых поездок по России. Бывало, после дневных трудов, лежа в полной тишине в кабинете, с приятным чувством здорового утомления читаешь далеко за полночь, "на сон грядущий", и "Путешествие пешком от Петербурга до Камчатки английского капитана Кохрена", и рассказы Марлинского, и критику Н. Полевого в "Московском Телеграфе"; роман Алексиса из эпохи Фридриха Великого, рецензии и смесь в "Библиотеке для Чтения"; "Письма об изучении природы", "Дилетантизм в науке", статьи Каткова, Неверова, Грановского, кн. Одоевского, воспоминания какого–то землемера о жизни в Вятских "починках" и чьи-то юмористические провинциальные сцены в "Отечественных Записках". <...> В одном помещичьем доме нашел я номера "Русского Слова" со статьями Писарева, Шелгунова, Зайцева, с исследованиями Щапова, писанными тяжелым, тягучим, но все, же приятным слогом, с автобиографическими вещами А. Михайлова (Шеллера), Решетникова, Благовещенского, Потанина, с юмористическими рассказами и фельетонами Гл. Ив. Успенского, первой его юношеской поры, к сожалению, не включенными в собрание его сочинений, не принятыми во внимание критиками, историками литературы, почему-то считающими началом литературной деятельности Гл. Ив. — "Нравы растеряевой улицы".*

В другой усадьбе просматривал "Искру" за 62 г. и "Русский Вестник" 50-х годов. В течение нескольких лет "Искра" пользовалась таким значением, какого не выпадало на долю ни одного из наших юмористических журналов»[4].

В это время в России наиболее востребованным почти во всех слоях населения был еженедельный иллюстрированный журнал «Нива». В нем публиковались материалы для семейного чтения. Они отличались доступностью, энциклопедичностью, информативностью. Основное место на его страницах занимали литературные произведения: романы, очерки, повести, рассказы, поэзия. Также здесь можно было найти статьи и научные очерки, посвященные вопросам истории, географии и этнографии России, всеобщей истории, археологии, естествознанию, медицине, спорту, искусству и многие другие. В издании были широко представлены биографии знаменитых русских деятелей, обзор политики, библиография новых книг, технические изобретения, шахматное обозрение. Журнал знакомил своих читателей с наиболее интересными мировыми событиями и происшествиями, регулярно давал информацию о художественных выставках. Иллюстрации являлись неотъемлемой его частью. Это графические изображения, фотографии, олеографии в различных жанрах и различной тематики. Часто воспроизводились известные произведения из собрания Эрмитажа.

В качестве бесплатных премий за год подписки читателям дарили гравированные репродукции с картин известных художников.

Особой популярностью у подписчиков пользовались бесплатные приложения к «Ниве», в качестве которых был журнал «Парижские моды» с выкройками, узорами для рукоделия и домашними рецептами, ежемесячные литературные и научно-популярные приложения, сборники повестей, рассказов, стихотворений,

романсов. С 1891 г. журнал сопровождал собрания сочинений русских и иностранных авторов.

Другими, не менее популярными, изданиями были «охотничьи» журналы. Их страницы были насыщенны мелкими заметками, хрониками событий, разного рода значительными и незначительными бытовыми подробностями, нигде более не встречающимися и давно забытыми. Тексты, опубликованные в них, — уникальны. Чтение журналов и газет погружает в ушедший мир, в атмосферу помещичьего дома, усадебной жизни дореволюционной России. Из них можно было почерпнуть сведения о старинных охотничьих ружьях, патронташах, шомполах, прочей оснастке, особенностях их изготовления, материалах, одежде, лошадях, собаках, их особом корме и режиме, пулях, дроби, пыжах, особенностях изготовления, различных навыках и приемах. В них печатались очерки по истории русской охоты с древнейших времен, уставы охотничьих и рыболовных обществ, увлекательные рассказы и анекдоты об особенностях конской, псовой, ружейной и другой охоты, приемах обращения с добычей, блюдах охотничьей кухни. Значительное место в журналах было отведено коневодству и собаководству, особенностям пород, выучке и многому другому. Большинство журналов из номера в номер печатали материалы с описанием охотничьих угодий, заседаний клубов и обществ, юбилейных обедов и др. Что может быть увлекательнее и сладостнее, чем предвкушение добычи?

Многие журналы печатали хроники общественной и культурной жизни, содержащие сведения о спектаклях и концертах, художественных выставках и аукционах произведений искусства, заседаниях обществ, кружков и ученых комиссий, частных библиотеках и коллекциях, пополнениях музеев и многое другое. Знакомство с материалами, публиковавшимися в старых журналах, позволяет глубже проникнуть в повседневную жизнь наших дедов и прадедов.

Можно ли считать домашнее книжное собрание, хотя бы отчасти запечатлевшим русскую историю и культуру библиотекой, если в ней отсутствуют комплекты журналов «Русская старина», «Русский архив», «Старые годы», «Столица и усадьба», «Мир искусства», «Жар-Птица», сборники Императорского русского общества, юбилейные сборники министерств, учебных заведений, армейских и гвардейских подразделений, коронационные сборники, «Камер-фурьерский журнал», нумизматические и геральдические альбомы, книги по генеалогии, старинные географические атласы?

Учитывая, что на 1905 г. в 47 губерниях России, насчитывалось 105 739 усадеб[5] и в каждой из них имелась, хотя бы мало-мальская библиотека, можно представить, сколько всего было книжных сокровищ. Учитывая какие были библиотеки в этой губернии и какое количество книг в них хранилось, можно сделать экстраполяцию на всю Россию, и тогда получится внушительная цифра.

Если представленный некий обзор «рядовых библиотек» так впечатляет, то чем же владели именитые дворяне?

Судя по описанию дворянских библиотек в книге «Венок усадьбам» А.Н. Греча: *«Исключительная своеобразность старинных русских библиотек создается благодаря обилию в них французских книг XVIII века. ...В каждой помещичьей библиотеке Расин и Корнель, Мольер, Буало и Фенелон, энциклопедисты Дидро, Монтескье, Д'Аламбер, Дюваль, сентиментальный Жеснер, изящный шевалье де Буффлер, Лафонтен, Жан-Жак Руссо и, конечно, неизбежный Вольтер составляли обязательное наполнение книжных шкафов. А рядом с этими авторами-классиками рослыми шеренгами выравнивались тесненные золотом корешки Большой Энциклопедии и "Bibliothéque des voyages"...»*[6].

Во второй половине XVIII века превосходные библиотеки имели княгиня Е.Р. Дашкова, граф И.И. Шувалов, А.Т. Болотов, князья Голицыны и Долгоруковы, графы Воронцовы располагали

пятью библиотеками, графы Шереметьевы — одиннадцатью (часть появилась в XIX веке), графы Строгановы — четырьмя библиотеками, выросшими в XIX — начале XX века в гигантские книжные собрания, которые насчитывали от 10000 до 40000. От них не отставали просвещенное дворянство, духовенство, писатели, врачи.

Известный библиограф У.Г. Иваск[7] (1878–1922) в 1911 году собрал и опубликовал сведения о 1 346 частных библиотеках России и их судьбах от XV до начала XX столетия, не разделяя на частные (собравшиеся одним поколением) и фамильные (собравшиеся двумя и более поколениями владельцев). Среди них — библиотека директора Московского главного архива Министерства иностранных дел А.Ф. Малиновского, литератора и издателя Н.И. Новикова, архиепископа Тверского Саввы (девять тысяч названий), золотопромышленника Г.В. Юдина (сто тысяч томов), библиографа С.А. Соболевского (три тысячи томов), купца и издателя К.Т. Солдатенкова (восемь тысяч томов), академика И.И. Срезневского (тридцать тысяч томов), публициста Н.Н. Страхова (двенадцать с половиной тысяч томов), Л.Н. Толстого (десять тысяч названий в Ясной Поляне), археолога, графа А.С. Уварова (сто тысяч томов), министра народного просвещения графа С.С. Уварова (двенадцать тысяч томов), историка, библиографа М.Д. Хмырова (двенадцать тысяч названий).

Фамильные библиотеки в значительной степени характеризовали владельцев, влияли на их авторитет в Зимнем дворце и обществе. Известно благосклонное отношение императорских особ к владельцам солидных собраний. В помещичьих домах и городских особняках книгам отводилось самое почетное место. Они способствовали воспитанию молодого поколения, возникновению в России просвещенного общества, поддержанию семейных традиций и общих интересов, дарили радость и уважение окружающих.

О том, какими гуманистическими идеями отличалась, например, библиотека графов Строгановых, передаваемая из поколения в поколения можно почувствовать, прочитав обращение Александра Сергеевича Строганова к своему сыну Павлу: *«Павел, сын мой милый, я тебе повторял сто раз — и днем, и ночью, во всякое время и всюду нужна вера в единого и истинного Бога. Он на небесах, Он везде, без Него все ничто и все исполнено Им. Он велик, Он добр, я верю в Него. Сверх того, будь добрым русским, подчиняйся требованиям страны, где родились все твои. Будешь ли ты начальником или подчиненным, будешь ли ты при Дворе или не будешь, имей в глубине твоего сердца следующие, многократно тебе мною говоренные, слова: будь добр, будь прям и будь уверен, сын мой, что когда желаешь только того, что достижимо, достигнешь всего, чего пожелаешь. Мое самое большое желание, сын мой, чтобы цель твоей жизни заключалась в любви к правде, ко всему возвышенному, ко всему прекрасному»*[8]. Есть ли подобные примеры в наше время?

Расцвет дворянских усадеб пришелся на конец XVIII — середину XIX в.

К концу XIX в. усадьбы, в связи со сложившимися общественно-политическими обстоятельствами, теряют свое основное значение как центры патриотического, гуманитарного, воспитательного и других направлений. Они начинают постепенно «дряхлеть» и превращаться в своеобразные «дачи», куда выезжали отдыхать на лето.

С началом XX в. окончательно и бесповоротно закончился золотой век усадебной культуры и все, что с ней было связано. Вся ее дальнейшая история — это печальная судьба об уничтожении абсолютного большинства старинных имений в годы революционного лихолетья и нежелания сохранить их.

Период конца XIX — нач. XX в. стал наиболее трагичным в истории нашего отечества. Первая мировая война, революции, гражданская война привели к колоссальным потерям, как музейных

ценностей, так и книжных сокровищ — многочисленных владельческих библиотек, содержащих рукописи и книжные раритеты. Разрушались церкви, в которых хранилась значительная часть национального, культурного достояния, присваивались музейные здания, растаскивались коллекции. Новая же власть в лице большевиков проявила заботу, объявив все безраздельно принадлежащим народу, но одновременно способствовала колоссальным разрушениям того, что с их точки зрения не отвечало революционным идеалам.

Ничтожно мало осталось от созданного за тысячелетие культурного достояния нашей великой страны. Страшные опустошения, страшные цифры... Огромных усилий стоили уцелевшие шедевры. Сложившаяся трагическая картина происходящего не могла оставить равнодушными истинных патриотов России, тревожащихся за сохранение отечественной истории во всех ее проявлениях. Конечно же, это были, в первую очередь, представители науки и культуры — писатели, ученые, а также общественные деятели.

В неимоверно опасных и сложных ситуациях вывозились книжные сокровища из разоренных, сожженных библиотек, университетов, дворянских усадеб.

В качестве доказательств бессмысленно-жестокого уничтожение книжных памятников остались Протоколы Общего Собрания АН с выступлениями действительных членов академии. Достаточно привести один из них, чтобы почувствовать общую атмосферу того времени, тем более, что эти уникальные сведения нигде ранее не публиковались. Они, несомненно, вызовут интерес у всех интересующихся отечественной историей.

1918 ЭОС XIII §§ 259–260

260. Непременный Секретарь доложил, что заведующий Архивом Конференции Академии Б.Л. Модзалевский сообщил ему, письмом от 26 октября, нижеследующее:

«Я получил сегодня письмо от моего зятя, Л.А. Брюна, Лужского земского агронома, служащего ныне в Агрономическом подотделе Лужского Совдепа, — в котором он пишет мне следующее: «В Земельном Отделе нашего Совдепа обсуждался вопрос о судьбе библиотек социализированных имений. По этому поводу я сказал Председателю Отдела, что у меня в Петрограде есть родственник близкий этому, т. е. книжному, делу, — и Председатель уполномочил меня писать тебе с просьбою довести до сведения кого следует о необходимости сохранить и использовать должным образом те библиотеки, которые представляют общероссийскую ценность. В числе таких библиотек находится библиотека Дашкова (Павла Яковлевича) в Надбелье, близ ст. Оредеж, Московско-Виндаво-Рыбинской жел. дор. Быть может, от Академии Наук кто-нибудь выедет осмотреть библиотеки и отдаст соответствующие распоряжения. Отдел Народного Образования (местный) стремится получить библиотеки в свое распоряжение, но мне представляется необходимым вмешательство в это дело более компетентного учреждения. Чем скорее кто-нибудь придет на помощь, — особенно по отношению к Дашковской библиотеке (если там есть еще что-либо ценное, — я не знаю ее состава), тем лучше, разумеется. Я слышал, что богатая библиотека в им. Плюссе, А.Н. Тирана, сильно пострадала, если не погибла весною. Местный Бутковский Совдеп оберегает дом в Надбелье, но все же там уже были кражи».

«Мне представляется, в свою очередь, чрезвычайно важным вмешательство Академии в судьбу Надбельских собраний покойного П.Я. Дашкова: от него самого я знаю, что он свозил в Надбелье все наиболее ценное из книг, а особенно рукописей. Правда, еще прошлой весной (1918 г.) наводя справки о положении дел в Надбелье, я узнал, что дом подвергся страшному разгрому, так, что долгое время вся усадьба была засыпана клочьями разорванных и разбросанных рукописей замечательного Дашковского собрания; однако если уцелел самый дом и, к тому же, как то охраняется, можно надеяться, что не все

еще погибло, и что кое-что еще можно спасти для науки. Поэтому обращение в Лужский Совдеп с просьбою об охране гибнущих библиотек и усадебных архивов вообще, а Надбельских в особенности, и о передаче таковых, по выбору академических представителей, в Библиотеку, Рукописное Отделение и Пушкинский Дом Академии, — было бы и своевременным, и целесообразным. Я не сомневаюсь, что Л.А. Брюн, по данным ему указаниям, мог бы оказать в этом деле свою помощь, тем более что ему, по роду его службы, приходится много ездить по уезду. Взамен взятых для Академии книг, можно было бы предложить Лужскому Совдепу кое-что из дублетов Академической Библиотеки и Пушкинского Дома.

Положено признать необходимым принятие соответственных мер и сообщить об этом, для исполнения, ВС Отделение РЯС».

И опять приходят на память слова Ю.М. Лотмана:

«Культура есть память. Поэтому она всегда связана с историей, всегда подразумевает непрерывность нравственной, интеллектуальной, духовной жизни человека, общества и человечества. И потому, когда мы говорим о культуре нашей, современной, мы, может быть сами того не подозревая, говорим и об огромном пути, который эта культура прошла. Путь этот насчитывает тысячелетия, перешагивает границы исторических эпох, национальных культур и погружает нас в одну культуру — культуру человечества»[9].

«...культура вечна и всемирна, но при этом всегда подвижна и изменчива. В этом сложность, понимания прошлого (ведь оно ушло, отдалилось от нас). Но в этом и необходимость понимания ушедшей культуры: в ней всегда есть потребное нас сейчас, сегодня»[10].

Возможность пользоваться читателям в личных целях редкими изданиями (речь идет о переизданных уникальных произведениях) была предоставлена лишь в начале XXI века. Одними из первых, кто взял на себя эту миссию стала Библиотека Российской академии наук. Так, появились совместные издательские проекты Библиотеки с издательствами, занимающихся просветительской деятельностью. Цель их — переиздать и открыть для читателя огромный пласт литературы, который многие десятилетия был недоступен широкому кругу читателей.

Хотелось бы отдельно остановиться на такой деятельности Библиотеки Российской Академии наук и Санкт-Петербургского издательства «Русская симфония», главная цель которой заключается в распространении и развитии патриотического, художественного и духовного образования, воздействии на нравственный облик человека, на формирование его в определенном направлении. Не случаен и подбор книг для публикаций — они выбирались целенаправленно, их тематика должна была отвечать наиболее ярким, судьбоносным событиям нашей великой истории. Впервые содержание некоторых книг дополнялось документами соответствующей эпохи (грамоты, указы, прошения), и, самое главное, они отражали настоящую действительность, которая, не будем греха таить, в советское время часто искажалась. Отметим, что издательство отказалось от факсимильного воспроизведения текста. Следуя точному изложению, они адаптировали его для современного читателя. Это один из важных факторов в пользу создания личной библиотеки.

Проект начали с публикации работы, принадлежащей перу академика Императорской Академии наук И.Е. Забелина «Минин и Пожарской». Произведение свободно от политических пристрастий и дает возможность объективно представить образы русских национальных героев.

В 2005 г. отмечалось 100-летие Цусимского сражения. Об участниках этого трагического события мы знали в основном по книге Новикова-Прибоя «Цусима», в которой, как оказалось, судьба многих героев была описана предвзято. Переиздавая работу Г. Александровского, выпу-

щенную в Нью-Йорке к 50-летию этих событий, редакционный совет проекта предполагал донести правдивый взгляд автора на один из трагических эпизодов российской истории.

Репринтное издание вызвало большой резонанс в современном обществе. Книги были безвозмездно переданы в морские кадетские корпуса и училища. Это был правильный шаг в нравственно-патриотическом воспитании будущих защитников Родины. В данном случае просветительская задача сочеталась с благотворительностью.

Труды ученых и описание их подвигов, например, касательно изучения Сибири и других земель, входивших в Российскую империю, а также о героях-покорителях дальнего северо-востока, должны быть любопытны для каждого образованного человека.

Интересно замечание автора «Покорения Сибири» ученого-исследователя П.И. Небольсина. В своем предисловии он пишет: *«Тех, которые неохотно предаются чтению старинных бумаг, из предубеждения к их не занимательности и сухости, смеем заверить, что документы, на которые мы указываем, чрезвычайно интересны и по языку, и по содержанию: в них так и выливается все прошедшее, так и высказывается эпоха; что они не надоедят читателю»*.

Этот круг чтения дополняют «Записки (1760–1824)» Дмитрия Борисовича Мертваго, который был свидетелем и непосредственным участником многих важных событий российской истории.

Изданная уже в 1885 году книга М. Семеновского «Слово и Дело!» в настоящее время выдержала несколько переизданий и дала возможность не только познакомиться с практикой работы Тайной Канцелярии, но и почувствовать атмосферу жизни русского общества в те далекие годы.

В особом ряду стоят памятники русской духовной книжности, которые отличает особенное их эмоциональное восприятие. Простыми и понятными словами рассказывается в них зачастую о самом сокровенном, личном, что так настойчиво многие пытаются обрести, а затем, посредством этого, утвердиться в своих исканиях.

К сожалению, технические возможности были проекта рассчитаны на небольшие тиражи. Выпущенных книг не хватало даже на то, чтобы укомплектовать основные библиотеки страны. Не успев выйти из печати, издания становились библиографической редкостью.

Многолетний опыт работы с Петербургским издательством «Альфарет» показал открытость, конструктивность, ответственность, высокий профессионализм взаимных отношений. Одна из первых задач, которую мы перед собой поставили, заключалась в том, чтобы составить списки наиболее значимых, на наш взгляд, книг по русской истории, изданных в дореволюционный период. В процессе работы над ними возникла необходимость выделить следующие разделы:

— Историческая библиотека;
– Военно-историческая библиотека;
– Географическая библиотека;
– Справочная библиотека (книговедение);
– Русские иллюстрированные издания;
– Русское искусство.

В представленном перечне более 2000 названий книг (около 7000 томов), за исключением описаний библиотек «Русские иллюстрированные издания» и «Русское искусство», работа над которыми продолжается. Списки созданы на базе каталогов крупнейших библиотек России и целого комплекса библиографических источников.

По этим спискам возможно формирование федеральных, муниципальных, академических, университетских и других библиотек. Для наглядности приведем содержание этого каталога[11] — оно впечатляет.

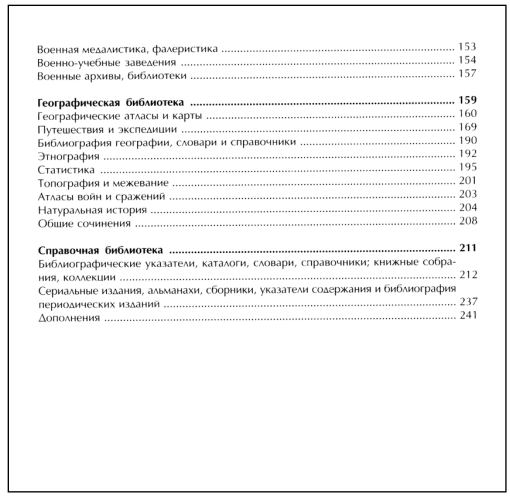
Некоторое время назад возникла новая объединяющая наши творческие устремления интересная идея — создать

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей ... 4

Историческая библиотека ... 7
Русская историческая литература. Отдельные издания ... 8
Искусство, живопись, портрет, иконография, карикатура, лубок, фольклор, архитектура, зодчество, графика ... 56
Периодические, сериальные издания, альманахи, сборники ... 58
Каталоги, указатели, справочники ... 65
Дополнения ... 68

Военно-историческая библиотека ... 71
История русской армии ... 72
Дополнения в разел «История русской армии» ... 81
История русского флота ... 82
История полков русской армии ... 93
История войн и сражений ... 115
Великая Северная война ... 115
Отечественная война 1812 года ... 116
Наполеон Бонапарт ... 124
Войны с Польшей и польские восстания ... 127
Войны на Кавказе ... 128
Восточная (Крымская) война 1853–1856 гг. ... 130
Русско-турецкая война 1877–1878 гг. ... 132
Войны в Малой и Средней Азии ... 137
Русско-японская война 1904–1905 гг. ... 138
Первая Мировая война 1914–1918 гг. ... 143
Различные войны и сражения ... 144
История обмундирования и вооружения русской армии ... 147



Военная медалистика, фалеристика ... 153
Военно-учебные заведения ... 154
Военные архивы, библиотеки ... 157

Географическая библиотека ... 159
Географические атласы и карты ... 160
Путешествия и экспедиции ... 169
Библиография географии, словари и справочники ... 190
Этнография ... 192
Статистика ... 195
Топография и межевание ... 201
Атласы войн и сражений ... 203
Натуральная история ... 204
Общие сочинения ... 208

Справочная библиотека ... 211
Библиографические указатели, каталоги, словари, справочники; книжные собрания, коллекции ... 212
Сериальные издания, альманахи, сборники, указатели содержания и библиография периодических изданий ... 237
Дополнения ... 241

такое обобщающее единственное в своем роде издание «Наследие Библиографа...», которое должно было включить, кроме уже изданных академических указателей, ценнейшие справочники, каталоги, словари по истории книги и антикварно-букинистические каталоги, показывающие тенденции развития книготорговли в России на рубеже XIX–XX веков. Составлялись эти описания известными русскими учеными, меценатами, владельцами частных библиотек. Они вполне удовлетворят необычайно возросший в последние годы интерес к Российской истории, отечественной словесности, богатейшему духовно-нравственному наследию.

Собрать такую библиотеку было занятием чрезвычайно трудным и сложным. Однако многолетняя работа увенчалась успехом — «Библиотека библиографа» позволяет здесь и сейчас работать со всем разнообразием дореволюционной литературы. Библиография периодических изданий и росписи их содержания помогут легко и быстро найти материалы по определенной теме, выявить статьи того или иного автора, обобщить публикации за определенный период.

Каким образом попадали эти антикварные шедевры в российские библиотеки точно неизвестно, да и читатель эти книжные сокровища не видит, разве на каких-то редких значимых выставках. Поэтому задача издателей заключалась в том, чтобы выявить в фондах, запасниках библиотек Москвы, С.-Петербурга, Сибири, Урала и др. эти редкие сокровища, национально значимые справочные издания, репринтно переиздать их, а сведения об уже вышедших книгах поместить в специальный каталог.

Найти сегодня полные комплекты, например, антикварно-букинистических каталогов чрезвычайно сложно. Даже в крупнейших библиотеках страны имеются невосполнимые лакуны. Лишь редкие библиофилы и книгопродавцы имеют в личном распоряжении оригиналы каталогов знаменитых антикваров, и только единицы — полные комплекты!

Библиографические справочники и словари, как зеркало отражают этапы развития общества. По тематическому их составу прослеживается вся история нашего государства от боярской Руси, Российской Империи, Советского союза, Российского государства. В них описывается литература, так или иначе касающаяся всех изменений, происходящих во всех областях культуры, политики, науки нашей страны.

По замыслу «Наследие Библиографии» должно пропагандировать библиографические издания из фондов различных библиотек, которые на сегод-

няшний день носят статус антикварных, способствовать распространению исторических, философских знаний, знакомить с биографиями писателей, ученых, историческими документами и библиографическими редкостями, указателями по географии, топографии, этнографии, статистике, различными тематическими обзорами. Оно открывает перед читателем «секретную кладовую за семью печатями», полную редчайших, драгоценных дореволюционных изданий справочной литературы. Общение с ними будет интересным, поучительным, доставит много неожиданной и непредвиденной информации.

Сегодня в «Наследии...» представлено более 250 изданий, что составляет около 450 томов. Показательно, что его ядро составляют каталоги книг, хранящихся в БАН. Это уникальное издание дает многим поколениям исследователей единственную возможность полностью ознакомиться с собранием исторических документов различного характера.

Проект по воссозданию дореволюционных периодических изданий (о них говорилось выше) длился несколько лет.

Приведем на примере одного из самых популярных журналов «Нива» небывалую активность читателя того времени. Для России, где вплоть до конца XIX века I тысяча подписчиков было обычным делом. Этот журнал собирал неслыханное их количество — более 200 тысяч. Неудивительно, там сотрудничали гениальные авторы. Все это было характерно и для других периодических журналов («Русский архив», «Русская старина», Камер-фурьерские журналы», «Русские деятели в портретах», «Старые годы», «Русский библиофил» и многие другие). Огромные их тиражи и популярность наводят на грустные мысли — куда же большая часть этих сокровищ могла исчезнуть? И как же трудно все это восстанавливать.

Была проведена работа по собиранию воедино экземпляров, отдельных страниц, иллюстраций, которых не хватало до полного их комплекта.

Если учесть, что от всей имеющийся в наличии периодики осталось менее половины, то можно представить, какие титанические усилия были предприняты для восстановления. Пришлось обращаться в различные библиотеки, к отдельным библиофилам. Полиграфическая база издательства «Альфарет» позволила воспроизвести с великолепным качеством и абсолютной точностью журналы, иллюстрации которых приведены ниже. Эти издания займут достойное место в частных и общественных библиотеках. Они несут огромную историческую информацию, в них много нужного и полезного для сегодняшнего читателя.

И еще один, беспрецедентный проект — издание коллекции книг посвященной 200-летию войны с Наполеоном под названием «Россия. Наполеон и 1812 год». Она включает более трехсот томов с описанием эпохи Александра I, наполеоновских войн, Отечественной войны 1812 года. По этой теме столь представительная библиотека создана впервые. Это была особенная война. Она вызвала обостренную любовь к родине у всех слоев общества, воспитала ни одно поколение молодых людей, способна воспитать наших современников.

Внимательное изучение исторических сочинений дореволюционной эпохи убеждает нас в том, что они не утратили своего значения, что и сегодня им нет замены — в них запечатлены ценнейшие сведения, например утраченные архивные документы или труднодоступные из зарубежных архивов.

Осуществление вышеперечисленных проектов по «возвращению в наше время» изданий, являющихся достоянием не только Отечественной, но и мировой культуры возможно исключительно в результате совместной деятельности государственных учреждений и частного бизнеса. В данном случае деятельность Библиотеки Академии наук, издатель-

ства «Русская симфония» и, главным образом, издательства «Альфарет» безусловный пример того, как это можно претворить в жизнь.

«Вечные ценности» не исчезают — память вновь и вновь возвращает нас в прошлое. Сегодня стало возможным вернуть к жизни то, что, казалось бы, утрачено навсегда.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 9.

[2] Русский библиофил. № 6 за октябрь 1912 г.

[3] *Михайловский-Данилевсий А.И.* Описание первой войны императора Александра с Наполеоном 1805. Репринтное издание 1844 г. 306 с.

[4] Русский библиофил. № 6 за октябрь 1912 г. С. 34.

[5] Станд. данные.

[6] *Греча А.Н.* «Венок усадьбам». М., 2006, С. 61–62.

[7] *Иваск У.Г.* Частные библиотеки в России // Русский библиофил. 1912.

[8] Цит. по *Кузнецов С.О.* Дворцы Строгановых. СПб., 1998. С. 24.

[9] *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 8.

[10] *Лотман Ю.М.* Там же. С. 9.

[11] Русская историческая библиотека: список рекомендуемых изданий по русской истории: в 4 ч. СПб.: Альфарет, 2008. 250 с.

РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ БИБЛИОТЕКИ РАН
(очерк научной жизни за 50 лет: по личным воспоминаниям)

Н.Ю. Бубнов, БАН

Рукописный отдел Библиотеки Российской академии наук был выделен в самостоятельное научное подразделение в 1899 г. и за прошедшее столетие стал одним из ведущих центров по изучению письменной культуры наших предков, сохранившим и приумножившим рукописные сокровища.

Богатая письменная культура Древней Руси была вытеснена из культурного обихода в XVIII–XIX вв. в эпоху становления современной русской культуры. В новых условиях она сохранила интерес почти исключительно для науки. Большие успехи в ее изучении были сделаны в конце XIX — начале XX столетий. «В послереволюционный период — пишут редакторы “Библиотеки литературы Древней Руси” — условия для исследования древнерусской письменности были не всегда благоприятны, ибо её органическая связь с христианским вероучением и мировоззрением была ненавистна официальному атеизму». Лишь во второй половине прошлого века, по мере постепенного раскрепощения нашего общества «научное и культурное освоение литературы Древней Руси впервые шли вместе, взаимно способствуя друг другу»[1].

Настоящая статья посвящена истории Рукописного отдела Библиотеки Российской Академии наук за последние пятьдесят лет. Небольшой научный коллектив, в котором мне довелось работать с 1963 г., не только обеспечивает научную деятельность сотен исследователей-гуманитариев, но и вносит заметный вклад во многие магистральные направления отече-

[1] Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997. Предисловие к читателям. С. 5.

ственной науки и культуры. Это достигается как созданием новых томов научных описаний рукописей, «раскрывающих» для пользователей-учёных информационную «terra incognita» так и собственными оригинальными исследованиями сотрудников.

За прошедшую половину столетия в Отделе работали выдающиеся историки и филологи — исследователи российской культуры и письменности. Это, прежде всего, заведующие Отделом: В.Ф. Покровская, А.И. Копанев, М.В. Кукушкина, Л.И. Киселёва, а также такие известные учёные, как Е.И. Боброва, И.Н. Лебедева, О.П. Лихачёва, И.Ф. Мартынов, А.А. Амосов, Л.А. Петрова, О.Н. Блёскина. Продолжают трудиться в Рукописном отделе Л.Н. Белова и Ф.В. Панченко. Прибавились и новые специалисты, таланты которых постепенно выявляются и расцветают.

Работая в Рукописном отделе, все его сотрудники имеют возможность тесно общаться с учёными различных гуманитарных специальностей, школ и научных направлений, и это общение и сотрудничество даёт им чрезвычайно много. Особенно тесное общение сотрудники Отдела постоянно поддерживали с учёными коллективами ИРЛИ (Пушкинский Дом), Институтом Российской истории, преподавателями и студентами исторического, филологического и философского факультетов СПбГУ, Педагогического университета им. А.И. Герцена, Государственной консерватории. Отдел получал поддержку в его научных начинаниях таких выдающихся учёных, как академики Д.С. Лихачёв, Б.А. Рыбаков, член-корреспондент РАН Л.А. Дмитриев, а также председатель Археографической комиссии РАН, профессор С.О. Шмидт.

Свою трудовую деятельность в Рукописном отделе БАН я начал в марте 1963 г. по рекомендации В.И. Малышева, известного филолога, научного сотрудника Пушкинского Дома. Владимир Иванович был страстным почитателем и исследователем творчества старообрядческого писателя протопопа Аввакума и неустанным собирателем древнерусских рукописей, создавшем в ИРЛИ богатую рукописную коллекцию, уникальную «крестьянскую библиотеку». Владимир Иванович посоветовал мне обратиться к своему хорошему знакомому А.И. Копаневу, заведующему Рукописным отделом БАН, у которого, в Рукописном отделе освобождалось штатное место.

Помню свой первый визит к Александру Ильичу в БАН. Он привел меня в Рукописный отдел и, дав в руки толстую рукописную книгу на древнерусском языке, попросил её читать. К стыду своему, я не мог прочесть ни строчки и объяснил, что в Пединституте меня не учили читать на древнеславянском и старинную рукопись я вижу впервые. Александр Ильич, посмеявшись, сказал, что это не беда и научиться читать древние рукописи можно за два дня. Конечно, это было большим преувеличением. Должность библиотекаря открылась в Отделе в феврале 1963 г., и в начале марта оформился на работу в БАН библиотекарем.

В Рукописном секторе Отдела рукописной и редкой книги тогда работало по штату 5 человек, и я стал пятым. Заведующий Отделом, кандидат исторических наук А.И. Копанев был учеником И.И. Смирнова — известного учёного-аграрника. Окончив Исторический факультет ЛГУ и аспирантуру, он в 1941 г. подготовил кандидатскую диссертацию на тему: «История землевладения Белозерского края XV–XVI вв.». Когда началась Великая Отечественная война, молодой аспирант, член КПСС, хотел немедленно, не дожидаясь мобилизации, вступить в народное ополчение. Но его научный руководитель настоял, что необходимо до ухода на фронт диссертацию защитить. После блестящей защиты новоиспечённый кандидат наук ушёл на фронт с ополчением. Однако в дальнейшем судьба учёного сложилась неблагополучно: вместе со своей частью он попал в плен к немцам и несколько лет провёл в германских концлагерях. По-

сле освобождения из фашистского плена Александр Ильич успел вступить в Советскую армию солдатом и два месяца воевал на территории Германии. После демобилизации А.И. Копанев устроился на работу в ЛОИИ РАН, но за пребывание в плену был исключен из партии и уволен из института. Но дальнейших репрессий не последовало и ему удалось поступить на работу в Рукописный отдел БАН, где вскоре стал заведующим. Замечу, что в послевоенное время специалистов гуманитариев, особенно с учёной степенью, было мало, они были востребованы всеми научными центрами и везде ценились.

Занимаясь экономической, политической и социальной историей крестьянства Русского Севера, А.И. Копанев, придя на работу в БАН, активно включился в изучение культуры и письменности Древней Руси, приняв участие в написании 2-го выпуска книги: «Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки АН» (М; Л., 1958), составив научное описание нескольких рукописных фондов. Участвуя в нескольких крупных проектах Института истории РАН, в рамках празднования 250-летия БАН, принял участие в написании 3-х глав фундаментального труда «История Библиотеки Академии наук СССР. 1914–1964» (М.; Л., 1964), а также о выдающихся сотрудниках Академической библиотеки: К.-Э.М. Бэре (1967), Э.А. Вольтере (1970), В.И. Срезневском (1973, 1989). Александр Ильич опубликовал серию статей о выявленных им в фондах Отдела новых исторических материалах. Возродив в БАН археографические экспедиции, он сумел пополнить фонды отдела сотнями новых рукописей и книг. В начале 1970 г. А.И. Копанев вернулся на службу в Институт истории РАН, где вскоре им была успешно защищена докторская диссертация.

Учёным хранителем в Рукописном отделе была кандидат исторических наук М.В. Кукушкина. Под руководством профессора ЛГУ, известного источниковеда Д.Н. Валка она написала и в 1952 г. защитила кандидатскую диссертацию «Движение помещичьих крестьян в великорусских губерниях» и по распределению пришла работать в Рукописный отдел БАН. Здесь, как и А.И. Копаневу, ей пришлось переквалифицироваться в источниковеда-«рукописника», занявшись описанием древних рукописей и историей древнерусских монастырских библиотек.

В 1961 г. в Отдел пришла И.Н. Лебедева, кандидат философских наук, со знанием древнегреческого и латинского языков. Её кандидатская диссертация, защищённая 1967 г., была посвящена исследованию хроники Псевдо-Дорофея и других новогреческих хроник, а также их русским и восточным переводам. Позднее Ирина Николаевна много времени уделила истории переводов «Повести о Варлааме и Иоасафе», древнерусский перевод которой в 1985 г. был издан отдельной книгой. Но главной её заслугой следует считать составление двух томов научных описаний: Греческие рукописи / Описание РО БАН. Т. 5. Л., 1973 и Рукописи латинского алфавита XVI–XVII вв. / Описание РО БАН. Т. 6. Л., 1979. Изучение истории книжных собраний в России в XVIII в. увенчалось выходом в свет подробного описания рукописной части императорской библиотеки: Библиотека Петра I. «Описание рукописных книг. СПб., 1903».

Четвёртым сотрудником Отдела была О.П. Лихачёва. Выпускница Института культуры, она, как профессиональный библиотекарь, ведала большой подсобной библиотекой Рукописного отдела. Ольга Петровна была родной внучкой знаменитого историка и археографа, академика Николая Петровича Лихачёва. Занимаясь в семинаре профессора Н.А. Мещерского, она оказала неоценимую помощь русской филологической науке, так как именно её записи лекций выдающегося учёного-слависта послужили основой для их издания: «Источники и состав древне-славяно-русской переводной письменности IX–XV вв.» (Л. 1978). Овладев в совершенстве древ-

нерусским языком, глубоко проникнув в литературный стиль и поэтику древнерусской литературы, О.П. Лихачева стала одним из лучших переводчиков и комментаторов древнерусских сочинений. Совместно с Я.С. Лурье она подготовила к печати «Повесть о Стефаните и Ихнилате». Итогом исследования и критического издания этой повести, вышедшей в 1969 г. в серии «Литературные памятники», стала защита в ЛГУ 1973 г. кандидатской диссертации на тему: «Образы животных в Повести о Стефаните и Ихнилате». Впоследствии исследовательница участвовала в переводе «Сказания и повести о Куликовской битве» (1982 г.) и других сказаний и житий для «Памятников древнерусской письменности», Радзивиловской и Ипатьевской летописей. Продолжая работы своего учителя Н.А. Мещерского, она занялась исследованием древнерусских богослужебных книг и литературных сборников: славяно-русского Апостола, Супрасльского сборника 1507 г., Служебной псалтыри, Библии, древнеславянского Апокалипсиса, опубликовав об этих древних книгах ряд статей.

В Отделе была постоянная выставка рукописных книг, которую посещало много экскурсантов. Приходили студенты Университета и Пединститута с преподавателями, некоторые школьные учителя со своими учениками, сотрудники Библиотеки РАН и других академических учреждений, иностранные филологи и историки — участники съездов и симпозиумов. Показав однажды эту выставку, А.И. Копанев и М.В. Кукушкина, сразу же поручили мне вести экскурсии для студентов и школьников. Это было интересно, но эрудиции мне поначалу не хватало. После ухода посетителей, я проверял свои ответы на вопросы экскурсантов и набирался новых знаний.

В 1964 г. праздновался 250-летний юбилей Библиотеки Академии наук. Сотрудники Рукописного отдела А.И. Копанев и М.В. Кукушкина участвовали в написании фундаментального труда «История Библиотеки АН СССР». Дирекцией БАН Отделу было предложено организовать большую юбилейную выставку книг и рукописей в стенах Отдела. В подборе экспонатов для выставки приняли участие все сотрудники. Ее обзор стал моей первой самостоятельной научной работой, напечатанной в юбилейном сборнике БАН.

Большую роль в самообразовании молодых сотрудников Отдела сыграли «Лихачёвские» среды, проходившие в Секторе древнерусской литературы Пушкинского дома. Каждое заседание было посвящено одному докладу сотрудника Сектора или приглашенного исследователя, а затем проходило его активное обсуждение. Часто заседания были бурными и необычайно интересными. Возглавлял заседание чаще всего сам Д.С. Лихачёв, тогда еще член-корреспондент РАН. На заседаниях присутствовали такие видные ученые как Л.А. Дмитриев, Р.П. Дмитриева, Я.С. Лурье, Г.М. Прохоров, А.М. Панченко, М.А. Салмина, Г.Н. Моисеева, Ю.К. Бегунов. Атмосферу острой, хотя в целом и доброжелательной критики, часто «подпитывало» наличие двух различных подходов к изучению древнерусской литературы, которые бы я условно назвал «славянофильским» и «западническим». Иногда возникавшие при обсуждении докладов споры уходили далеко в сторону от сделанного доклада и о докладчике «забывали». Были и скандальные заседания, когда Д.С. Лихачёв публично давал отповедь «зарвавшимся» докладчикам, не знавшим удержу своим филологическим фантазиям. Помимо «Лихачёвских» сред, сотрудники Отдела посещали заседания Сектора феодализма в Ленинградском отделении Института истории РАН, проходившие там обсуждения и защиты диссертаций. Удалось присутствовать и на лекциях университетских профессоров Н.А. Мещерского, Л.Н. Гумилева, интересных экскурсиях по выставке в Рукописном отделе РНБ главного хранителя рукописей Н.Н. Розова.

Говоря о научной работе Отдела, следует подробнее остановиться на основной фундаментальной программе раскрытия фондов Отдела для читателей и российской науки. Огромное рукописно-книжное богатство, хранящееся в древлехранилищах России и других славянских стран, и поныне в значительной мере не раскрыто и не исследовано. Переход к светской культуре и светскому образованию, осуществленный при Петре I, сделал невостребованными огромные книжные богатства, хранившиеся в наших монастырских, архиерейских и частных библиотеках, многие из которых в XVIII—XIX вв. были уничтожены или распылены. Разгром наших древностей продолжился в послереволюционные годы. То, что удалось сохранить в государственных древлехранилищах усилиями ученых, нуждалось и до сих пор нуждается в «раскрытии», что не так-то просто сделать. Дело в том, что древние рукописи и книги, как правило, не имеют титульного листа, а без него даже «назвать» книгу непросто. К тому же почти половина старинных книг — это сборники, содержащие в своем составе порой десятки разнообразных сочинений, каждое из которых нуждается в отдельной атрибуции. Датировка этих книг еще сложнее и требует специальных знаний по палеографии, истории бумажного производства и маркировки бумаги. Специалистов же палеографов в советское время практически не готовили и многие из них были самоучками. Между тем среди книжных богатств можно отыскать настоящие жемчужины, до сих пор неоцененные. Но вовсе не только поисками этих жемчужин определяется необходимость «раскрытия» фондов древлехранилищ. Без подробного описания и раскрытия всего средневекового «культурного наследия» невозможно изучение истории и культуры наших предков, следовательно, структурирование нашего будущего во всех его проявлениях.

Фундаментальная научная программа по описанию рукописей, хранящихся в БАН, задуманная и начатая первым заведующим Рукописного отдела В.И. Срезневским в начале XX в., была продолжена в 50-х годах. Почти сразу же после моего прихода в Отдел издательство Академии наук «Наука» предложило издать давно подготовленный 2-й выпуск 3-го (исторического) тома: «Исторические сборники XV–XVII вв.». Мне было поручено составить к подготовленному тому именной и географический указатели. Следом за выходом этого выпуска описаний в Отделе было решено приступить к научному описанию исторических сборников, написанных в XVIII–XIX вв. Это Описание, в подготовке которого я принял участие совместно с А.И. Копаневым, М.В. Кукушкиной и О.П. Лихачёвой, было опубликовано в 1971 г. как 3-й выпуск 3-го (исторического) тома.

Мои первые научные работы, написанные во второй половине 60-х гг., были посвящены различным аспектам изучения рукописных книг XVI–XVII вв., взаимодействию рукописной и печатной книги, книжной миниатюре, истории первоначальных фондов БАН. В тот период моё основное научное направление еще не определилось, и я искал тему, наиболее соответствующую моим научным интересам, научной подготовке, потребностям Отдела и российской науке в целом.

Рукописный отдел тесно сотрудничал с Археографической комиссией в Москве во главе с её председателем С.О. Шмидтом, а А.И. Копанев возглавлял Ленинградское отделение АК. В конце 60-х гг. АК задумала приступить к планомерному описанию древних (по XV в. включительно) славянских и русских, а также греческих и латинских рукописей, хранящихся на территории СССР. Работа по описанию рукописей кириллического и глаголического шрифтов должна была строиться на хронологическом принципе, когда рукописи описывались по векам, начиная с древнейших (южнославянские и русские, начиная с XI в.). Такой порядок описания был обусловлен необходимостью преодолеть идеологический

барьер, построенный в советское время, когда не одобрялся выход в свет книг, посвященных Евангелиям, Библиям, Апостолам и другим «религиозным» сочинениям, которые, что, естественно, превалировали среди сохранившихся древних кодексов. Поскольку штат АК был маломощным, осуществлять описание рукописей предполагалось силами сотрудников древлехранилищ на местах, а координацию и научную помощь брала на себя АК. Соответствующее предложение АК пришло и в БАН. Ввиду этого в Отделе было решено учесть все наши древнейшие рукописи XI–XV вв. и приступить к их описанию. Было также решено предварить сводное (из разных хранилищ) описание АК публикацией собственного описания, охватывающего старинные пергаменные кодексы, хранящиеся в БАН. Осуществлять задуманную работу взялись молодые сотрудники — Н.Ю. Бубнов и О.П. Лихачева, а редактором стала В.Ф. Покровская, которую оформили на временную работу в БАН. Вера Федоровна, заведовавшая Рукописным отделом в 40–50-х гг., как опытный филолог успешно координировала нашу работу и сама описала древнейшие славянские рукописи глаголического письма. Общее количество выявленных нами в БАН пергаменных рукописей достигло 195 ед. хранения, причём почти 2/3 из них сохранилось лишь в виде отдельных книжных тетрадей, листов или их фрагментов. Главной заслугой описателей стала атрибуция и прочтение многих фрагментов с плохо сохранившимся (соскобленным или смытым) текстом, а также смытых владельческих записей и помет, уточнение датировок кодексов, а также выявление принадлежности ряда неполных рукописей, отдельных тетрадей и листов к кодексам, хранящимся в древлехранилищах России и других стран. В ходе этой работы были выявлены, в частности, два годовых комплекта Служебных месячных миней, принадлежавших некогда библиотекам Софийского собора в Новгороде и новгородского Хутынского монастыря, а также отождествлены две части Пролога XIV в. из Троице-Сергиева монастыря, хранящиеся в БАН и РГБ. Описание пергаменных рукописей БАН вышло в свет в 1976 г. и вызвало положительный отклик как в России, так и в славянских странах: в славистских журналах было опубликовано шесть рецензий на это издание. Впоследствии часть составленных описаний, в дополненном и уточненном виде, были включены в «Сводный каталог славяно-русских рукописных книг», издающийся Институтом славяноведения и Археографической комиссией (XI–XIII вв.: М., 1984 и XIV в.: Вып. 1. М., 2002). Создание Каталога, в который предполагается включить тысячи славянских рукописей XI–XV вв., еще продолжается и требует от составителей значительных усилий.

Важную роль в становлении молодых исследователей Отдела сыграла полевая археография — деятельность, в осуществлении которой мне было суждено участвовать в 1965–1990 гг. Возрождение книжного собирательства в советское время принято связывать с деятельностью уже упомянутого мною доктора филологических наук В.И. Малышева. Владимир Иванович, несколько месяцев в предвоенные годы служивший в Рукописном отделе БАН, и в дальнейшем «курировал» Рукописный отдел в деле поиска и сбора рукописей у крестьян-старообрядцев. Моя первая археографическая экспедиция на Русский Север — в Карельское Поморье — состоялась в июне 1965 г. Мы поехали туда вместе с А.И. Копаневым. Выбор этого региона был обусловлен тем, что Александр Ильич уже дважды был в тех местах (1959 и 1960 гг.) вместе с филологом Л.А. Дмитриевым, научным сотрудником Пушкинского Дома. С моим приходом в БАН у Копанева появился компаньон, с которым он мог путешествовать и в трудных экспедиционных условиях искать и приобретать рукописи и старопечатные книги исключительно для Академической библиотеки.

Древние рукописные и старопечатные книги, которые мы искали, покупали, а чаще получали в дар в ходе экспедиционных поездок, хранились в большинстве своем у старообрядцев — сторонников древнего православного церковного обряда, измененного во времена патриарха Никона. До поездок в старообрядческие деревни я знал о старообрядцах очень мало. Знакомство с ними, особенно со старцами «начетчиками» (знатоками Священного писания и предания), внушили нам большое уважение к древней культуре, которую они олицетворяли. Постепенно пришло осознание, что в России существовала и в значительной мере сохранилась древняя христианская культура, альтернативная светской, представленная древней письменностью, живописью, музыкой, философией и жизненным укладом. Необходимо не только изучать эту культуру, но и брать из нее лучшее, нередко забытое, отвергнутое в период Петровских реформ и в последующие века. Между тем, в государственных древлехранилищах сохранились тысячи рукописных книг, сочиненных или переписанных старообрядцами, большинство из которых до сих пор лежат невостребованными и неизученными. Это осознание помогло мне выбрать направление моих дальнейших исследований — изучение старообрядческого литературно-книжного наследия и на его основе самобытной древнерусской культуры.

В археографических экспедициях 1965–1968 гг. нам с А.И. Копаневым удалось найти и установить контакт с общиной старообрядцев-скрытников, немногочисленные представители которой жили в г. Каргополе и некоторых окрестных деревнях. Скрытники по своим убеждениям принадлежали к наиболее ортодоксальному и непримиримому по отношению к власти старообрядческому толку. С конца XVIII века они отвергали не только господствующую православную церковь, но и государство, где правил царь — «антихрист», вели замкнутый образ жизни в отдаленных регионах страны. Они не имели документов, «бегали» или скрывались от «властей», не брали в руки деньги с «печатью антихриста», а купленные для них продукты и вещи подлежали «освящению». Нам удалось познакомиться с одним из бывших руководителей местной общины скрытников Максимом Ивановичем Залесским, долгие годы проведшим в сталинских лагерях, а по возвращении на родину ставшим историографом скрытничества. М.И. Залесский передал в БАН много древних книг и материалов, сохраненных или написанных им самим. Удалось познакомиться и с руководительницей местной скрытнической общины Марией Ивановной Гриневой, также передавшей нам свои книги, а позже способствовавшей в получении книг небольшой библиотеки-скриптория одного из закрытых скрытнических скитов, где до начала коллективизации велась активная переписка книг. Скрытники (странники) сознавали, что их община вымирает и необходимо сохранить для потомков накопленное культурное наследие — «историческую память». Однако завоевать их доверие было не просто. Познакомиться с Марией Ивановной нам помог случай. Впоследствии она рассказала нам о посетившем её «сонном видении» в ночь, накануне нашего прихода в её «келью». В «тонком сне» ей явилась Пресвятая Богородица и сказала, что утром придут «два светозарных мужа» и что она должна их достойно принять. За годы знакомства с Максимом Залесским и Марией Ивановной сотрудники БАН несколько раз посещали их жилища и неизменно получали помощь и поддержку.

В 1969 г. мы, вместе с А.И. Копаневым, решили поехать в экспедицию на его малую родину, в Кировскую область — бывшую Вятскую губернию. Это была первая археографическая экспедиция в область, где жило много старообрядцев. Объехав несколько районов, мы посещали старообрядческие общины, везде получая в дар или покупая рукописи и книги. Особенно плодотворным

оказалось посещение поморской общины в селе Старая Тушка, где удалось приобрести интересные старообрядческие рукописи и первопечатную Острожскую библию Ивана Федорова 1580 г. Здесь же нашлись книги, напечатанные, как удалось установить, в подпольной старообрядческой типографии Луки Арефьевича Гребнева, действовавшей с конца XIX вплоть до 20-х гг. XX в. Летом 1970 г. я снова поехал на Вятку, на сей раз с новым сотрудником Рукописного отдела И.Ф. Мартыновым, специалистом по русской литературе XVIII в. Эта экспедиция, обследовавшая старообрядческие поселения на юге Кировской области, также оказалась удачной. Из собранных материалов в БАН было сформировано новое «Вятское» рукописное собрание. В дальнейшем археографическая работа в регионе была продолжена А.А. Амосовым, Л.А. Петровой, О.Н. Блёскиной и Ф.В. Панченко.

С января 1970 г., стремясь расширить географию археографических поездок, мы решили организовать археографическую поездку на Украину к живущим там старообрядцам. Особенно хотелось попасть в знаменитое село Белая Криница, где до 1945 г. находилась резиденция старообрядческих митрополитов Белокриницкого согласия. Летом 1971 г. мы с И.Ф. Мартыновым приехали в Винницкую область и начали систематическое археографическое изучение областей Западной Украины, продолженное сотрудниками БАН и в последующие годы. Попав в Белую Криницу, которая, как оказалась, расположена на самой украинско-румынской границе, мы сумели отыскать спрятанную там во время войны часть старинной библиотеки Белокриницких митрополитов. Удалось убедить руководство местной старообрядческой общины и жившего в Черновицах белокриницкого епископа Иринарха в необходимости передать это ценное книжное собрание в Академию наук в Ленинград, где она будет сохранена и изучена. Большую часть найденных рукописных книг XVI–XX вв. удалось приобрести для БАН.

В начале 70-х гг. я познакомился с приехавшим в Ленинград Иваном Никифоровичем Заволоко — знаменитым старообрядческим ученым и общественным деятелем, бывшим в предвоенные годы депутатом латышского парламента, который ранее успешно сотрудничал с В.И. Малышевым и созданным им древлехранилищем. Начав профессионально заниматься старообрядческой письменностью и книжной культурой, я вступил в переписку с Иваном Никифоровичем и летом 1974 г. поехал к нему в Ригу вместе с И.Ф. Мартыновым и Л.А. Петровой, рассчитывая получить ценные советы и рекомендации по археографическим поискам в Прибалтике. От И.Н. Заволоко мы узнали, что через два дня в Вильнюсе открывается всероссийский съезд старообрядцев Поморского согласия, где мы смогли бы познакомиться со многими старообрядцами — хранителями старинных книг. Выехав немедленно в Вильнюс, участники экспедиции попали на съезд в качестве представителей Академии наук и встретились там с руководителями многих старообрядческих общин Латвии и Литвы. У одного из участников съезда удалось приобрести рукописное Евангелие XVI в. с четырьмя миниатюрами евангелистов. В последующие годы мы несколько раз ездили к литовским старообрядцам, собирая книги для вновь образованного Неманского собрания рукописей в БАН. Близкие контакты, завязавшиеся с рижскими старообрядцами и с руководителями Рижской Гребенщиковской общины, помогли в 1977 г. получить для БАН ценное рукописное собрание, состоящее из 11 рукописей XV–XVIII вв. из рижской «Книжницы». Эти древние кодексы были более всего востребованы российскими учеными-славистами и их изучение на месте было по многим причинам затруднено.

Позднее, с начала 80-х годов XX в., археографическую работу в БАН возглавил пришедший в Отдел в 1975 г.

историк-архивист А.А. Амосов, ученик С.О. Шмидта, а я, передав ему, руководство и планирование экспедиций, продолжал в некоторых из них участвовать. Благодаря археографическим экспедициям, Отдел рукописной и редкой книги БАН пополнился более чем 2,5 тысячами рукописных и 1,5 тысячами старопечатных книг. Об археографических экспедициях и формировании территориальных рукописных собраний в Рукописном отделе участниками экспедиций написано несколько статей.

Археографические экспедиции, знакомство со старообрядцами и старообрядческой рукописной книгой подтолкнули меня к написанию работ по истории старообрядческой публицистики, в основу которых было положено несколько удачных археографических находок. В начале 1976 г. я защитил кандидатскую диссертацию «Источники по формированию идеологии раннего старообрядчества», а затем, продолжив углублённо заниматься этой темой, и докторскую: «Старообрядческая книга в России. Источники, типы и эволюция», опубликованной в 1995 г. Интересно отметить, что обе диссертации были написаны на «стыке» исторической и филологической дисциплин, так как изучение старообрядческой культуры непременно требует комплексного подхода, анализа многих многожанровых источников. Моим руководителем при написании кандидатской диссертации был А.И. Копанев, а докторская диссертация получила одобрение Д.С. Лихачёва.

В 70–80-х гг. мы с А.А. Амосовым вели переговоры с московским старообрядческим наставником и коллекционером М.И. Чувановым о приобретении для БАН его богатой коллекции старообрядческих рукописей и гектографированных изданий. В 1989 г. эта коллекция и научная библиотека по истории старообрядчества были куплены у его наследников и получили в БАН первичное описание. Была приобретена также небольшая библиотека умершего ленинградского старообрядческого наставника А.М. Епифанова, в состав которой входил ещё один экземпляр Острожской библии Ивана Федорова 1580 г. с многочисленными маргиналиями.

В 1970 г. Рукописный отдел возглавила М.В. Кукушкина. Пришли работать новые сотрудники: Л.А. Петрова, Л.Б. Белова, И.Ф. Мартынов, а позднее А.А. Амосов, Ф.В. Панченко, О.Н. Блёскина. Новое научное пополнение оживило работу в Отделе. Прежде всего, это сказалось на археографической деятельности, которая заметно активизировалась, хотя количество и древность привозимых из экспедиций рукописей стали заметно снижаться. Вышли новые тома описаний рукописей, в частности, составленные И.Н. Лебедевой описание греческих рукописей (1973 г.), И.Ф. Мартыновым — научное описание рукописных поэтических сборников БАН: «Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения XVII–XIX вв.» (1980 г.), М.В. Кукушкиной, А.А. Амосовым и Л.Б. Беловой описаны «Рукописи Архангельского собрания» (Вып 1: 1989 г.). Работу М.В. Кукушкиной по изучению и реконструкции северных монастырских библиотек и хранящихся в них книг продолжила её ученица Л.Б. Белова. В эти же годы под редакцией М.В. Кукушкиной вышли два сборника «Материалов и сообщений по фондам ОРРК» (1978 и 1987 гг.). В 1975 г. Маргарита Владимировна защитила докторскую диссертацию на тему: «Монастырские библиотеки Русского Севера» и в 1977 г. издала одноименную монографию. Важным проектом, осуществленным в Отделе под её руководством, стало фототипическое издание Радзивиловской летописи XV в. — древнейшей сохранившейся иллюстрированной древнерусской летописи (1994 г.). В этом издании получили подробное описание сюжеты всех 600 исторических миниатюр (М.В. Кукушкина, А.А. Амосов, О.А. Белоброва). В 1979 г. Отдел, совместно с Археографической комиссией РАН, организовал первую всесоюзную научную конференцию по актуальным проблемам описания

рукописей. По материалам конференции был издан сборник статей «Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности». В эти годы Библиотека РАН признается ведущим учреждением в стране по проблематике научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Для работников провинциальных древлехранилищ организовывались практические семинары. В 1985 г. М.В. Кукушкина оставила руководство Отделом, но продолжала активную научную деятельность. Ею была написана и опубликована фундаментальная монография «Книга в России в XVI веке» (1999 г.).

С 1975 по 1995 г. в Отделе работал талантливый ученый-архивист Александр Александрович Амосов. Своей главной исследовательской темой он сделал изучение Лицевого летописного свода Ивана Грозного, а также исследование и реконструкцию царской библиотеки. В 1982 г. А.А. Амосов подготовил к печати и издал работу умершего в блокаду Ленинграда сотрудника БАН Н.Н. Зарубина «Библиотека Ивана Грозного» с обширными дополнениями и комментариями, а в 1991 г. защитил докторскую диссертацию о Лицевом летописном своде Ивана Грозного. За период работы в Отделе А.А. Амосов особенно много сделал по оптимизации научной работы Отдела, раскрытию фондов с помощью многочисленных статей и обзоров, налаживанию археографических контактов между научными центрами России, организации семинаров и выставок.

Моя работа в Отделе в 70–90-е гг. заключалась, помимо научной работы, в исполнении обязанностей главного хранителя, в участии в археографических экспедициях, описании привезенных рукописей и книг, в организации выставок и проведении экскурсий по ним. Много справок по фондам делалось в помощь читателям. Научная работа постепенно концентрировалась на старообрядческой тематике. Составленный мною план многотомного описания старообрядческих рукописей, хранящихся в РО БАН, постепенно реализовался. Первый том этого описания: «Сочинения писателей-старообрядцев XVII века» (описаны 133 рукописи) увидел свет в 1984 г., а в 2001 г. вышло его продолжение: «Сочинения писателей-старообрядцев первой половины XVIII века» (описана 181 рукопись). В эти же годы мною была написана серия статей по истории и книжной культуре старообрядчества, а также об археографических экспедициях БАН и сделанных в них находках и открытиях.

С 1986 по 1996 г. Отделом рукописной и редкой книги БАН руководила Людмила Ильинична Киселева, продолжившая сложившиеся в коллективе при А.И. Копаневе и М.В. Кукушкиной демократические традиции по руководству научной работой. Все научные темы сотрудников обсуждались на научно-методических советах Отдела и принимались (или отвергались) коллегиально, обсуждались планировавшиеся стационарные и выездные выставки, вопросы реставрации рукописей, научные командировки и др. В 1978 г. Л.И. Киселевой было издано: «Описание рукописей X–XV вв. латинского алфавита», а в 1992 г. 1-й выпуск «Корпуса записей на старопечатных книгах» XVI–XVII вв. Под редакцией Л.И. Киселевой в 1990 г. был подготовлен 4-й сборник «Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной редкой книги», увидевший свет в 1996 г., уже после её ухода из БАН в Российскую национальную библиотеку. При заведовании Отделом Л.И. Киселевой, сюда пришли на работу молодые исследователи: медиевист О.Н. Блёскина и музыковед Ф.В. Панченко, принявшие активное участие в археографической деятельности Отдела и описании новых приобретений. Ф.В. Панченко приступила к научному описание певческих нотных рукописей, хранящихся в Отделе. Ею была организована выставка певческих книг, созданных на Выгу. В 2001 г. вышел первый том описания музыкальных рукописей БАН:

«Певческие книги выголексинского письма XVIII — первая половина XIX в.». О.Н. Блёскиной была организована выставка и создан выставочный каталог иллюстрированных западно-европейских рукописей XI–XIX вв. (1991 г.). Л.А. Петровой, совместно с Н.С. Серегиной, издан репертуарный справочник музыкально-поэтических текстов XV–XVII вв. «Ранняя русская лирика» (1988 г.).

За прошедшие годы в Рукописном отделе скопилось значительное количество архивных материалов: неизданных работ умерших сотрудников Отдела, реставраторов, архивы коллекционеров рукописей и исследователей старинной бумаги. Эти материалы длительное время хранились в Отделе и постепенно разбирались и описывались сотрудниками: М.В. Кукушкиной, А.А. Амосовым, Н.А. Ефимовой. Когда в 90-е гг. в БАН были сняты ограничения на хранение и приобретение новых архивных материалов, в Отдел был приглашен опытный архивист А.Н. Анфертьева для их обработки. Ею были составлены описи архива Н.Н. Зарубина, коллекции старинной бумаги С.А. Клепикова и Г.А. Енша.

В 2002 г. Рукописный отдел возглавила Ирина Михайловна Беляева. В 2006 г. под её редакцией вышел очередной (5-й) том «Материалов и сообщений по фондам Отдела рукописей БАН», организовано несколько научных конференций. В Отдел пришли на службу новые сотрудники: историк А.Г. Сергеев и филолог В.Г. Подковырова. А.Г. Сергеев, защитив кандидатскую диссертацию, приступил к научному описанию древнерусских и югославянских рукописей XIV–XV вв., написанных на бумаге, продолжив тем самым традицию описания древнейших славяно-русских кодексов, а Вера Григорьевна Подковырова — к изучению и описанию лицевых старообрядческих рукописей, завершившихся выходом в свет в 2010 г. 1-го выпуска задуманной серии: «Лицевые старообрядческие рукописи XVIII — первой половины XX веков» (в соавторстве с Н.Ю. Бубновым и Е.К. Братчиковой). В книге, впервые в научной практике, получили подробное «словесное» описание 115 лицевых рукописей и настенных листов, включающих несколько тысяч красочных миниатюр. Крупной совместной работой сотрудников Отдела стала транслитерация, исследование и подготовка к изданию трех хранящихся в БАН томов «Лицевого летописного свода» Ивана Грозного в рамках грандиозного проекта по факсимильному изданию всех сохранившихся томов этой «исторической энциклопедии XVI века», организованного издательством «Актеон» при участии трех древлехранилищ Москвы и Санкт-Петербурга.

В 90-е гг. я продолжил описание и исследование старообрядческих рукописей БАН и других древлехранилищ. При этом нередко случались находки новых, неизвестных науке текстов, что внушило желание основать книжную серию: «Памятники старообрядческой письменности». Первый выпуск этой серии, включивший вновь найденные и не изданные сочинения Игнатия Соловецкого — старообрядческого писателя второй половины XVII в., а также новонайденные сочинения протопопа Аввакума, был подготовлен совместно с другими петербургскими исследователями старообрядчества: О.Н. Чумичевой и Н.С. Демковой (1998 г.). В 2000 г. это издание было повторено. Второй выпуск серии увидел свет в 2006 г. В него вошли сочинения Геронтия Соловецкого — сурового критика церковной реформы патриарха Никона, а также иллюстрированная старообрядческая повесть о патриархе Никоне. Завершением многолетней работы, автором-составителем которой являлся Н.Ю. Бубнов, стал изданный БАН в 2012 г. «Каталог старообрядческих гектографированных изданий БАН (XIX–XX в.)» с приложением текстов избранных старообрядческих сочинений. Каталог вводит в научный оборот значительный (около 600 изданий) малоисследованный материал

по истории и идеологии старообрядчества. Каталог может лечь в основу очень нужного исследователям сводного каталога старообрядческих гектографов всех архивохранилищ и библиотек России и СНГ.

В наступившем XXI веке в Рукописный отдел пришла работать талантливая молодежь. Это специалист по церковному праву М.В. Корогодина, опубликовавшая книгу: «Исповедь в России в XIV–XIX веках» (СПб., 2006) и приступившая к исследованию и описанию хранящихся в БАН Кормчих книг, Н.А. Ефимова, продолжившая, совместно с Л.Б. Беловой, реконструкцию и исследование монастырских библиотек Русского Севера, филолог-медиевист А.Е. Корначёв, принявший участие в создании Каталога книг личной библиотеки М.В. Ломоносова (СПб., 2011), В.А. Клишева, успешно включившаяся в работу по исследованию и научному описанию старообрядческих рукописей БАН. Эти сотрудники, получившие хорошее классическое образование, увлеченные профессией, работают в значительно лучших условиях, чем предшествующее поколение исследователей отечественной культуры. В 2008 г. академик А.М. Панченко опубликовал сборник своих статей: «Я эмигрировал в Древнюю Русь». Можно надеяться, что настанет время, когда сказочная страна — Древняя Русь — покинутая нашими дедами, станет для нас ближе и эмигрировать в неё уже не придётся.

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ОБЕСПЕЧЕНИЮ КАЧЕСТВА ИНФОРМАЦИОННО-БИБЛИОТЕЧНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Е.Г. Ахти, Центральная городская публичная библиотека им. В.В. Маяковского

По праву XXI век назван ЮНЕСКО Веком Качества. Высокое качество в современных условиях — объективная необходимость, имеющая приоритетное значение. Еще в начале XX века русский философ Иван Александрович Ильин сказал: «...русскому народу есть только один исход и одно спасение — возвращение к качеству и культуре. Ибо количественные пути исхожены, выстраданы и разоблачены, и количественные иллюзии на наших глазах изживаются до конца».

Современные общедоступные библиотеки как центры информационной, культурной, социальной работы имеют самые разнообразные возможности внести свой вклад в устойчивое развитие во многих сферах и на всех уровнях. Обеспечивая доступ к качественной, объективной и социально-значимой информации, они содействуют приобретению новых знаний, получению дополнительного и инновационного образования, приобщению к культурным ценностям, создают условия для интеллектуального и межличностного общения.

В то же время на библиотеки оказывают достаточно сильное влияние:

♦ бурное развитие информационных технологий;

♦ появление множества конкурентов, прежде всего в сфере информационных услуг и досуговой деятельности, что значительно расширило для пользователя возможность выбора;

♦ существенные изменения в поведении пользователей библиотек как результат технологического прогресса, затронувший практически все сферы человеческой деятельности.

В условиях Федерального закона № 83 «О внесении в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» и формирования государственного (муниципального) задания изменился не только правовой статус библиотек, но и механизм их финансирования. Сегодня библиотеки перешли от финансирования по смете к финансированию, ориентированному на результат.

Все это привело к необходимости точного определения своей ниши в социокультурном и информационном пространстве, пересмотра правил и параметров работы, разработки критериев оценки эффективности библиотечной деятельности и качества предоставляемых услуг.

Очевидно, что перспективы имеют лишь те библиотеки, которые обеспечивают качественное обслуживание, расширяют ассортимент традиционных услуг и создают новые виды продукции и услуг, доказывая тем самым свою значимость и полезность обществу. Эффективный подход к деятельности библиотеки является самым действенным в плане снижения издержек.

Каждая библиотека ищет новые подходы, пути и методы, которые позволили бы ей развиваться, быть успешной в условиях конкуренции. Большинство современных концепций повышения деятельности базируются на теории, методологии и практике управления качеством.

Таким образом, проблема качества библиотечного обслуживания и эффективности библиотечной деятельности не только приобретает особую актуальность, но и переходит из теоретических дискуссий в практическую область применения.

Вопросы оценки деятельности библиотеки и качества предоставляемых услуг уже давно в центре внимания Центральной городской публичной библиотеки им. В.В. Маяковского. Работа по решению этих вопросов ведется по двум основным направлениям:

1. Создание системы управления качеством внутри Центральной городской библиотеки им. В.В. Маяковского.

2. Создание условий для обеспечения качества библиотечного обслуживания в общедоступных библиотеках Санкт-Петербурга.

Для изучения (освоения, рассмотрения, исследования) темы качества библиотечных услуг наша библиотека инициировала проведение серии научно-практических конференций под общим названием «Менеджмент качества в библиотеке».

Первая научно-практическая конференция «Менеджмент качества путь к успешной библиотеке» была проведена в 2007 г. На этой конференции были рассмотрены, в основном теоретические аспекты данного вопроса. После проведенной конференции усилился интерес библиотечного сообщества к данной теме. Поэтому во второй научно-практической конференции «Менеджмент качества и деятельность библиотек», которая прошла в 2009 г., приняли участие не только специалисты из библиотек 23 регионов России, но и специалисты из Германии, США, Украины, Белоруссии.

Тема третьей конференции продиктована реорганизацией государственных учреждений, которая началась с момента вступления в силу Федерального закона № 83-ФЗ от 8 мая 2010 г., вызвавшей много вопросов в среде библиотечного сообщества.

В связи с этим перед библиотеками возникла необходимость не только определять количественные показатели библиотечных услуг, но и создавать эффективную систему качества услуг, разрабатывать Стандарты качества услуг библиотечного обслуживания.

Одним из итогов проведенных научно-практических конференций стала разработка документа «Руководство по системе управления качеством библиотечно-информационного обслуживания пользователей общедоступных библиотек». Это результат совместного труда двух библиотек: Центральной городской публичной библиотеки им. В.В. Маяковского (Санкт-Петербург) и Центральной городской универсальной научной библиотеки им. Н.А. Некрасова (Москва). Этот документ обобщил достижения целого ряда других российских библиотек в области менеджмента качества. При его подготовке были учтены замечания и предложения библиотек страны.

Документ направлен на решение общих вопросов организации системы управления качеством информационно-библиотечного обслуживания пользователей общедоступных библиотек. Так как основной задачей библиотек является предоставление качественных информационно-библиотечных услуг, отвечающих потребностям пользователей. В нем представлены описание основных видов государственных услуг (работ) информационно-библиотечного обслуживания пользователей общедоступных библиотек, критерии и индикаторы их качества.

Основные положения данного Руководства соответствуют рекомендациям «Модельного стандарта деятельности публичной библиотеки» (РБА, 2008 г.), учитывают требования и рекомендации комплекса действующих международных и национальных стандартов серии 9000 под общим названием «Системы менеджмента качества», а также СИБИД.

Руководство по качеству выполняет функцию постоянного справочного материала при внедрении системы качества, поддержании ее в рабочем состоянии и совершенствовании. В нем дано общее описание системы качества и составляющих ее подсистем (планирование качества, управление качеством, обеспечение и улучшение качества).

Руководство по качеству — это концептуальный главный документ, содержание которого дает представление о библиотеке, является ее визитной карточкой.

Значительным результатом последней конференции можно считать предложение ее участников о создании в рамках Российской библиотечной ас-

социации структуры, организующей сбор, анализ, обобщение и подготовку предложений по разработке системы показателей оценки деятельности библиотек и библиотечно-информационного обслуживания с учетом российской и международной практики. Предложено также приступить к разработке документа, в котором будут обобщены достижения ряда российских библиотек и учтена международная практика в области менеджмента качества.

Совет Российской библиотечной ассоциации поддержал данную инициативу и утвердил состав Межсекционной рабочей группы РБА по разработке системы показателей/индикаторов оценки деятельности библиотек и библиотечно-информационного обслуживания в мае 2012 г. Возглавила Межсекционную рабочую группу заместитель директора по развитию ЦГПБ им. В.В. Маяковского, штаб-квартира группы располагается на базе библиотеки.

За время работы Межсекционной рабочей группы было подготовлено пособие для руководителей библиотек «Обеспечение качества информационно-библиотечного обслуживания», проект которого широко обсуждался среди библиотечной общественности.

Разработана анкета для Всероссийского исследования состояния дел в Центральных библиотеках РФ по оценке эффективности деятельности библиотечно-информационного обслуживания, которая предложена для заполнения библиотекам страны.

Неотъемлемым условием для создания системы управления качеством является проведение социологических опросов качества информационно-библиотечного обслуживания и культурно-просветительной деятельности.

Поэтому первым этапом разработки системы управления качеством в Центральной городской публичной библиотеке им. В.В. Маяковского стало определение потребительских требований и предпочтений в отношении качества услуг предоставляемых библиотекой. С этой целью в течении ряда лет проводится анкетирование пользователей библиотеки.

Исследование показывает, что в целом пользователи библиотеки положительно оценивают ее работу, но в тоже время были высказаны пожелания по улучшению комфортности предоставления библиотечных услуг.

Например, по результатам исследования был изменен режим работы библиотеки:

- увеличилось время работы библиотеки;
- Библиотека работает без выходных дней.

Кроме этого был снижен возрастной ценз пользователей до 14 лет, организованы WIFI зоны, внедрен ряд новых виртуальных услуг.

Одна из них — «Абонемент on-line». Смысл этой услуги — в предоставлении читателю возможности забронировать себе издание по телефону или через сеть Интернет и в течение 3-х дней получить его на дом. Вся деятельность проекта «Абонемент on-line» сконцентрирована на достижении максимальной комфортности пользования всеми ресурсами библиотеки. Использование Интернет-сервисов позволяет нашей библиотеке идти в ногу со временем.

«Виртуальный читальный зал» открывает пользователям библиотеки удаленный доступ с домашних компьютеров к полнотекстовым подписным базам данных таких, как: Интегрум, БиблиоРоссика, EstView и др. Для удаленной работы с базами данных пользователю необходимо иметь читательский билет библиотеки и получить индивидуальные логин и пароль при личном посещении или в удаленном режиме на сайте библиотеки. После регистрации читатель имеет возможность работать с информационными ресурсами, перечень которых представлен на сайте библиотеки.

В 2013 г. начата выдача электронных книг через систему ЛитРесс, в которой

собрана художественная и популярная литература. Пользователь получает доступ к системе через библиотеку, выбирает книгу и читает на любом компьютере, мобильном устройстве в библиотеке или дома.

В 2012 г. запущен проект «Электронная библиотека», целью которого является расширение доступа пользователей к ценным библиотечным фондам, что будет способствовать повышению качества информационного обслуживания и самообслуживания пользователей. «Электронная библиотека» организуется по коллекционному принципу: включает массивы электронных документов, отобранных по проблемно-тематическому признаку, например по теме «Петербурговедение» или по виду документов, составляющих целостную и значимую в том или ином отношении коллекцию библиотечного фонда («Ноты редкие» ЦГПБ им. В.В. Маяковского).

Создан ряд виртуальных тематических путеводителей — «Вдоль Фонтанки-реки», «Гвардия в Петербурге».

Исследование удовлетворенности качеством обслуживания проводится библиотекой ежегодно. Его результаты стали основой для разработки и корректировки Политики в области качества ЦГПБ им. В.В. Маяковского, обязательного документа системы управления качеством.

Одним из средств обеспечения качества продукции и услуг в библиотеках является стандартизация. Сегодня каждая библиотека вправе самостоятельно разработать комплекс внутренних стандартов обслуживания, нормативно обеспечивая качество продукции и услуг.

Закрепление обязательного минимума в Стандарте позволит гарантировать всем потребителям библиотечных услуг равные права и возможности по их получению, где бы этот гражданин ни проживал и где бы ни находилось юридическое лицо.

Поэтому наша библиотека активно работает над созданием Стандарта качества библиотечного обслуживания населения Санкт-Петербурга.

С целью упорядочения и приведения к единообразию отчетной документации в библиотеке им. В.В. Маяковского разработана и с 2007 г. внедрена унифицированная форма отчета структурных подразделений. Благодаря этому соблюдается единообразие управленческих документов библиотеки, оптимизируется процесс планирования и отчетности. Это позволяет проводить мониторинг состояния ресурсов библиотеки, количественных и качественных показателей по государственному заданию.

Одним из обязательных условий достижения качества и эффективности деятельности библиотеки является непрерывное обучение персонала как основного ресурса библиотеки. Для обеспечения необходимого уровня компетентности сотрудников в библиотеке создана и работает система повышения квалификации. Она включает:

- ♦ курсы повышения квалификации, которые организуются совместно Институтом культурных программ Санкт-Петербурга;
- ♦ мероприятия в рамках Школы профессионального мастерства Центральной городской публичной библиотеки им. В.В. Маяковского;
- ♦ участие сотрудников библиотеки в профессиональных мероприятиях международного и всероссийского уровней;
- ♦ регулярная производственная учеба.

Уровень подготовки персонала определяется на основе аттестации рабочих мест и сотрудников.

С целью улучшения системы внутреннего информирования и организации эффективной системы взаимодействия отделов библиотеки на основе новых информационных технологий в ЦГПБ им. В.В. Маяковского был создан и успешно функционирует внутрибиблиотечный корпоративный сайт. На сайте каждый работник библиотеки может ознакомиться со структурой библиотеки, с нормативно-регламентирующими документами, локальными актами, узнать

информацию о предстоящих мероприятиях и событиях. На корпоративном сайте содержится информация о сотрудниках библиотеки, кроме этого он позволяет осуществить коммуникацию между отделами.

Таким образом, с уверенностью можно сказать, что в Центральной городской публичной библиотеки им. В.В. Маяковского сложилась и эффективно действует система управления качеством.

Центральная городская публичная библиотека им. В.В. Маяковского, являясь методическим центром для общедоступных библиотек Санкт-Петербурга, уже давно пришла к пониманию того, что повышение качества услуг, разработка системы управления качеством на уровне одной библиотеки, пусть и самой крупной из общедоступных библиотек города, не сможет изменить ситуацию, при которой престиж библиотек у городского населения падает, сокращается количество пользователей, т. е. ту ситуацию, в которой мы оказались с начала 2000-х годов. Поэтому повышение качества библиотечных услуг на общегородском уровне стало одним из приоритетных направлений деятельности библиотеки им. Маяковского. Главным инструментом реализации этой идеи стало создание Корпоративной сети общедоступных библиотек Санкт-Петербурга (КСОБ СПб).

Корпоративная сеть общедоступных библиотек Санкт-Петербурга — это добровольное объединение общедоступных библиотек города, основная цель которого повышение качества и оперативности библиотечно-информационного обслуживания населения Санкт-Петербурга. Создание Корпоративной сети библиотек позволило выйти на качественно новый уровень обслуживания пользователей.

Идея Единой системы обслуживания в масштабах одного города далеко не нова. Известно ее успешное применение в библиотеках Германии, Финляндии.

В то же время проект объединения в единую сеть 196 библиотек и организации совместной книговыдачи этими библиотеками, да еще в течение такого короткого срока, — бесспорно один из самых масштабных и даже амбициозных. Финансирование этого проекта стало возможным благодаря Программе модернизации общедоступных библиотек Санкт-Петербурга, реализуемой по инициативе Правительства города с 2006 г.

Основополагающим документом, по которому живут и развиваются общедоступные библиотеки Санкт-Петербурга, является «Концепция развития обслуживания населения Санкт-Петербурга общедоступными библиотеками на период с 2009–2015 годы».

Главная цель, обозначенная в Концепции: «...создание единого информационного пространства Санкт-Петербурга и устранение имеющегося противоречия между обособленной работой библиотек и необходимостью населения иметь доступ к библиотечно-информационным услугам и ресурсам по месту работы, отдыха и жительства».

Таким образом, создав Корпоративную сеть, библиотеки Санкт-Петербурга получили возможность:

1. Совместно создавать и использовать электронные ресурсы.
2. Внедрить новые электронные услуги.
3. Предоставить все это удаленным пользователям.

Для обеспечения доступа жителям города к информационным ресурсам и сервисным услугам КСОБ СПб, а также для представления в информационном пространстве России библиотек Санкт-Петербурга создан интернет-портал. На портале размещается информация обо всех общедоступных библиотеках города, организуется доступ к их сайтам. Предусмотрена возможность поиска библиотек через интерактивную карту, через портал предоставляется доступ к информационным ресурсам, отражающим фонды библиотек; тематическим ресурсам (краеведческим, социально-правовым); полнотекстовым базам данных. Одним

из основных достижений этого этапа развития Корпоративной сети общедоступных библиотек Санкт-Петербурга мы считаем внедрение сервисных услуг для удаленных пользователей, что значительно повышает доступность информации для населения и соответственно качество предоставления услуг.

Пользователи портала могут воспользоваться:

♦ услугами службы виртуальной справки;

♦ доставкой издания или копии его фрагмента в любую библиотеку (ЭДД);

♦ межбиблиотечным абонементом;

♦ возможностью забронировать издание в библиотеке, читателем которой он является;

♦ кроме того, в удаленном доступе читатели библиотек — участники Корпорации могут воспользоваться корпоративными полнотекстовыми внешними базами данных, таких, как Интернет-библиотека СМИ «Паблик.ру», «Интегрум» и т. д.

В настоящее время идет работа над созданием корпоративной электронной библиотеки.

Достижению качественно нового уровня библиотечно-информационного обслуживания населения Санкт-Петербурга во многом способствует то, что услуги КСОБ СПб представлены на портале государственных и муниципальных услуг Санкт-Петербурга, и перечень их будет расширяться. Сегодня на портале государственных услуг можно воспользоваться поиском в корпоративном электронном каталоге и электронной библиотекой ЦГПБ им. Маяковского.

Планируется подключение услуг продления, бронирования изданий и он-лайновой записи в библиотеку. Все это является составной частью плана перехода на Единую автоматизированную систему обслуживания.

Сегодня можно уверенно говорить о том, что все усилия по созданию и развитию Корпоративной сети общедоступных библиотек Санкт-Петербурга не напрасны, и это подтверждено цифрами: на фоне общероссийской тенденции к сокращению количества пользователей библиотек общедоступные библиотеки Санкт-Петербурга по итогам 2012 г. демонстрируют прирост по таким показателям, как «читатели библиотек» и «количество посещений».

В настоящее время идет работа над реализацией Концепции создания Городской автоматизированной информационной системы библиотечного обслуживания, которая даст возможность:

♦ осуществлять книговыдачу во всех общедоступных библиотеках Петербурга на основе единого читательского билета;

♦ обеспечивать доступ к распределенному фонду и к электронным ресурсам во всех библиотеках, в том числе к полнотекстовым;

♦ предоставлять пользователям новые современные сервисы;

♦ развивать систему самообслуживания на основе RFID-технологий.

Очевидно, что создание Городской автоматизированной системы библиотечного обслуживания предполагает работу всех библиотек не только по единой технологии, но и по единым стандартам качества предоставляемых услуг. Стандарт определяет минимально необходимые требования к содержанию и направлениям библиотечного обслуживания, к перечню реализуемых услуг, качеству и форме их предоставления.

Предоставление информации в ответ на запросы пользователей — ведущее направление работы библиографических служб публичных библиотек и важное направление (наряду с выдачей документов) для отделов обслуживания.

Поэтому с целью повышения качества библиотечно-информационного обслуживания первым был разработан и в 2012 г. утвержден Дирекцией Корпоративной сети общедоступных библиотек Санкт-Петербурга «Стандарт информационно-библиографического обслуживания Корпоративной сети общедоступных

библиотек Санкт-Петербурга». Он определяет следующий минимальный перечень из 11 информационно-библиографических услуг, обязательных для всех библиотек корпоративной сети города, количественные и качественные критерии их оценки:

♦ Предоставление доступа к различным элементам СБА библиотеки (КСОБ СПб).

♦ Справочно-библиографическое обслуживание.

♦ Организацию обслуживания по системе ИРИ (информирование).

♦ Организацию мероприятий и процессов массового и группового информирования.

♦ Организацию и информационное сопровождение комплексных информационных мероприятий.

♦ Составление списков литературы.

♦ Подготовку тематической полнотекстовой подборки (дайджеста).

♦ Предоставление письменной аналитической или фактографической справки.

♦ Предоставление услуги по ЭДД.

♦ Индивидуальные консультационные услуги.

♦ Обучающие занятия.

Стандартом закреплено распределение ответственности между структурными подразделениями библиотек в области выполнения информационных запросов (по степени сложности и тематической специфике), а также дается строгое толкование содержательного наполнения каждой услуги.

Задача стандарта — обеспечить во всех библиотеках Корпоративной сети общедоступных библиотек Санкт-Петербурга единый уровень требований к справочной и консультационной работе, единый подход к статистическому учету показателей этой работы и оценке качества работы библиографических служб.

Первые положительные итоги внедрения Стандарта уже очевидны:

♦ единообразна стала учитываться справочно-библиографическая работа в библиотеках Корпоративной сети общедоступных библиотек Санкт-Петербурга;

♦ достигнуто единообразное понимание специфики справки, выполненной с использованием поискового аппарата библиотеки, независимо от того, специалистами какого отдела она выполнена.

Учет этих справок стал проводиться отдельно от учета других видов справок, что позволило более содержательно судить о реальных трудозатратах, степени сложности выполняемой работы, существенно снизить уровень недостоверности статистических показателей. Это дало более прочную основу для сравнительной оценки деятельности библиотек Санкт-Петербурга в области информационного обслуживания пользователей.

Важным этапом внедрения Стандарта информационно-библиографического обслуживания является аудит. Главный результат аудита — осуществление оценки организации информационного обслуживания в библиотеках на основе единых требований. Это позволяет определить направления совершенствования информационного обслуживания в каждой отдельной библиотеке, а в итоге — повысить уровень доступности информационного обслуживания во всей сети публичных библиотек города.

Стандарт оценен профессиональным библиотечным сообществом Российской Федерации и рекомендован в качестве практического приложения к пособию для руководителей библиотек «Обеспечение качества информационно-библиотечного обслуживания», выпущенному Российской библиотечной ассоциацией в 2013 г.

Работа по стандартизации деятельности общедоступных библиотек Санкт-Петербурга продолжается. В настоящее время разрабатываются стандарты на сервисные услуги, предоставляемые через портал КСОБ СПб.

Подготовлен проект Стандарта «Централизованный межбиблиотечный або-

немент КСОБ СПб», определяющего виды доступных по МБА изданий, порядок осуществления заказа и координации участников выполнения услуги, порядок доставки изданий.

Ведется подготовительная работа по разработке Стандарта качества библиотечного обслуживания в рамках Корпоративной сети общедоступных библиотек Санкт-Петербурга и Стандарта качества корпоративных электронных информационных ресурсов.

Эти документы послужат основой для оценки качества услуг Корпоративной сети общедоступных библиотек Санкт-Петербурга.

Таким образом, работа по повышению качества библиотечного обслуживания как внутри Центральной городской публичной библиотеки им. В.В. Маяковского, так и на общегородском уровне, сливаясь в единую систему, становится действенным инструментом для привлечения населения в библиотеки Санкт-Петербурга.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ МАЛОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ БАН

Н.В. Колпакова, Н.Н. Ёлкина, БАН

В ноябре 1999 г. в БАН, в конференц-зале на одном из ученых советов состоялась презентация первого в отечественной и мировой практике энциклопедического электронного издания, посвященного отдельной библиотеке.

Семь трудных, но интересных лет возвращают нас в 1992 г., к началу работы над этим уникальным справочным изданием.

А началось все с идеи директора БАН В.П. Леонова обобщить то новое в Библиотеке, что к этому времени накопилось, однако многое представляло собой недостаточно изученный материал и это влекло необоснованные обобщения, в связи с чем появлялись разные точки зрения на одни и те же проблемы. Статьи, публиковавшиеся в научной периодике, чаще всего носили обзорно-ознакомительный или отчетно-фактографический характер, что не давало конкретной ориентации в фондах и справочных указателях.

Наиболее полную информацию, конечно же, заключали в себе монографии, связанные с историей Библиотеки, отдельных ее подразделений. В их числе капитальная и до сих пор сохраняющая свое значение монография «Библиотека Академии наук СССР. 1714–1964. Л.: Наука, 1964, а также труды К.В. Лютовой, М.В. Кукушкиной, А.А. Моисеевой и др. Все эти издания имели большую познавательную ценность и внесли в свое время неоценимый вклад в изучение истории БАН. Однако другой стала наша страна, изменилась идеология, появилось убеждение связать старое с новым, известное с неизвестным. Устарели или отсутствуют новые справочные данные о Библиотеке, что привело к недоиспользованию этих ресурсов. Но понадобилось несколько лет напряженного труда, прежде чем замысел Валерия Павловича получил свое воплощение.

Для его осуществления, конечно же, нужны были высококвалифицированные специалисты, которые бы сумели организовать работу, правильно выстроить отношения с людьми, от которых должна была исходить нужная информация, донести до них свою точку зрения. Вот этим требованиям как раз отвечала небольшая, созданная по предложению директора БАН, группа во главе с А.В. Соколовым, известного в библиотечной среде как большого ученого и интеллектуала.

Необходимо было учесть все детали общественной жизни Библиотеки, ис-

следовать все важнейшие исторические события, изложенные с хронологической последовательностью, с точным обозначением дат, решить проблемы выбора формы изложения, организации материала, ощутить пределы своих возможностей, осознать безграничность темы. Началась серьезная кропотливая работа, у всех было стремление правильно расставить акценты, не упустить главное.

Однако прежде чем приступить к изучению новых сведений, следовало привлечь ранее изученный и опубликованный материал, расширить его за счет новых данных.

Для определения реального вклада, сделанного специалистами БАН в мировую науку, целесообразно было проанализировать содержание публикаций, выявить лидеров, научные школы и т. п.

Таким образом, необходимо было всесторонне, достоверно и лаконично представить почти трехвековую историю и современное состояние самой Библиотеки и возглавляемой ею библиотечной системы. Это должно было компенсировать наиболее болезненно ощущаемые пробелы в литературе о Библиотеке и удовлетворить информационные потребности основных пользователей и партнеров БАН.

Предпосылками именно для выбора формы изложения, т. е. Энциклопедии, явились: обширный поток литературы о Библиотеке, который мог служить эмпирическим материалом для обобщения и подытоживания; творческий потенциал коллектива БАН, проявившийся в активной научно-исследовательской деятельности; мировой опыт подготовки и издания отраслевых библиотековедческих энциклопедий, словарей и справочников. БАН является одной из старейших библиотек мира, она имеет значение национальной библиотеки в нашей стране, поэтому она могла стать благодарным объектом для энциклопедического обобщения.

Этот вид справочной литературы как можно ярче демонстрирует стремление интенсифицировать использование библиотечно-библиографических ресурсов БАН; возможность дать мировому научному сообществу полное и правдивое представление о ней взамен распространенных умолчаний и искажений; потребность в научном осмыслении и подытоживании почти трехсотлетней истории Библиотеки.

По результатам работы инициативной группы в конце II квартала 1993 г. была учреждена Комиссия по подготовке ЭС БАН во главе с директором Библиотеки В.П. Леоновым.

В группу уже официально вошли:

Соколов Аркадий Васильевич – информатик, теоретик социальных коммуникаций;

Блюменау Дмитрий Иосифович – военный историк, филолог;

Данченко Татьяна Николаевна – информационный специалист;

Маслова Александра Николаевна – библиограф-краевед;

Головко Галина Викторовна – библиограф, библиотековед;

Елкина Надежда Николаевна – архивист, библиотековед, информационный специалист;

Дмитриев Дмитрий Владимирович — программист, матлингвист.

С 1994 г. Группу возглавила Н.В. Колпакова. Эта же дата стала и датой основания нового подразделения в БАН, закрепленного документально в качестве самостоятельной единицы при Издательском отделе Библиотеки. Это вполне закономерно, т. к. результатом деятельности этой группы впоследствии стал выпуск ряда энциклопедических изданий и выполнение других амбициозных проектов.

Тогда же, в середине 1990-х гг., были предложены 3 главные концепции будущей энциклопедии:

I. Традиционная энциклопедия.

Справочное издание, построенное в традиционном для энциклопедических словарей виде и предназначенное дать с максимальной полнотой в предельно

краткой форме всю совокупность фактографических сведений о БАН о ее прошлом и настоящем.

II. Коллективная монография.

Сборник статей, сформированный по разделам и снабженный обширным справочным аппаратом: предметно-тематическим указателем, именным, географическим и др.

III. Электронная энциклопедия.

Смешанное алфавитно-систематическое собрание документов фактографического, обзорного, аналитического и исследовательского характера, сформированного согласно тематическому рубрикатору.

Функция библиотеки – информационная, культурная и образовательная. Вот с этих позиций начала свою деятельность, хоть и малочисленная, но высокопрофессиональная группа специалистов. Работа их была чрезвычайно сложна. Началась она с разработки тематического плана – систематизированного перечня тематических разделов, между которыми распределялся общий объем издания. В специальных энциклопедиях тематические планы играют не только организующую роль на подготовительном этапе, но и являются важной составной частью энциклопедии, выполняя роль систематического вспомогательного указателя (путеводителя по энциклопедии).

В качестве авторов будущих энциклопедических проектов широко привлекались все специалисты – научные сотрудники Информационно-библиотечных, Научно-исследовательских подразделений Центральной библиотеки и библиотек при НИУ СПбНЦ РАН.

Всего было учтено 3 896 публикаций по истории БАН:

– газетные статьи и заметки;

– статьи в «толстых журналах» для широкой публики;

– статьи в журналах для научной общественности;

– научные монографии и сборники, справочники;

– архивные материалы;

– статьи в библиотековедческих и книговедческих изданиях;

– библиотечно-библиографическая документация, каталоги, методические материалы, путеводители.

В итоге, собрано более 200 статей по истории Библиотеки, ее подразделений, книжных коллекций; создан электронный биографический справочник, включающий около 1000 персон – сотрудников Библиотеки XVIII–XX вв.; осуществлен набор текста и проведено его редактирование. Все статьи авторские; произведена разметка ссылок и сносок для навигации в электронном варианте Энциклопедии.

В 1999 году Малая энциклопедия БАН на компакт-диске вышла в свет, то есть был принят новый на тот период для Библиотеки вариант создания энциклопедического электронного издания на основе новых информационных технологий.

Следует сказать, что в определенной степени провозвестниками технологии гипертекстовой разметки текста стала именно энциклопедия как жанр, в котором с помощью прямых и перекрестных ссылок читатель перемещается при чтении статей от одного понятия или предмета к другому, находящемуся на разных страницах издания.

Энциклопедия БАН рассчитана на следующие группы читателей: а) отечественных и зарубежных ученых – актуальных или потенциальных пользователей библиотечно-библиографических ресурсов централизованной системы БАН, заинтересованных в справочном пособии-путеводителе по этим ресурсам; б) отечественных и зарубежных обществоведов (историков, филологов, науковедов, культурологов), для которых важны не только фонды и справочные аппараты, но и сама БАН как феномен отечественной и мировой культуры и науки; в) отечественных и зарубежных библиотековедов, библиографоведов, книговедов, изучающих историю и современное состояние БАН в контексте

своих научных дисциплин; г) отечественных и зарубежных библиотекарей и библиографов-практиков, которым нужны достоверные и конкретные данные о фондах и справочных аппаратах, библиографических и прочих изданиях, библиотечно-библиографических услугах и условиях их предоставления.

Материал, отражаемый в Энциклопедии, представляется в виде тематического плана-оглавления, продиктованного ее целевым и читательским назначением. Он включает 15 основных разделов, по которым распределяется около 420 статей. Основные из них: Краткие сведения о БАН; Очерк истории; Место БАН в библиотечной системе; Международные связи; Структура и штаты; Автоматизация и современная технология. Кроме этих разделов предусмотрены: Указатель научных изданий БАН (монографии, сборники, труды конференций); Указатель библиографических пособий, подготовленных БАН; Указатель важнейшей отечественной и зарубежной литературы о БАН; Справочный аппарат, включающий тематический (географический) указатель и указатель авторов статей, помещенных в Энциклопедии. В частности, Указатель библиографических пособий включает около 500 библиографических изданий, подготовленных Библиотекой за период более чем два с половиной века (с 1741 г.).

В Энциклопедию БАН включены разделы, скомплектованные и выполненные в зависимости от их читательского назначения. Каждый читатель был адресован именно к «своим» разделам. Дифференциация статей по читательскому назначению облегчала работу авторов, поскольку они имели возможность четко представить себе ту читательскую аудиторию, к которой обращались. Средством разыскания справочной информации стали не алфавитная упорядоченность общего ряда, а вспомогательные указатели, способные обеспечить многоаспектный поиск не только по заглавиям, но и по содержанию энциклопедических статей.

Проблемам русской интеллигенции в стенах БАН в дореволюционную и послереволюционную эпоху и репрессиям сотрудников Библиотеки в период сталинской диктатуры посвящено 5 больших статей, в том числе такие, как «чистка» Библиотеки Академии наук в 1929 г.; Дело Академии наук (Дело Платонова); Репрессии сотрудников БАН.

Большой интерес имеет персональное представление сотрудников БАН в Энциклопедии. Это так называемые нестатейные разделы, которые включают:

– летопись БАН, выполняющую дополнительную функцию вспомогательного хронологического указателя;

– путеводитель читателя по БАН и по ее филиалам (раздел 8 Тематического плана);

– библиографические указатели первой и второй степени;

– документы о деятельности БАН, выступающие в качестве приложений к соответствующим разделам.

Путеводитель читателя по БАН и ее филиалам предназначен для ученых, пользующихся библиотечно-библиографическими ресурсами академической библиотечной системы, библиотекарей и библиографов- практиков, желающих взаимодействовать с ней. Он отражает современную практику библиотечного обслуживания, принятую в ЦС БАН, и базируется на организационно-распорядительной документации и данных, полученных от структурных подразделений и библиотек-филиалов БАН. В него входят:

Вводные указания по пользованию.

Структура и организация работы ЦС БАН.

Книжные фонды (общая характеристика).

Читальные залы.

Абонементы.

Книжные выставки. Экскурсии.

Каталоги. Библиографическая деятельность.

Научные конференции.

Относительно структуры и содержания статей издания необходимо было составить методические указания, предусматривающие детальные разъяснения по оформлению их жесткой схемы, начиная от «черного слова» и дефиниции и кончая библиографической справкой. Авторам задавался объем каждой статьи (в строках), исходя из общего объема издания с учетом иллюстраций и Словника. Были выделены наиболее существенные тематические направления (темы раскрываются в их историческом развитии и современном состоянии): структура (также штаты и кадры) Библиотеки; фонды (включая единую сеть академических библиотек, вошедших в общую систему БАН, и отраслевые петербургские библиотеки) и их комплектование; карточные каталоги; абонементы; читальные залы; выставки; научная, научно-библиографическая и научно-методическая работа и издательская деятельность; реставрационно-полиграфические мастерские. Энциклопедия также должна была охватить основные документы, регламентирующие работу БАН: ее международные связи; необходимую книговедческую и библиотековедческую терминологию.

Представлены исторические сведения за первое столетие существования Библиотеки: возникновение двух отделений – Русского и Иностранного (1819 г.), затем третьего – Славянского (охватившего книги на всех славянских языках, кроме русского) (1882 г.) и четвертого – Рукописного (начало XX в.). Описана структура БАН, существовавшая в 1925–1930 гг. (шесть отделений – Русское, Иностранное, Славянское, Рукописное, Картографическое, Читальный зал). В результате реорганизации Библиотеки в 1930 г. были сформированы: Отдел комплектования с тремя секторами – отечественного, иностранного комплектования и обменного фонда; Отдел обработки и каталогов; Отдел систематизации литературы; Отдел хранения основных фондов и секторами – отечественной и иностранной литературы и газетным сектором; Отдел обслуживания со справочным сектором; Отдел рукописной и редкой книги с секторами картографии и истории книги; Отдел литературы зарубежного Востока; Отдел международного книгообмена с сектором корреспондентов; Научно-библиографический отдел; Отдел гигиены книги; Отдел петербургских академических библиотек; Бронированный фонд изданий АН; Издательский отдел; Сектор сети специализированных академических библиотек в Москве.

Статьи поручалось писать специалистам, работающим в Отделах Библиотеки. Они были посвящены основным и специализированным вышеприведенным фондам (рукописные и старопечатные книги, редкие издания, архивный фонд изданий АН, отечественные книги, литература на языках народов СССР, литература группового хранения, отечественная периодика, иностранные книги, иностранная периодика, газетный фонд, литература на языках народов зарубежного Востока, географические карты и атласы, справочная и библиографическая литература), а также дублетным, бронированному и штабельному фондам хранения (времен Великой Отечественной войны).

Отдельные статьи были посвящены библиотекам филиалов АН, а также книжным коллекциям, составившим ядро Библиотеки (книжные собрания герцога Гольштейн-Готторпского, герцога Курляндского, библиотека Аптекарского приказа, А.А. Виниуса, Р. Арескина, П.П. Шафирова, царевича Алексея Петровича, Петра I, Я.В. Брюса и др.), а также позднейшим личным коллекциям переданным в БАН.

Представлены Генеральный алфавитный (сводный), Генеральный систематический, читательский алфавитный, а также специализированные каталоги при отделах Библиотеки и подсобные каталоги при читальных залах; Индивидуальный, межбиблиотечный (городской, иногородний, международный абонементы); статьи о микрофильмировании,

фотороботах, ксерокопировании, о читательских требованиях, выставках новых поступлений и читальных залах БАН. Освещая деятельность научных конференций и совещаний, Ученого и Научного советов, научно-методических советов при отделах БАН, а также издательская работа.

Например: «Положение о порядке пользования Библиотекой» (1848 г.), постановление Президиума АН СССР от 27 марта 1953 г. «О мерах по устранению недостатков в деле хранения, учета и сохранности библиотечных фондов Библиотеки АН СССР в Ленинграде», «Устав БАН СССР», утвержденный Президиумом АН СССР 27 июня 1958 г.

Вполне возможны отдельные статьи, посвященные Правилам пользования читальным залом и Правилам пользования индивидуальным и другими абонементами и т. д.

Деятельность группы «Энциклопедия» не прекратилась после выхода Энциклопедии на компакт-диске. Продолжалось и создание печатных изданий по истории Библиотеки. В частности, тогда же возник проект создания печатного издания по истории БАН в форме, отличной от коллективной монографии 1964 г., вышедшей к 250-летию библиотеки. Им стала Летопись Библиотеки, источниками для написания которой стали большей частью архивные или печатные материалы того же времени, что и описываемые в них события. Это был рискованный путь, так как часть событий была уже «перетолкована», часть сознательно скрыта, многие фамилии пришлось восстанавливать по подлинным документам. Изменения касались лишь исправления текста по правилам современной орфографии с некоторыми объяснениями ушедших реалий для современного читателя (например, схедограф, картописатель, оптант и др.).

В 2004 г. Летопись БАН, Т. 1: 1714–1900 вышла в свет. Она находится в свободном доступе на сайте Библиотеки в разделе Издательство.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ГОЛЛАНДИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ НА ПРИМЕРЕ БАН

И.М. Беляева, БАН

Библиотека Российской академии наук (БАН), созданная в 1714 г., имеет богатейшую коллекцию документов, относящихся к культурным связям России и Нидерландов. Часть документов датируется временем правления царя Алексея Михайловича, а большая их доля приходится на время Петра Великого и затрагивает становление книгоиздательских, книготорговых, научных и культурных контактов Санкт-Петербурга и Западной Европы, которые складывались через голландских издателей и книготорговцев. Из Нидерландов поступали в Санкт-Петербург в созданную в 1725 г. Академию наук книги на латинском, французском, немецком и голландском языках. В Россию были доставлены печатные станы, шрифты, литеры для создаваемого русского гражданского шрифта. В Нидерландах печатались и первые научные книги (типография Я. Тессинга) и оттуда же прибыли первые петербургские граверы А. Шхонебек и П. Пикарт. История становления книгопечатной, издательской и книготорговой культуры Санкт-Петербурга находит отражение в хранящихся в БАН документах.

Создание первых государственных библиотеки и музея России — Петровской Кунсткамеры — также связано самым непосредственным образом с Голландией, где Петр I и его сподвижники (А. Виниус, Р. Арескин, Я. Брюс) приобретали книги для своих частных собраний. Каждое из этих собраний, состоявшее не менее чем на половину из книг, изданных в Нидерландах, является ныне памятником русско-голландских книжных связей и в целом памятником русского просвещения петровской эпохи. Все эти частные коллекции хранятся в БАН.

Библиотека Российской Академии наук, основанная по указу Петра I в 1714 г., была создана на десять лет раньше самой Академии и является одним из первых ее учреждений. Среди 20 миллионов книг, хранящихся в настоящее время в системе Библиотеки Академии наук, примерно 18 тысяч представляет собой первоначальный фонд, сложившийся в течении XVIII века. 20 млн и 18 тысяч — цифры несопоставимые. И, тем не менее, эти 18 тысяч книг представляют для нас очень важный материал для исследования русско-голландских связей, прежде всего потому, что это тот книжный фонд, которым располагала отечественная наука в период своего становления. Начиналась же его история с царской библиотеки Кремля и Аптекарского приказа, книжные собрания которых содержали большие коллекции западноевропейских научных изданий XV — начала XVIII вв.

Аптекарский приказ (с 1707 г. — Медицинская канцелярия) — первое медицинское государственное учреждение России.

Он стал центром изучения и практического использования медицины, химии и фармакологии, главной функцией которого было врачевание и подготовка врачебных кадров. Естественно, что для получения медицинского образования и лечения больных требовалась специальная литература: лечебники, травники и многое другое.

В 1712 г. вместе с другими учреждениями Аптекарская (Медицинская) канцелярия была переведена в новую столицу России — Петербург. Вскоре туда же перевозятся и ее медицинские книги. Таким образом, в начале XVIII в. часть книг из хранилищ Аптекарского приказа составила основу первой библиотеки общественного пользования в России — Библиотеки академии наук.

Одним из источников поступления книг в собрание Аптекарского приказа была покупка за границей. Медикаменты, аптечные предметы и хирургические инструменты приобретались в основном в Голландии и Англии аптекарем при царе Алексее Михайловиче Романом Беньяном. Имеются исторические данные о том, что «1671 года октября 6 куплено аптекарем Романом Бенияном в Амстердаме аптечные предметы и лекарства на 3300 рублей» (Ретлингер. «Исследования»). По всей вероятности, книги приобретались за границей вместе с аптечными предметами и врядли упомянутая поездка была единственной. На некоторых книгах встречается постраничная запись «Книга Аптекарского приказу Романова привозу Бинияна». С подобной записью следует отметить трактат Георга Маркграфа, изданный в Амстердаме в 1658 г.

Книжное собрание Петра Великого является важной составной частью первоначального фонда Библиотеки Академии наук. В это собрание входили рукописи и печатные издания, полученные царем в наследство от его отца, братьев и сестер, а также книги, приобретенные как им лично, так и для него в России и за границей. Книги для Петра по его поручению закупались еще в 1697–1698 гг., во время его первой поездки за границу в качестве члена «Великого посольства», а также в последующие годы. Помимо того, большое количество книг император получал в дар. Это издания, выходившие в свет с середины XVI в. и до последних лет жизни Петра. Можно вполне согласиться с выводом одного из исследователей о том, что «библиотека несла трудную государственную службу в сложных походных условиях». Невольно возникает мысль о том, что книжное собрание становится по настоящему живым организмом, когда оно «живет одной жизнью» со своим владельцем. Книги, приобретенные самим царем, прекрасно характеризуют всю широту круга его интересов. Здесь представлена литература по кораблестроению, фортификации, артиллерии, математике, гидротехнике, архитектуре, медицине, географии, истории и другим наукам. Известно, что именно интересы Петра и определили состав собрания, а это в свою очередь обусловило формы и способы его использования, уготовило нелегкую судьбу для этой уникальной коллекции.

Остановимся более подробно на некоторых экземплярах, наиболее ярко характеризующих связи между Россией и Голландией, представленных в собрании Петра I, которое хранится в Библиотеке РАН.

Заметное место в коллекции занимает собрание гравюр. Среди них интерес представляет офорт, выполненный самим Петром под руководством Андриана Шхонебека «Аллегория победы над турками» (Победа христианства над исламом), — аллегорическое изображение взятия Петром I Азова у турок в 1696 г. На литографии имеется текст на голландском языке: «Петр Алексеевич, великий русский царь, награвировал это иглой и крепкой водкой под руководством Андриана Шхонебека в Амстердаме, в 1698 г. в спальне своей квартиры на верфи Ост-Индской компании» (П.I.Б.116).

Будучи в 1697 г. в Амстердаме, Петр познакомился с одним из известных, талантливых голландских граверов Андрианом Шхонебеком и пригласил его в Россию. Он привез с собой большое количество эстампом, главным образом работы голландских мастеров, для ознакомления своих учеников с европейской школой искусства гравюры. Наряду со Шхонебеком в России работал другой голландский гравер Питер Пикарт. Среди его работ, принадлежащих к собранию Петра I, следует выделить Карту части Балтийского моря. На карте изображены омываемые морем шведские и русские земли. Имеется надпись: «Повелением царского пресветлого величества грыдыровал на меди Питер Пикарт». В коллекции Петра имеется также Альбом из 25 гравюр на отдельных листах «Архитектурные огородные уборы», авторами которого

являются Алексей Иванович Ростовцев и Питер Пикарт (П.I.477).

В обширной коллекции Петра Великого его собрание географических и морских карт, планов и чертежей занимает особое место. Принимая во внимание объем и разнообразие собрания, а также небольшой период времени, за который оно было создано, следует признать, что Петр придавал ему особое значение. Рукописные и печатные карты России были изготовлены по заказу самого царя. Над ними работали нидерландские картографы, гидрографы и граверы. Большое количество карт, предметом которых были территории и за пределами России, были изданы в Нидерландах.

Во время своего пребывания в Амстердаме Петр I встретился с морским офицером Корнелиусом Крюйсом. Как известно, царь принял его на службу в качестве вице-адмирала и возложил на него ответственность за строительство русского флота.

Небольшая карта реки Невы была начерчена Корнелиусом Крюйсом в 1723 г. Наряду с более известным «Атласом Дона» эти карты, по мнению исследователей, являются единственными сохранившимися работами Крюйса. В 1699 г. во время спуска вниз по течению Дона гидрографические работы проводились под руководством Крюйса, но изготовленные при этом рукописные карты не сохранились. По приказу царя эти карты в 1703–1704 гг. были награвированы, напечатаны и переплетены в атлас в Амстердаме у Хендрикса Донкера. В общей сложности атлас содержит 17 карт.

В мае 1698 г. русский царь выдал привилегию сроком на пятнадцать лет голландскому купцу Яну Тесингу на издание русских книг в Амстердаме. В соответствии с этой привилегией Тесинг со своими компаньонами И. Копиевским и Я. де Юнгом выпустил в свет книги, тематика которых отражала потребности новых русских учебных заведений (Навигацкой школы, Славяно-греко-латинской академии).

Содержание входящей в фонд академической библиотеки литературы изначально определялось нуждами отечественной науки. Академическая библиотека как «первая ученая принадлежность Академии» была призвана с достаточной полнотой и оперативностью обеспечивать обмен научной информацией все «классы» Академии по всем комплексам разрабатываемых в них научных проблем.

И хотя для каждого книжного собрания характерны специфические черты, основное содержание их определяется профессиональными занятиями ее владельца. Как правило, книги, изданные в Голландии, присутствуют в личных библиотеках XVIII в.

В 1718 г. в библиотеку поступило собрание книг А.А. Виниуса. Андрей Андреевич Виниус — переводчик Посольского приказа, начальник Сибирского приказа, один из деятелей Петровского времени, с именем которого связывают начало преобразований в России. Фамилия Виниусов достаточно известна и в Голландии, и в России. Отец А.А. Виниуса, сын амстердамского купца Дениса Терксена Виниуса, Андрей Денисович прибыл в Россию и с 1632 г. занимался добыванием железа в окрестностях Тулы и строительством первого механического завода для производства железа.

Видимо, начало библиотеки было положено именно А.Д. Виниусом, который привез с собой голландские издания.

Сын Андрея Денисовича Виниуса, Андрей Андреевич, не пошел по стопам отца. В 1667 г. он работал в Москве в качестве переводчика при голландском посланнике Бореле и московской типографии. Вся дальнейшая жизнь А.А. Виниуса связана с петровскими преобразованиями и с событиями Северной войны. Петр I неоднократно пользовался его знаниями голландского и других европейских языков для издания переводных книг, и библиотека Виниусов служила в этом значительным подспорьем.

Небольшое по современным представлениям (около 400 томов), но хоро-

шо подобранное по содержанию книжное собрание отца и сына Виниусов, состоящее на 90% из книг на голландском языке, должно было особенно импонировать Петру I, поскольку этот язык был для него предпочтительнее всех прочих европейских языков.

Уникальным явлением для культуры России является Альбом Виниуса. Ничего подобного в других русских хранилищах и архивах не сохранилось, а возможно и не было. В нем имеется 171 рисунок и 144 гравюры. Состав альбома чрезвычайно сложен: в него входят рисунки XVI–XVII вв. западноевропейских, главным образом голландских мастеров, а также западноевропейские, преимущественно голландские и фламандские гравюры второй половины XVI–XVII вв.

Альбом не подвергался тщательному исследованию специалистами, но определено, что некоторые рисунки принадлежат известному голландскому художнику Яну Ливенсу.

Наряду с рисунками и вырезками из книг в альбоме представлена почти полная Библия в гравюрах фламандского художника и гравера Питера ван Борхта, работавшего в знаменитой антверпенской издательской фирме Дом Плантена.

В собирании библиотеки Виниуса, которая в 1718 г. поступила в Библиотеку АН, принимали непосредственное участие три поколения Виниусов — Андрей Денисович, Андрей Андреевич и Матвей Андреевич. Об этом свидетельствуют записи на альбоме. Альбом Виниуса ставит перед исследователями множество разнообразных проблем.

Одна из крупнейших научных библиотек начала XVIII в. — книжное собрание генерал-фельдмейстера Петра I Якова Брюса — по завещанию после его смерти в 1735 г. поступило в академическую библиотеку. В собрании Брюса нет книг на тех языках, которыми он не владел. В 1989 г. был издан каталог книг собрания Брюса, хранящихся в БАН. Среди книг — 58 изданий на голландском языке и более 100 изданы голландскими издателями. Особо надо отметить знаменитые фирмы Эльзевир, Блау, Ван Кейленов.

Библиотека Академии наук обладает небольшим, но ценным собранием изданий голландских типографов XVII в. Эльзевиров, которые занимают почетное место в истории книгопечатания. Эльзевировских изданий в Библиотеке РАН более 700 названий в 1500 томах, что составляет около 40% всей типографской продукции фирмы. В составе собрания имеются античные авторы (среди них превосходные издания Виргилия 1636 и 1676 гг.), а также издания, считающиеся шедеврами типографского искусства («Свод гражданского права», «Арабско-латинский лексикон» и др.). Несмотря на то, что наше собрание невелико, оно дает возможность изучить по лучшим образцам печатной продукции типографское и издательское искусство одной из знаменитейших фирм.

Следует отметить, что частные собрания, поступившие в XVIII в. в Библиотеку не сохранились в своем первоначальном составе.

Всего в XVIII в. в БАН поступило более 40 частных собраний.

При выявлении и изучении книжного собраний исследователю необходимо иметь в виду следующие важные обстоятельства:

1) до наших дней сохранились старые библиотечные описи собрания, сделанные именно тогда, когда книги влились в фонд;

2) на многих книгах, принадлежащих деятелям науки и культуры имеются владельческие надписи — его автографы на титульных листах, экслибрисы, суперэкслибрисы.

Выявление книг из собраний путем только сверки описи с каталогом Библиотеки не представляется возможным, потому что записи, сделанные в XVIII в., значительно отличаются от библиографических записей нашего времени. Поэтому необходим и просмотр фондов de visu.

Но планомерная работа по реконструкции этих коллекций даст возможность представить нам их содержание и состав.

Понимание взаимосвязей России и Голландии этого времени было бы неполным без уяснения роли гравюры, книги, карт в развитии не только научных, но и политических контактов.

На наш взгляд, не подлежит сомнению, что в значительной степени нидерландская книга сыграла важную роль в развитии отношений с Западом. Предстоит сделать еще много открытий. Остается лишь пожелать успехов в этом российским и нидерландским исследователям.

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА СБОРНИКА «АМЕРИКАНЦЫ – ЧЛЕНЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

Н.В. Бекжанова, Н.А. Волкова, Н.А. Сидоренко, БАН

В начале 2010 г. Библиотекой Российский академии наук (далее БАН) был издан сборник «Американцы — члены Императорской академии наук». Работа была подготовлена сотрудниками Справочно-библиографического отдела под научным руководством директора БАН В.П. Леонова. Финансовую поддержку проекта осуществляло Консульство США в С.-Петербурге.

Перед авторами стояла непростая задача — в ограниченный период времени на основе контактов Императорской академии наук в С.-Петербурге (далее Императорская АН) с учеными из США, избранными в ее состав до 1917 г., собрать материалы о российско-американских научных связях.

Выполнение этой задачи зависело от результатов поисковых действий, в ходе которых предполагалось выявить необходимые фактографические сведения (контакты американцев с русскими учреждениями, личные связи с учеными, имена, события, объекты и др.), библиографическую информацию, иллюстративный материал. Причем полезными могли быть любые прямые и косвенные данные о существовании российско-американских научных связей, обнаруженные в достаточно широком круге разнородных источников. Цель настоящей статьи — охарактеризовать основные группы использованных материалов и оценить степень библиографической обеспеченности заданной темы.

Список американских ученых[1], избранных в обозначенный период в члены-корреспонденты или почетные члены Императорской АН, составил двадцать персон.

Разнообразие специальностей ученых обусловило тематическую широту поискового пространства, основой которого стали фонды СПбФАРАН[2], БАН с ее филиалами в Ботаническом институте, Зоологическом институте, Пулковской обсерватории, Русском географическом обществе, Русском минералогическом обществе, Институте восточных рукописей, Институте российской истории, Институте истории естествознания и техники.

В ходе поиска были использованы следующие группы архивных и опубликованных документов.

I. Архивные документы

Архивные документы, главным образом, представляли собой комплекс академического делопроизводства, связанный с выборами — протоколы заседа-

ний отделений и Общего собрания Императорской АН, протокольные бумаги. В ограниченном объеме привлекалась личная переписка из фондов отдельных ученых.

Протоколы позволяли выявить обстоятельства выдвижения и избрания американских ученых в члены-корреспонденты или почетные члены Императорской АН. Часто они содержали указание на рекомендовавших их российских ученых, информировали о ходе баллотировки и результатах голосования.

Рекомендательные письма российских ученых, а также благодарственные письма, поступившие от избранных американских ученых, выявлялись, в основном, в составе протокольных бумаг, представляющих собой приложения к протоколам. Те и другие оказались весьма информативными. Рекомендации, как правило, давали представление об уже существующих научных контактах. Написанные в свободной форме, они наряду с научными достижениями включали иногда и характеристику личности (напр., рекомендации Дж. Холла[3], Ч. Лэнмана[4] и др.).

Авторы *благодарственных писем*, в целом сдержанных, иногда очень поэтично выражали свои чувства по поводу из-

Таблица **Список американских ученых, избранных в почетные члены Императорской АН**

Год избрания	Фамилия, имя	Специальность
1789	Франклин Бенджамин	физик, естествоиспытатель, просветитель
1795	Черчмен Джон	физик
1838	Харлан Ричард	врач, зоолог, палеонтолог
1855	Мори Мэтью Фонтейн	океанограф, метеоролог, картограф
1858	Дана Джеймс Дуайт	геолог, минералог
1861	Бейч Александр Даллас	геофизик, организатор науки
1862	Грей Аса	ботаник
1867	Бэнкрофт Джордж	историк, дипломат
1869	Агассис Жан Луи Родольф	палеонтолог, естествоиспытатель
1872	Сильвестр Джеймс Джозеф	математик
1875	Ньюком Саймон	астроном
1875	Уитни Уильям Дуайт	языковед, санскритолог
1880	Холл Асаф	астроном
1895	Селигман Эдвин Роберт Андерсон	экономист
1895	Уолкотт Чарльз Дулиттл	палеонтолог
1895	Холл Джеймс	геолог, палеонтолог
1897	Райт Кэррол Дэвидсон	экономист, статистик
1907	Лэнман Чарльз Рокуэл	индолог, санскритолог
1908	Пикеринг Эдуард Чарльз	астроном
1910	Босс Льюис	астроном

брания. Например, С. Ньюком писал: «Я крайне ценю звание, присужденное мне столь знаменитым учреждением, труды которого играют столь важную роль в современной науке. Над ним сияют имена, на которые я издавна взирал с глубоким почтением, и ваш диплом будет содействовать тому, чтобы я передал эти чувства и моим детям»[5].

Протокольные бумаги содержали иногда неожиданные документы. Так, было обнаружено письмо некоего Дж. Черчмена — директора лаборатории экспериментальной терапии Медицинского колледжа Корнелльского университета, направленное им в 1926 г. президенту АН СССР С.Ф. Ольденбургу, в котором автор интересовался обстоятельствами избрания его предка и тезки Дж. Черчмена в члены Императорской АН[6].

Самостоятельным источником можно назвать *«Реестр отосланных дипломов на звание членов Академии наук с 1827 по 1893 г.»*, в котором фиксировался факт отправки диплома в адрес вновь избранного члена Императорской АН. В пяти случаях именно запись в «Реестре» служила доказательством выдачи диплома (напр., запись о Р. Харлане[7]). С 1867 г. в делах оставлялись копии высланных *дипломов*[8], позволяющих проследить, в том числе, и как менялось их оформление.

Документы свидетельствуют, что дипломы за подписью президента Императорской АН, вице-президента и непременного секретаря, высылались вновь избранным членам в обязательном порядке и довольно оперативно. Но случались и курьезы. Так, посылка с книгами профессора П.Л. Чебышева, адресованная «члену-корреспонденту Петербургской академии» Дж. Дж. Сильвестру, опередила диплом. Не скрывая своего удивления, Сильвестр начинал ответное письмо словами: «Я совершенно не подозревал, что имею удовольствие носить столь высокое и почетное звание. Не будете ли Вы добры написать мне, как случилось, что я был избран членом-корреспондентом»[9].

Письма американских ученых в адрес своих российских коллег, а иногда и копии ответных писем, хранящиеся в составе фондов отдельных ученых, позволяют получить представление о характере отношений, их длительности, обсуждаемых темах (напр., серия писем Э.Р.А. Селигмана И.И. Янжулу[10], письма А. Грея Г.П. Бонгарду и Ф.И. Рупрехту[11]). Иногда это могли быть воспоминания о взаимных визитах, встречах на конференциях, о совместном отдыхе в Европе. Например, астроном Э.Ч. Пикеринг в 1910 г. писал директору Пулковской обсерватории О.А. Баклунду, ссылаясь на беседу с коллегами, что «...из всех астрономов, какие были здесь прошлым летом, ничье посещение не доставило нам такого удовольствия, как посещение профессора Баклунда и никого нам не было бы так приятно приветствовать здесь снова»[12].

II. Опубликованные источники

1. Труды американских ученых в фондах БАН.

Наличие в фондах БАН *оригинальных книг* американских ученых свидетельствует об интересе к их исследованиям в России и целенаправленном комплектовании таких монографий. Но нередко сами авторы направляли свои труды в дар Императорской АН или конкретным ученым (и получали подобные посылки из России). Обмен книгами носил в ряде случаев постоянный характер, как, например, между М.Ф. Мори и А.Я. Купфером. Многие из присланных американцами книг содержат дарственные надписи, посвящения, что является неопровержимым свидетельством личных контактов между учеными и потому делает эти экземпляры особенно интересными. Экслибрисы на некоторых книгах говорят об их принадлежности в прошлом к частным коллекциям. Так, в БАН хранится знаменитый магнитный атлас[13] Дж. Черчмена с экслибрисом известного

собирателя книг и предметов искусства графа Н.А. Кушелева-Безбородко.

Наряду с книгами в фондах БАН были обнаружены и оттиски статей, поступивших от американских ученых и содержащих их автографы.

Монографии некоторых американских ученых были *переведены на русский язык и опубликованы* в России отдельными изданиями. Это, в основном, труды представителей естественных наук: М.Ф. Мори, Дж.Д. Даны[14], Ж.Л.Р. Агассиса[15], С. Ньюкома. Но и среди деятелей социальных наук имеются подобные примеры (Э.Р.А. Селигман, К.Д. Райт)[16].

На русский язык переводились не только сугубо научные, но и *научно-популярные*, учебные работы американских ученых. Например, «Астрономия для всех»[17] С. Ньюкома выдержала в России три издания (с 1905 по 1923 г.). Нравоучительное произведение Б. Франклина о добродушном Ричарде[18] на протяжении менее чем сто лет увидело свет пять раз под разными названиями.

Просмотр периодических изданий позволил собрать достаточно богатый «урожай» *русских переводов статей американских ученых*. Особое внимание уделялось повременным изданиям Императорской АН («Известиям», «Запискам»), но активно привлекались и другие научные, научно-популярные журналы и продолжающиеся сборники. Выявилось, что некоторые журналы («Бюллетень Московского общества испытателей природы», «Горный журнал», «Известия Русского астрономического общества» и др.) неоднократно печатали статьи американских ученых. В «Морском сборнике», например, на протяжении пяти лет (с 1853 по 1858 г.) были опубликованы 17 статей М.Ф. Мори в переводе на русский язык[19]. В 1885–1886 гг. в воронежском журнале «Филологические записки» печатались фрагменты книги У.Д. Уитни[20].

2. Литература на русском языке об американских ученых.

Практически уже в первых *русскоязычных энциклопедических изданиях* появляются имена американских ученых. Так, статья о Дж. Бэнкрофте была опубликована в «Настольном словаре» Ф. Толля[21] еще до избрания этого выдающегося историка в члены Императорской АН.

Отдельные монографии на русском языке посвящены лишь двоим американским ученым из обследованного списка. Огромной известностью в России пользовался Б. Франклин, о жизни которого книги выпускались на протяжении XIX–XX вв., даже в виде изданий для детского чтения. Кипучая и плодотворная деятельность океанографа М.Ф. Мори также вызывала живой интерес русских географов, гидрографов и военных моряков; множество публикаций о нем венчает книга В.Г. Смирнова, увидевшая свет уже в начале XXI в.[22]

Отечественные публикации об американских ученых представляют собой, главным образом, *журнальные и газетные статьи*.

Список *русских журналов*, публиковавших материалы об американских ученых и их научных достижениях, достаточно велик (~ 50 назв.). Чаще всего такие статьи появлялись в «Морском сборнике», «Журнале Министерства народного просвещения», «Горном журнале». Сведения о контактах американских ученых с русскими научными обществами удавалось почерпнуть из периодических изданий этих коллективов, среди которых следует назвать Московское общество испытателей природы, Русское географическое общество, Императорское минералогическое общество, Русское астрономическое общество, Русское физико-химическое общество и др. Важным источником фактических данных являлись печатавшиеся в этих журналах протоколы заседаний обществ.

Статьи и заметки об американских ученых были найдены и в *популярных журналах* «Записки для чтения», «Моск-

витянин», «Знание», «Вестник и библиотека самообразования»[23], «Всемирная иллюстрация»; и *газетах* «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Иллюстрированная газета» и др. Интересно, что иногда такие публикации на много лет опережали избрание ученого в состав Императорской АН. Например, имя Б. Франклина появилось в русской печати почти за 40 лет до избрания, когда в «Санкт-Петербургских ведомостях» было напечатано сообщение о его работах в области атмосферного электричества[24].

Обращает внимание тот факт, что *рассеяние информации* усиливается в случае широкой известности ученого, или, когда предмет исследования американского ученого либо высказанные им идеи становились объектом дискуссии и получали широкий общественный резонанс. Примером может служить статья профессора С.-Петербургской духовной академии И.Т. Осинина в журнале «Христианское чтение», написанная в связи с выходом в свет новой книги Ж.Л.Р. Агассиса[25].

Говоря о *некрологах*, в первую очередь, следует назвать журналы научных обществ, но нельзя не отметить такие общеизвестные издания, как «Всемирная иллюстрация» и «Нива», на страницах которых публиковались посмертные статьи об ученых, в том числе и об усопших американских ученых — членах Императорской АН. Некоторые из некрологов сопровождались портретами.

В академических периодических изданиях, чаще всего в рамках «Протоколов» заседаний отделений, печатались краткие траурные сообщения о скончавшихся членах академии (напр., об А.Д. Бейче[26], Дж. Холле[27]) или пространные некрологи с детальным анализом научного вклада ученого (напр., о Ч.Д. Уолкотте[28], Л. Боссе[29]).

Кроме обозначенных источников, в работе были задействованы и иностранные энциклопедии, биографические словари, специальные справочники, монографии, тексты документов, в том числе, архивных, представленных, например, на веб-сайтах университетов, где работали американские исследователи, или на семейных сайтах.

Подводя итог краткому обзору информационного обеспечения темы «Американцы — члены Императорской АН», можно сделать следующие выводы:

♦ разные специальности вышеназванных персон, а также временная отдаленность событий обусловили необходимость проведения политематического библиографического поиска значительной хронологической глубины,

♦ работа с архивными документами, как правило, производилась в оговоренном объеме. Для поиска опубликованных материалов использовались все типы вторичных источников информации. При необходимости привлекались тематически подходящие монографии, статьи, применялся сплошной просмотр релевантной периодики,

♦ в результате для каждой персоны были сформированы корпусы разнородных материалов, которые позволили (иногда достаточно подробно, иногда схематично) описать характер взаимоотношений ученых двух стран, очертить круг их общения,

♦ результативность поиска, таким образом, была различной: от удовлетворительной до слабой. В ряде случаев поиск мог бы быть продолжен.

Найденные материалы позволили выявить методы популяризации научных идей американских ученых в России: рецензирование оригинальных изданий; переводы их на русский язык; публикации статей об ученых и их достижениях не только в научной периодике.

Следует сказать о формах развивающегося международного научного сотрудничества, характерных для академической среды XIX в. и присущих

русско-американским научным связям: широкие профессиональные и личные контакты; обмен научными изданиями и дарение их; совместное проведение научных наблюдений; участие в научных международных форумах; участие в международных научных проектах; посредничество в контактах между учреждениями; помощь, взаимопомощь, консультации в приобретении оборудования, коллекций и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Список был составлен по справочнику: Академия наук СССР: персон. состав, 1724–1974: в 2 кн. М., 1974.

[2] С.-Петербургский филиал Архива РАН.

[3] СПбФАРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 7. Л. 86–86 об.

[4] Протоколы ИФО. 1907. № 14. Прил. 2.

[5] СПбФАРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 6. 1876. Л. 340–340 об. Рус. пер. цит. по: *Куропятник Г.П.* Россия и США: экон., культур. и дипломат. связи, 1867–1881. М., 1981. С. 168.

[6] СПбФАРАН. Ф. 2. Оп. 1. 1926. Д. 2. Л. 170. К письму был приложен перевод на русский язык, сделанный студентом-медиком, обучавшимся в США у Дж. Черчмена (Там же. Л. 171). Цит. по этому переводу.

[7] СПбФАРАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 1. Л. 26.

[8] Напр., копии дипломов Ж.Л.Р. Агассиса (СПбФАРАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 3. Л. 67) и Дж. Холла (СПбФАРАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 2. Л. 72).

[9] Письмо от 23.12.1872 г. Рус. пер. цит. по: *Чебышев П.Л.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1951. Т. 5. С. 449.

[10] СПбФАРАН. Ф. 45. Оп. 2. Д. 917. Л. 3 об., 4, 6, 8, 12–13, 15–16.

[11] СПбФАРАН. Ф. 81. Оп. 2. Д. 16. Л. 1–1 об.; Ф. 61. Оп. 2. Д. 47. Л. 9–10.

[12] СПбФАРАН. Ф. 707. Оп. 3. Д. 274. Л. 7. Рус. пер. цит. по: *Перель Ю.Г., Радовский М.И.* Связи русских и американских астрономов // Ист.-астрон. исслед. 1960. Вып. 6. С. 240.

[13] *Churchman J.* The Magnetic Atlas, or Variation Charts, or the whole Terraqueous Globe... N.-Y., 1800.

[14] Система минералогии: в 3 т.: пер. с англ. / Дж. Д. Дэна, Э.С. Дэна, Ч. Пэлач и др. М., 1951.

[15] *Агассис Ж.Л.Р.* Очерки сравнительной физиологии: строение и развитие животных ныне живущих и исчезнувших / Ж.Л.Р. Агассис, А.А. Гольд; пер. и изд. под ред. Д. Аверкиева. СПб., 1861.

[16] Напр., *Райт К.Д.* Промышленная история Соединенных Штатов / пер. с англ. А. Яновского; под ред. Ф.П. Лебедева. СПб., 1903.

[17] Первое издание: *Ньюком С.* Астрономия для всех / пер. с англ. с предисл. А.Р. Орбинского. Одесса, 1905.

[18] Напр., Учение добродушного Рихарда. СПб., 1784; Наука добряка Ришара и средства к обогащению. СПб., 1869.

[19] Напр., первая из серии статей о картах: Карты лейтенанта Мори / пер. Н.Н. Тресковского // Мор. сб. 1855. Т. 16, № 6, отд. гидрогр. С. 35–69.

[20] *Уитней В.Д.* Жизнь и рост языка / пер. А.Н. Чудинова // Филол. зап. 1885. Вып. 6, Прил. С. 1–8 (6-я паг.); 1886. Вып. 3. С. 9–32 (7-я паг.); Вып. 5, Прил. С. 33–44 (5-я паг.).

[21] Настольный словарь для справок по всем отраслям знания: (справ. энцикл. лексикон): в 3 т. / сост. под ред. Ф. Толля. СПб., 1863. Т. 1. С. 379.

[22] *Смирнов В.Г.* От карт ветров и течений до подводных мин: неизвестные страницы рос.-амер. науч. и воен. контактов в середине XIX в. СПб., 2005.

[23] Напр., *Холл А.* Задачи астрономии / пер. под ред. и с примеч. А.А. Иванова // Вестн. и б-ка самообразования. 1903. № 10. Стб. 433–447.

[24] Санкт-Петербургские ведомости. 1752. 12 июня.

[25] *Осинин И.Т.* Несколько слов об отношении естественных наук к вере, по поводу появления «Естественной Истории» Агассица // Христианское чтение. 1862. Ч. 1. С. 531–543.

[26] Протоколы заседаний Физ.-матем. отд-ния Имп. АН. 1867. § 120.

[27] Протоколы Общего собрания Имп. АН. 1898. § 97.

[28] *Павлов П.А.* Чарльз Дулитль Уолькотт: некролог // Изв. АН СССР. Сер. 6. 1927. № 7–8. С. 539–542.

[29] *Баклунд О.А.* Льюис Босс: некролог // Изв. Имп. АН. Сер. 6. 1912. Т. 6. С. 1003.

И.П. ПАВЛОВ И Л.А. ОРБЕЛИ
(новые материалы из фондов Военно-медицинского музея)

А.А. Будко, *Б.И. Назарцев*, Военно-медицинский музей
Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова

Так совпало, что именно в год, когда отмечалось 130 лет со дня рождения выдающегося ученого Леона Абгаровича Орбели (1882–1958), отделом сбора, научной обработки и хранения фондов Военно-медицинского музея завершена систематизация и научное описание материалов из архива семьи Л.А. Орбели, поступивших в музей в последнее время.

Обработка больших документальных комплексов традиционно считается одной из наиболее сложных задач, тем более, когда речь идет о переписке, охватывающей свыше 100 лет и насчитывающей несколько сотен писем разных лиц, учреждений и организаций.

Каждое письмо — это своеобразный документ эпохи, содержащий новые элементы общей картины жизни и деятельности Л.А. Орбели и его окружения. Особо важным при этом оказывается выявление новых фактов и новых документов. Речь идет об обнаружении неизвестного ранее письма Ивана Петровича Павлова своему ученику и помощнику Леону Абгаровичу Орбели.

Три страницы рукописного текста, датированного 31.01.1910 г. и подписанного «Ваш И. Павлов». Впервые опубликовано в Российском физиологическом журнале им. И.М. Сеченова в 2012 г. [1].

Письмо относится к тому периоду деятельности Л.А. Орбели, о котором он сам указывал в автобиографии: «...конференцией Военно-медицинской академии по конкурсу избран в заграничную командировку на 1909 и 1910 г. с научной целью. Во время командировки работал: в физиологических лабораториях Лейпцигского, Гессенского и Кембриджского университетов, в анатомической лаборатории при психиатрической клинике в Лейпциге и в физиологическом отделе Международной морской биологической станции в Неаполе» [2].

И.П. Павлов пристально следил за успехами своего ученика и помощника по физиологическому отделу Института экспериментальной медицины.

Об этом свидетельствуют и письма этого периода. Два письма достаточно хорошо известны исследователям. В книге «Переписка И.П. Павлова» [3] они опубликованы под №№ 73 и 74: от 23.02.1910 в Гиссен (Германия) и от 01.09.1910 в Кембридж (Англия). Обнаруженное нами еще одно письмо И.П. Павлова предшествует указанным выше и относится ко времени, когда Л.А. Орбели завершал пребывание в Германии и должен был переехать в Англию (физиологические лаборатории были рекомендованы И.П. Павловым).

Письмо очень дружеское и уважительное по отношению к корреспонденту И.П. Павлова.

Тональность письма открытая и иногда почти по-детски простодушная: «А тут еще перепутал наше рождество с европейским рождеством, с этим написал письмо и Ленглею»[1]. Вместе с тем, при всем лаконизме («Досадно, что в письме было бы очень долго все это передавать»[2]), письмо очень содержательное, особенно в той части, которая касается работы самого И.П. Павлова и возглавляемых им физиологических лабораторий.

«Дела у нас идут вполне хорошо и так, надо надеяться и кончатся. Условные рефлексы у нас идут тоже успешно, и фактов и интересу все прибавляется.

На днях Вам вышлю краткое описание, добавлю и мою последнюю речь, которую читал недавно в Москве. Есть также и в высшей степени интересные факты и по текущему счету. У П.М. Никифоровского[3] получился очень интересный слу-

чай — чудная демонстрация физиологического понимания предмета»[4].

Очевидна широта научных интересов И.П. Павлова, которые последовательно реализовались им в 3-х важных разделах физиологии: кровообращение, пищеварение и высшая нервная деятельность. Понятен интерес, проявляемый И.П. Павловым к работам П.М. Никифоровского по исследованию влияния веществ, действующих на нервную систему, на условные рефлексы, что легло в основу его докторской диссертации по фармакологии условных рефлексов (1911).

Об актуальности проводимых исследований И.П. Павлов писал в марте 1909 г. и известному американскому зоопсихологу Р. Иерксу:

«...Физиология условных рефлексов является для меня важнейшим делом. Сейчас мы работаем уже над условными рефлексами после различных повреждений полушарий головного мозга. Комплекс всех этих рефлексов и является основой истинной физиологии мозга, как я ее понимаю»[5].

Не случайно и упоминание И.П. Павлова в письме Л.А. Орбели о его московских выступлениях. 28.12.1909 на XII съезде естествоиспытателей и врачей в своей речи «Естествознание и мозг» он высказал следующее соображение: «При исследовании деятельности высшего отдела центральной нервной системы ей надлежит остаться верной тому же приему, каким она пользуется при изучении низшего отдела, т. е. точно сопоставить изменения во внешнем мире с соответствующими изменениями в животном организме и устанавливать законы этих отношений»[6]. А вскоре после этого выступления он пишет председателю Общества содействия успехам опытных наук и практических применений имени Х.С. Леденцова: «Есть серьезные основания желать создать в нашем отечестве новый тип лаборатории для изучения мозга»[7]. Характерно, что, выступая на заседании Общества 05.12.1910, И.П. Павлов дал такой заголовок своей речи: «Задачи и устройство современной лаборатории для изучения нормальной деятельности высшего отдела центральной нервной системы у высших животных»[8].

Понятен поэтому и интерес И.П. Павлова к работам зарубежных исследователей, в том числе и в лабораториях, куда был направлен Л.А. Орбели. («Пишите о Ленглеевской лаборатории, когда поближе с ней познакомитесь»[9]).

Как отмечали многие авторы, говоря об этом периоде развития физиологии начала XX в., это был переход к изучению функциональных закономерностей центральной нервной системы и их проявлений в условно-рефлекторной деятельности, к изучению и анализу механизмов отдельных сложнейших функций организма в условиях максимально приближающихся к естественной деятельности, при которой сохраняется целостность этого организма и взаимодействие его частей [4].

И.П. Павлов высоко оценивает работу Л.А. Орбели в лабораториях Германии. Тем более, что к этому времени пришло письмо из Лейпцига от профессора Э. Геринга, в котором он писал: «...Я должен поблагодарить Вас и за возможность знакомства с Вашими учениками, чье прилежание, азарт, жажда знаний и воспитанность мне понравились»[10].

Представляется, что такие характеристики, как «азарт» и «жажда знаний», применимы не только к ученикам, но и к учителю — И.П. Павлову.

Л.А. Орбели выехал из Санкт-Петербурга в Германию в феврале 1909 г. и вернулся в Россию в начале 1911 г. Как вспоминал сам ученый, «за время моего пребывания за границей с Иваном Петровичем мы мало переписывались. Я написал ему, кажется, два письма, от него получил письмо с одобрением того, что мною сделано и написано. Сохранилось у меня письмо, в котором Иван Петрович благодарил меня за присылку работ Геринга, — эти работы пригодились ему потом, когда он начал изучать явление индукции»[11].

А сделано Л.А. Орбели было немало и в широком диапазоне исследовательской проблематики. «За время командировки весьма продуктивно работал в лабораториях Эв. Геринга — в области физиологии органов чувств, Д. Ленгли — в области физиологии вегетативной нервной системы, Д. Баркрофта — над вопросом дыхательных свойств крови, Э. Брюкке — по физиологии возбуждения гладких мышц, и т. д. Эта работа оставила глубокий след на последующей исследовательской деятельности Л.А. Орбели»[12].

Чрезвычайно интересны письма Л.А. Орбели из-за рубежа. Среди его многочисленных адресатов назовем прежде всего его жену, Елизавету Иоакимовну Орбели (урожденная Аладжалова, 1879–1974).

Елизавета Иоакимовна не просто интересуется делами мужа, но разделяет его интересы в науке и делает это вполне профессионально: после окончания гимназии она три семестра слушала лекции на естественнонаучном факультете Женевского университета, затем училась на Высших женских педагогических курсах в Санкт-Петербурге. В период становления Л.А. Орбели как ученого, Елизавета Иоакимовна была его верной помощницей, идет ли речь об освоении иностранных языков (первые публикации переводов Л.А. Орбели с английского и французского языков выполнены им совместно с женой), или о выполнении поручений в случае отсутствия Леона Абгаровича в Петербурге. Елизавета Иоакимовна принимала участие в экспериментальной работе во время пребывания в командировке за границей.

Из восьми работ Л.А. Орбели, выполненных в этот период, две опубликованы в соавторстве с Е.И. Орбели [5].

Л.А. Орбели выехал в Германию в феврале 1909 г.; Елизавета Иоакимовна присоединилась к мужу в июне того же года. Эти четыре месяца отмечены интенсивной перепиской между супругами: Леон Абгарович делится не только житейскими подробностями; речь прежде всего о работе.

В фондах ВММ хранится девять писем Л.А. Орбели жене из Германии (апрель-май 1909 г.). Частично письма были опубликованы: Е.И. Орбели (письма от 07.05, 10.05 и 11.05. 1909) [6] и Л.Г. Лейбсоном (письма от 29.04, 03.05, 14.05.1909) [7].

Примечательно, что в 1968 г. непосредственно к Елизавете Иоакимовне обратился физиологический институт Лейпцигского университета (в то время Карл-Маркс-Университет) с просьбой поделиться подробностями пребывания Л.А. Орбели в Лейпциге в связи с предстоящим юбилеем: 100-летием института Людвига[13]: «Наш институт гордится старыми связями с русскими и советскими учеными, начиная с И.М. Сеченова»[14].

И Е.И. Орбели вновь возвращается к этому периоду[15].

Уже позже, переехав в Англию и оставив Елизавету Иоакимовну на три дня в Лондоне, Леон Абгарович написал жене за эти дни четыре почтовые карточки и одно письмо из Глазго[16], куда поехал на встречу с Эдвардом Кэткартом[17]. Все письма Л.А. Орбели жене отмечены особой остротой впечатлений (это его первая научная командировка за границу), точностью характеристик лиц, обстоятельств и сути проводимой работы.

В письмах жене из Лейпцига Л.А. Орбели интересуется, что происходит в России; просит сообщить о последних работах «бехтеревцев»[18], спрашивает о докладе Завадского[19]: «напиши было ли интересно, получилось ли у него что-нибудь?»[20]

Но главное — это подробный рассказ о том, что делает он сам.

«С занятиями пока обстоит благополучно, работаю с удовольствием, очень жалею, когда надо убираться из лабораторий (обеих). Очень спокойно работать; приятно сознавать, что работаю сколько могу и хочу, а потому могу и хочу больше, чем в других условиях. Замечательно об-

легчает работу перерыв среди дня от 1 ч до 2 $^1/_2$ — обед, прогулка к обеду и от обеда. Гораздо легче работать, не обалдеваю. Тишина полная и спокойствие помогают. Жаль мне нашу лабораторию, чувствую все величие и Ивана Петровича и всей его работы; работают в нашей лаборатории не меньше и не хуже, чем немцы, но у меня волосы дыбом встают при воспоминании о сутолоке, нервности, шуме, которые царят там.

Тут тихо все, народу мало. У Hering'а: сам он 75 л[ет], старец очень тихий, 2 ассистента, я и финляндец, все люди тихие; животных нет кроме лягушек и черепах, чисто очень. У Флексига[21]: сам он, N. Meyendorf и я и 1 служитель, который готовит препараты для Флексига и поучает меня технике. Каждый приходит, делает свое дело и уходит. Узнаю много нового ежедневно и тут и там. Удивляюсь, как могут люди говорить, что нечему учиться тут, и не стоит ехать!.. Везде, где делают хоть что-нибудь, можно многому научиться, а тут не только сами делают, но еще и охотно показывают. А кроме того, все из первоисточника узнаешь. Я в общем очень доволен. Надеюсь, что семестр будет использован хорошо»[22].

«...Сегодня присутствовал при испытании Hering'ом господина с полной цветной слепотой — интересно очень. Между прочим, он замечал такие тонкие отличия в интенсивности света, которые нам всем были недоступны, но физически правильны. Hering говорил, что все страдающие цветовой слепотой гораздо чувствительнее к различным интенсивностям, чем нормальные. То же, что я решил относительно собак. Это немного подбодрило меня»[23].

«Меня уговаривают остаться в Лейпциге весь год и вместе заняться собачьим мозгом — я физиологическую часть, а он [т. е. Флексиг — прим. Б.Н.] анатомическую. Я отпираюсь, потому что года на это мало, к тому же боюсь увозить Павловский метод, чтобы работа велась из лаборатории Флексига»[24].

Этот период жизни и деятельности Л.А. Орбели достаточно подробно освещен в литературе. Отметим прежде всего наиболее полную научную биографию, написанную одним из талантливых учеников и единомышленников Л.А. Орбели — Л.Г. Лейбсоном[25]. И сам Л.А. Орбели в своих воспоминаниях, по большей части посвященных И.П. Павлову, обращается к событиям 1909–1911 гг., к встречам и совместной работе с выдающимися учеными [8].

Любопытно, что к этой же теме часто обращались и другие ученики и сотрудники Л.А. Орбели — своеобразные воспоминания о воспоминаниях Е.М. Крепса, Г.В. Гершуни.

В ходатайстве Государственного естественнонаучного института им. П.Ф. Лесгафта в Президиум АН СССР о представлении Л.А. Орбели к избранию в действительные члены Академии наук СССР от 26.10.1934 г. специально отмечен период 1909–1911 гг., когда Л.А. Орбели «провел в заграничных лабораториях у наиболее выдающихся физиологов, непосредственно участвуя в основных работах руководителей этих школ (Ленгли, Геринг, Барккрофт, Гартен и другие). Вернувшись из-за границы, он осуществил целый ряд оригинальных по теме и новых по методу исследований.

...Являясь непосредственным преемником наиболее значительных физиологических школ (Павлов, Ленгли, Геринг), Л.А. Орбели глубоко оригинален в своей творческой работе»[26].

А тремя годами раньше, 22.12.1931 г., также обращаясь в Президиум АН СССР, сам И.П. Павлов писал: «Леон Абгарович в молодых годах прошел ряд выдающихся физиологических школ за границей и мою. Это вооружило его большим количеством разнообразных физиологических методов и дало возможность стать твердою ногою во многих областях физиологии»[27].

Новые материалы в фондах Военно-медицинского музея убедительно подтверждают слова великого И.П. Павлова.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ВММ. ОФ-96085 / 1. Л. 1.

Ленгли (Langley), Джон Ньюпорт (1852–1925), выдающийся английский физиолог, с 1903 г. — профессор Кембриджского университета, в лаборатории которого предстояло работать Л.А. Орбели.

[2] Там же. Л. 1об.

[3] Никифоровский Петр Михайлович (1879–1952), после окончания с отличием ВМА в 1907 г. был оставлен при академии на 3 года для усовершенствования. Занимался физиологическими исследованиями на кафедре физиологии ВМА и в физиологическом отделе ИЭМ.

[4] Там же. Л. 1об.

[5] И.П. Павлов — Р. Иерксу, 22.03.1909 г. // Переписка И.П. Павлова. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1970. С. 238.

[6] *Павлов И.П.* Полное собрание трудов. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 96–97.

[7] И.П. Павлов — С.А. Федорову, 12.01.1910 г. // Переписка И.П. Павлова... С. 17.

[8] *Павлов И.П.* Полное собрание трудов... Т. 3. С. 105.

[9] И.П. Павлов — Л.А. Орбели. 31.01.1910 г. ВММ ОФ-96085 / 1. Л. 2.

[10] Э. Геринг — И.П. Павлову. 02.12.1910 г. // Переписка И.П. Павлова... С. 255.

Геринг Эвальд (Hering, 1834–1918), выдающийся немецкий нейрофизиолог, профессор Лейпцигского университета. На протяжении ряда лет И.П. Павлов командировал в лабораторию Э. Геринга своих учеников: Б.П. Бабкина, А.А. Вальтера, Г.П. Зеленого, Л.А. Орбели, затем А.В. Палладина и Н.П. Тихомирова.

[11] *Орбели Л.А.* Воспоминания. Избранные труды в пяти томах. Т. 5. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1968. С. 209–210.

[12] *Квасов Д.Г., Федорова-Грот А.К.* Физиологическая школа И.П. Павлова: портреты и характеристики сотрудников и учеников. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1967. С. 178.

[13] Людвиг Карл (1816–1895) — знаменитый немецкий физиолог; в его институте в Университете Лейпцига работали многие молодые иностранные ученые, в том числе И.П. Павлов. Преемником К. Людвига по кафедре физиологии был Эвальд Геринг, в лаборатории которого стажировался Л.А. Орбели в 1909 г.

[14] Письмо доктора медицины W. Haschke на бланке физиологического института (Karl-Marx-Universität) Е.И. Орбели от 24.06.1968. ВММ ОФ-96608/1. Л. 1, 2.

[15] Черновик письма Е.И. Орбели д-ру W. Haschke. Не датирован. Рукопись. 2 листа. ВММ ОФ-96608/2.

[16] ВММ. ОФ-96476/6-9.

[17] Кэткарт Эдвард Прован (Catcart, 1877–1954) — профессор физиологической химии университета в Глазго, член Королевского общества; в 1908 г. был в Санкт-Петербурге и около 4 месяцев посвятил ознакомлению в лаборатории И.П. Павлова с методикой исследования условных рефлексов. В этот период у Кэткарта и Орбели сложились дружеские отношения.

[18] Л.А. Орбели — Е.И. Орбели. 04.05.1909. ВММ ОФ-96476/2. Л. 1.

[19] Завадский Игорь Владимирович (1875–1944) — с 1907 г. по 1909 г. состоял практикантом в физиологическом отделе ИЭМ, где выполнил несколько работ под руководством И.П. Павлова, а в 1908 г. защитил докторскую диссертацию о торможении и растормаживании условных рефлексов.

[20] Л.А. Орбели — Е.И. Орбели. 11.05.1909. ВММ ОФ-96476/4. Л. 1.

[21] Флексиг Пауль (1847–1929) — выдающийся немецкий нейроанатом и психиатр; профессор психиатрии в Лейпциге; Ниссль Мейендорф — его ассистент.

[22] Л.А. Орбели — Е.И. Орбели. 07.05.1909. ВММ ОФ-96476/3. Л. 2.

[23] Л.А. Орбели — Е.И. Орбели. 10.05.1909. ВММ ОФ-88197/3. Л. 1.

[24] Л.А. Орбели — Е.И. Орбели. 26.05.1909. ВММ ОФ-96476/5. Л. 3.

[25] Лейбсон Лев Германович (1900–1994); в своей книге «Леон Абгарович Орбели» (Л.: Наука, Ленинградское отд., 1973) главу 5 «Обогащение знаниями» (С. 44–59) посвящает пребыванию Л.А. Орбели за границей.

[26] Цит. по: Леон Абгарович Орбели. Сб. документов // Вестник архивов Армении. 1982. № 1 (62). С. 31–32.

[27] Рукописные материалы И.П. Павлова: Труды архива АН СССР. Вып. 8. М.; Л., 1949. С. 103.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлов И.П. — Л.А. Орбели. 31.01.1910 г. Рукопись. 2 листа. ВММ. ОФ-96085 / 1–2. Опубликовано: *Будко А.А., Назарцев Б.И.* Неизвестное письмо И.П. Павлова к Л.А. Орбели // Российский физиологический журнал имени И.М. Сеченова. Т. 98. № 7, июль 2012. С. 899–905.

2. *Орбели Л.А.* Curriculum Vitae // Академик Леон Абгарович Орбели: Научное наследие. Серия «Научное наследство». Т. 26. М.: Наука, 1997. С. 62.

3. Переписка И.П. Павлова. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1970. С. 81–83.

4. См. напр.: *Гершуни Г.В.* Л.А. Орбели — профессор 1-го Ленинградского медицинского института // Л.А. Орбели в воспоминаниях современников. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1983. С. 83.

5. Э. Геринг — И.П. Павлову. 02.12.1910 г. // Переписка И.П. Павлова ... С. 255.

6. *Орбели Л.А.* Избранные труды. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 37–38. (№ 6, 24 по библиографии трудов Л.А. Орбели).

7. *Орбели Е.И.* Воспоминания о Леоне Абгаровиче Орбели. Ереван: Армфан, 1972. С. 70–100.

8. *Лейбсон Л.Г.* Леон Абгарович Орбели. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1973.

9. *Орбели Л.А.* Воспоминания (составлены по стенографической записи его бесед-воспоминаний, которые Леон Абгарович вел со своими сотрудниками главным образом в течение осени 1955 г.). См. кн.: *Орбели Л.А.* Избранные труды. Т. V. Л.: Наука, Ленинградское отд., 1968. С. 173–242.

КНИЖНЫЙ ПРОМЫСЕЛ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ЦАРИЦЫНЕ

В.А. Машевская, БАН

Царицын был основан предположительно в 1555 г. Своё название город получил от речки Царица, впадающей в Волгу; в основе названия лежат, вероятно, татарские слова «сарису» (жёлтая река) или «сари-чин» (жёлтый остров). Русское поселение с деревянной крепостью первоначально возникло на о. Царицын и служило для обороны волжского пути на стыке Волги и Дона от степных кочевников и разбойничьих шаек, бродивших по Волге.

В начале XX в. в городе действовали свыше 230 фабрик и заводов (15 лесопильных, 2 мукомольных, 4 чугунолитейных и механических, 5 горчичных и солемольных и др.), банки, банкирские конторы. Быстрый рост города в конце XIX в. отразился на его внешнем облике: появилось много новых домов, магазинов, гостиниц, ресторанов, клубов. Город был телефонизирован. В 1913 г. в Царицыне появился трамвай; в центральной части были установлены первые электрические

фонари; открыты 10 православных церквей и 1 лютеранская, православный женский монастырь, мужская и женская гимназии, ремесленное и городское училища, 2 общественные библиотеки, 5 типографий, 2 больницы, 2 амбулатории, земская лечебница для животных, общество врачей, бактериологическая лаборатория, метеорологическая станция; проводились 3 летние ярмарки, а также базары, особенно оживлённые зимой. Торговля носила транзитный характер — с Волги шли грузы по железным дорогам в Центральную Россию, на Дон и Предкавказье; главные предметы торговли: нефть, керосин, хлеб, лесоматериалы, рыба, соль, летом — арбузы; многочисленные грузы шли по реке. По многим архивным документам и свидетельствам очевидцев известно, что, в городе в разное время бывали Д.И. Менделеев, И.И. Мечников, М. Горький, А.И. Куприн, В.Г. Короленко, П.И. Чайковский, Ф.И. Шаляпин. В 1858 г. проездом в Царицыне побывал Александр Дюма[1].

Исследователи отмечают, что Царицын был преимущественно промышленным центром юго-востока страны, привлекавшим не только деловых людей, но и различных предпринимателей, связанных со зрелищными мероприятиями. Новые реформы в сфере образования и просвещения, принятые царским правительством в тот период, обусловили широкое развитие книжного дела и периодической печати в Царицыне. В конце XIX века появляются «Волжско-Донской листок», «Царицынский вестник», в начале XX века — «Царицынская жизнь», «Царицынский путь», «Царицынская мысль», «Волго-Донской край» и другие газеты. Царицынская периодика стремилась не отставать от центральных изданий — печатали и сообщения из-за рубежа, и статьи на темы общероссийской действительности. Наиболее интересными, конечно, были местные материалы. Книжная деятельность напрямую была связана с магазинами книг в Царицыне. Одним из самых известных книготорговых учреждений был книжный и писчебумажный магазин «Труд», принадлежавший И.К. Мухину[2]. В магазине можно было купить книги, канцтовары, учебники, картины в рамах, фотоальбомы, столовые украшения, открытки, различные игры[3].

Книжное дело было тесно связано с появлением и развитием библиотек в дореволюционном Царицыне. Просветительские богоугодные заведения способствовало широкому распространению книг среди местного населения. Волгоградские ученые отмечают, что начало развитию библиотечного дела в Царицынском уезде Саратовской губернии было положено учреждением в 1888 г. Царицынской передвижной библиотеки. Однако еще в XVIII в. жители немецкой колонии Сарепта (ныне Красноармейский район города-героя Волгограда) имели свою публичную библиотеку[4].

На расширение сети библиотек повлиял такой фактор как развитие просвещения и реформа народного образования, деятельное участие в нем правительства и меценатов, выделение им больших денежных средств для этой цели.

Вера Юрьевна Зоткина — ведущий библиограф отдела краеведения Волгоградской областной универсальной научной библиотеки им. М. Горького — в своей статье «Библиотечное дело Царицынского уезда» отмечает, что в 1884 г., по данным дореволюционной газеты «Царицынский вестник», появилась идея организовать совместно с комитетом грамотности Вольного экономического общества первую публичную библиотеку Царицына (в уездном городе Саратовской губернии). «В то время земству никакие библиотеки и во сне не снились, — писал корреспондент газеты. — Жуков исключительно на свои средства положил начало существующей доныне земской библиотеке». Илья Григорьевич Жуков — уроженец Курской губернии — в 1853–1855 гг. был участником Крымской войны, побывал во французском плену, отбывал каторгу в Сибири за революционные настроения, с 1881 г. служил

в Царицынской земской управе, продолжая свою нелегальную деятельность.

Жуков стал не только инициатором создания библиотеки Царицынской земской управы, но и ее первым заведующим. В этой должности он проработал до конца своей жизни (умер в 1911 году)[5].

Восстановить точные сведения о создании первой земской библиотеки города позволила исследовательская работа краеведа С.Л. Мухиной. В статье волгоградского краеведа Г.П. Самойлова отмечалось, что 5 января 1894 г. библиотеку в Царицыне открыла госпожа А.И. Апабелова. Читальня была платной, поэтому она была доступна только людям с достатком. Городская публичная библиотека, учрежденная в 1896 г., должна была стать духовным и общественным центром Царицына. Вопрос о ее создании встал еще в 1895 г., но по различным причинам для читателей она распахнула двери только в августе (23 июля по старому стилю) 1900 г. в здании 1-й пожарной части Царицына. Благодаря крупным пожертвованиям царицынского мецената купца В.Ф. Лапшина и членов местного клуба (общественного собрания), а также ассигнованиям городской Думы, деньги на первоначальное обустройство библиотеки были собраны быстро, но «на чисто формальной почве» открытие учреждения затянулось на годы. Первоначальный устав библиотеки, по которому посетители могли бесплатно читать книги и периодические издания, не был принят губернским начальством. По их убеждению, библиотека должна была взимать плату и тогда именоваться публичной или бесплатно предоставлять свои услуги и назваться народной.

Ввиду этого читатели по абонементам за чтение на дому платили по 15 коп. в месяц, в библиотеке — 3 коп. с человека. Служащие городского общественного управления и учащиеся городских начальных школ пользовались библиотечной литературой бесплатно. Библиотеку возглавил учитель начального училища Дмитрий Иванович Полянский. Долгое время библиотека играла заметную роль в просветительской жизни Царицына. К 1917 г. ее книжное собрание составило около 8923 томов. Для города, где не было ни одного издательства, а местной художественной литературы практически не существовало, библиотечный фонд был просто необходим. Конечно же, огромный интерес у населения был к развлекательной литературе (сонники, рыцарские романы, детективы и т. д.), но не забывали они и произведения классиков, и литературу прикладного характера (например, пособия, как вычислить лунное или солнечное затмение, варить мыло, морить клопов и т. д.). Справочники, учебники, карты, молитвенники, художественная литература и многое другое наравне с подпиской на газеты и журналы не залеживались на библиотечных полках. От основания Царицынской публичной библиотеки отсчитывает свою 110-летнию историю Волгоградская областная универсальная научная библиотека им. М. Горького, современный центр библиотечный жизни бывшего Царицынского уезда[6].

Вера Юрьевна Зоткина пишет и об уездном библиотечном деле в Царицыне. К концу XIX в. Саратовское губернское земство встало на путь поощрения уездного библиотечного дела и открыло в каждом уезде по «образцовой библиотеке». В Царицынском уезде первая «образцовая библиотека» была организована в 1895 г. в селе Большая Ивановка. К сожалению, Царицынская передвижная библиотека, положившая начало интенсивному развитию библиотечного дела в крае, к этому времени уже перестала существовать. Ее фонд превышал 1 тыс. экземпляров. Библиотека «передвигалась» между восемью пунктами уезда в зависимости от места расположения земских школ. Ответственность за сохранность библиотечного фонда возлагалась на школьных учителей. Однако земское собрание 1895 г. «узрело неудобство передвижения библиотеки» и распределило ее фонд между пятью школами наиболее многолюдных

селений (Отрада, Ерзовка, Ольховка, Пролейка, Балыклей). В этих поселениях в 1896 г. открылись первые сельские народные библиотеки (пять из восьми уездных). Таким образом, «в 1897 г. библиотечное дело в Царицынском уезде получило более или менее правильную организацию. Так как появление сети народных библиотек было необходимо для развития образования и просвещения среди местного населения, уездным земством были переработаны правила для народных библиотек применительно к правилам 15 мая 1890 г.». В 1900 г. земство разработало план создания сети народных библиотек на средства фонда, организованного душеприказчиками русского книгоиздателя и просветителя Ф.Ф. Павленкова.

По плану, разработанному земством, библиотеки должны были появиться во всех поселениях, где имелись земские школы. На каждую выделялось по 100 руб. в год до тех пор, пока в ней не собирался фонд книг на сумму 300 руб., в дальнейшем на развитие библиотеки давалось по 25 руб. ежегодно. Вознаграждение учителям-библиотекарям также составляло 25 рублей. В общих чертах установленные основы организации библиотечного дела сохранились в уезде до 1917 г. Всего с помощью Павленковского фонда в сельских поселениях Нижнего Поволжья удалось создать более сотни народных библиотек[7].

Согласно статистике и подсчетам, проведенными библиографами Волгоградской областной универсальной научной библиотеки им. М. Горького, к 1912 г. в Царицынском уезде функционировали: земская библиотека (при земской управе по адресу: Царицын, ул. Московская, дом Кольмана); городская публичная библиотека (по адресу: Царицын, ул. Петровская, дом Кочанова) и 38 бесплатных народных библиотек (37 при земских школах и одна при Солодчинском двухклассном училище, открытые на основании Правила о народных библиотеках, утвержденного Министерством народного просвещения 28 февраля 1906 года)[8]. Для сравнения: в Камышинском уезде Саратовской губернии в тот же период было 56 народных библиотек, кроме того, уездные школы имели свои школьные библиотеки. Первая народная библиотека здесь появилась в 1892 г. (при земской больнице г. Камышина).

Развитие библиотечного дела в Нижневолжском крае зависело от расширения школьной сети, так как большинство библиотек не имело собственных помещений и квалифицированных специалистов. Функции библиотекарей выполняли учителя. Работа проходила в помещениях, мало приспособленных под нужды библиотеки: в классных комнатах, церковных сторожках, помещениях волостного правления, частных домах, больницах и т. д. Финансирование отрасли осуществлялось за счет выделяемых земствами и Министерством народного просвещения небольших средств. Несмотря на бытовые и финансовые трудности, библиотечное дело развивалось, являясь перспективным направлением народного просвещения начала XX века[9].

Что читали в Царицыне в начале XX века? Изучение архивных документов, газетных публикаций того времени, немногих дошедших до нас эпистолярных свидетельств, мемуаров позволяет сделать некоторые наблюдения над кругом чтения горожан, познакомиться с фондами библиотек, представить атмосферу народных чтений.

Книги продавались в магазинах и киосках (особенно большой выбор был на железнодорожных станциях), привозились из других городов, выписывались из Москвы и Петербурга, а иногда из Берлина, Лондона, Парижа. Подписчики литературно-художественного журнала «Нива» получали в качестве «бесплатных приложений» собрания сочинений Л.Н. Толстого, А.К. Толстого, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Чехова, Куприна.

Сто лет назад жители Царицына читали отечественную классическую литературу гораздо охотнее, чем сегодня. Это

формировалось с детства. Во многих семьях был обычай вечернего чтения вслух. В школах требовалось знание наизусть не только многочисленных стихотворных произведений, но и отрывков из прозы А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева. Во всех начальных и средних учебных заведениях — от земской или церковно-приходской школы до привилегированной гимназии — принято было по окончании учебного года дарить лучшим ученикам произведения русских писателей, иногда это были скромные сытинские брошюры, иногда — солидные фолианты издательств А.С. Суворина, М.О. Вольфа.

Правда, надо заметить, что большинство гимназистов, реалистов, воспитанников начальных городских училищ чтение классики успешно сочетали с литературными увлечениями другого рода. По пяточку покупались книжечки о знаменитых сыщиках Нате Пинкертоне и Нике Картере. Сюжеты этих рассказов всегда строились по одной схеме: преступление — погоня за преступником — торжество правосудия. Всё это на фоне различного рода тайн, ужасов, ловушек. Со временем конкурировать с народными детективами стали рассказы о Шерлоке Холмсе, причем сочинения Артура Конан Дойля сразу вызвали большое число подражаний.

Постепенно в круг чтения подростка входили книги Майна Рида, Вальтера Скотта, Жюля Верна, Чарльза Диккенса, Марка Твена. Гимназистки чаще всего спрашивали в библиотеке сочинения Лидии Чарской. Особенно любимыми были «Записки институтки», «Княжна Джаваха», «Люда Власовская» и т. д.

Взрослый читатель из культурной среды стремился, как правило, быть в курсе современной литературы. Интеллигентные семьи Царицына выписывали «Вестник Европы», «Русскую мысль», «Русское богатство, «Божий мир!». Наряду с А.П. Чеховым, И.А. Буниным, А.И. Куприным охотно читали забытых ныне Игнатия Потапенко, Василия Немировича-Данченко (брата знаменитого режиссера), Виктора Крылова, Евгения Чирикова. Неизменной популярностью пользовались сочинения П.Б. Боборыкина, в которых под собственными именами или в слегка закамуфлированном виде изображались представители московских деловых кругов, профессуры, театрального мира.

Особая тема — литература для народа, издания, адресованные читателям, образование которых ограничивалось одним-двумя классами земской или церковно-приходской школы, иногда начального городского училища. Их в Царицынском уезде в начале XX века было уже много десятков тысяч. Именно на такую аудиторию была рассчитана значительная часть изданий крупнейшего книгоиздательства России «И.Д. Сытин и К°».

Сытин печатал много лубочной литературы. Большим спросом пользовались рассказы из русской истории и переложения былин «Илья Муромец», «Ермак — покоритель Сибири!», «Шут Балакирев».

В течение нескольких десятилетий миллионными тиражами выходили календари. Чего только в них не было! Жития святых и указатель железнодорожных станций, перечень государственных учреждений и рекомендации по ведению домашнего хозяйства, медицинские советы, пословицы и поговорки и просто интересные сведения на самые разные темы.

Столкновение с цензурой не удалось избежать и календарям. Иван Дмитриевич Сытин писал в своих мемуарах «Жизнь для книги!», как однажды из обращения едва не был изъят календарь, в котором была помещена следующая заметка, перепечатанная из одного иностранного журнала: «Американский рабочий ест фунт говядины в день, английский — $^3/_4$ фунта, французский и немецкий — $^1/_2$ фунта, русский — 2 золотника (фунт — 409,5 грамма, золотник — около 4,26 грамма)».

Приобщение читателя из народа к большой настоящей литературе спо-

собствовало создание по инициативе Л.Н. Толстого издательской фирмы «Посредник». Сытин взял на себя печатание и распространение книг этой фирмы, которые были необыкновенно дешевыми — оптовая цена составляла 80 копеек за сто экземпляров брошюр. Особенно много книжечек «Посредника» продавалось в Царицыне в дни ярмарок[10].

Приметной чертой культурной жизни города в начале прошлого века были народные чтения, которые организовала местная интеллигенция. Часто они проходили в Народной аудитории на Черниговской улице. Дошедшие до нас архивные материалы свидетельствуют о том, что для чтений выбирались «Мороз — красный нос» Н.А. Некрасова, «Пропавшая грамота» Н.В. Гоголя, «Дед Архип и Ленька» М. Горького, произведения А.П. Чехова, В.Г. Короленко...

Некоторые имена русских писателей были отображены в топографии города. В 1899 г. на карте города появилась улица Пушкина. Существует она и поныне. В 1909 г. улица Елизаветинская была названа именем Н.В. Гоголя. А вскоре неподалёку от неё появился бюст писателя, созданный на средства горожан.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. История Царицына. Продолжение [Электронный ресурс] // Губернские вести. 2010. № 3. Точка доступа: URL: http://xn9sbeblacueo6a9aogpd.xn--p1ai/history-of-region/read/istoriya-tsaritsyna-prodolzhenie-3-10/, свободный. Загл. с экрана.

2. Московская улица в Царицыне [Электронный ресурс] // Царицын. РФ: информ. портал. 2013. Точка доступа: URL: http://xn80aqpk2ad9a.xn--p1ai/oldphoto/tsaritsyn/89-moskovskaya.html, свободный. Загл. с экрана.

3. *Кривонос М.А.* Что читали в Царицыне / М.А. Кривонос //Библиотековедение. 2008. № 3. С. 35–37.

4. Библиотечное дело Царицынского уезда [Текст]: к 110-летию Волгоградской областной универсальной научной библиотеки им. М. Горького / В.Ю. Зоткина // Библиотековедение. 2010. № 6. С. 95–98.

5. *Мухина С.Л.* Родоначальница волгоградских библиотек // Беседуя о славной старине. Волгоград, 1989. С. 79–80.

6. Библиотечное дело Царицынского уезда... С. 96–97.

7. Там же. С. 97.

8. Весь Царицын: справ. по г. Царицыну и Царицын. уезду // Царицынская мысль. Царицын: Тип.-литогр. В.Р. Федоровой, 1911. С. 70, 110–111.

9. Библиотечное дело Царицынского уезда... С. 98.

10. *Кривонос М.А.* Указ. соч. С. 35–37.

«ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ — СПОДВИЖНИК ЦАРЯ-РЕФОРМАТОРА АЛЕКСАНДРА II»

В.С. Соболев, докт. ист. наук

Великий князь Константин Николаевич, младший брат императора Александра II, был крупнейшим государственным деятелем эпохи великих реформ. Родился он 9 сентября 1827 года, являлся кадровым морским офицером, был широко образованным и умным человеком, увлекался литературой, прекрасно разбирался в музыке и живописи.

Восшествие на престол императора Александра II (19.02.1855) по времени совпало с очень трудным моментом исто-

рии страны. Шла Крымская война, весьма неудачная для России, показавшая всю глубину кризиса, её поразившего. Известны последние слова, сказанные перед смертью императором Николаем I наследнику престола: «Сдаю тебе команду, но, к сожалению, не в таком порядке, как желал, оставляя тебе много трудов и забот». Великий князь Константин Николаевич, так же как его старший брат император Александр II, был твёрдо убеждён в необходимости коренного реформирования России.

Техническая отсталость страны явственно отразилась на состоянии её Военно-морского флота, большая часть которого оказалась уничтожена в ходе Крымской войны. В первые же дни царствования Александра II великий князь Константин Николаевич был назначен Управляющим Морским министерством и возглавил трудную работу по реформированию флота.

С первых же шагов на своём нелёгком поприще он объявил открытую войну всесильной бюрократической рутине, её официальной лживой отчётности. В марте 1855 г. по инициативе Константина Николаевича была организована ревизия состояния дел во всех морских учебных заведениях. Возглавили две проверяющие комиссии профессора Петербургского университета, то есть представители другого ведомства. Современники назвали этот поступок нового Морского министра «беспримерным шагом в летописях русской бюрократии»[1].

Несколько позднее появился знаменитый приказ великого князя по Морскому ведомству, в котором он требовал от своих подчинённых, «чтобы они в отчётах своих не лгали, уверяя, по обыкновению, что всё обстоит благополучно». Крупный чиновник академик А.В. Никитенко записал тогда в своём известном «Дневнике» по этому поводу следующее: «Ходит в рукописи по рукам замечательный приказ великого князя Константина Николаевича, отданный им по своему ведомству. Приказ говорит о том, чтобы начальство в отчётах своих не лгало. Это произвело большой шум в Петербурге. Министрам и всем, подающим отчёты, приказ очень не нравится. В сущности же это прекрасное дело»[2].

Константину Николаевичу пришлось в самые короткие сроки, в условиях военного времени (Крымская война закончилась только в марте 1856 г.), организовывать работу по укреплению флота. Так, неотложные меры требовались по защите морских рубежей России на Балтике. Здесь Морским министром были проявлены энергия и смелость государственного деятеля-реформатора. Впервые в истории России государственные заказы на постройку боевых кораблей были размещены не на казённых, а на частных предприятиях. Напомним, что к началу Крымской войны Военно-морской флот состоял в основном из парусных кораблей.

Флот предстояло возрождать, строить на паровой тяге, с новым вооружением и бронёй. Уже к концу 1855 г. на Балтике были спущены на воду несколько новых винтовых канонерских лодок. К весне 1856 г. было построено 20 канонерских лодок и 14 корветов, полным ходом шло строительство крупных кораблей-фрегатов[3].

Таким образом, России, потерпевшей до этого поражение на море в Крымской войне, удалось быстро восстановить статус великой Морской державы. Уже в начале 1860 года из Кронштадта к берегам Китая вышла эскадра боевых кораблей в составе четырёх корветов — «Боярин», «Воевода», «Гридень», «Рында» — и нескольких винтовых клиперов[4]. Перед эскадрой была поставлена задача обеспечить военное присутствие России в период войны Англии и Франции с Китаем (боевые действия тогда развернулись в непосредственной близости от дальневосточных рубежей России). Командиром этой эскадры был назначен контр-адмирал И.Ф. Лихачёв. Позднее к эскадре присоединился и её флагманский корабль, 60-пушечный винтовой фрегат

«Светлана», прибывший из Средиземного моря.

В 1863 году Россией было отправлено две эскадры боевых винтовых кораблей к берегам США с целью оказания поддержки федеральному правительству в гражданской войне с Югом за отмену рабства. Эскадра под командованием контр-адмирала С.С. Лесовского прибыла на рейд Нью-Йорка, а отряд кораблей под командованием контр-адмирала А.А. Попова бросил якоря на рейде Сан-Франциско.

Морское ведомство, возглавлявшееся либералом-реформатором великим князем Константином Николаевичем со второй половины 1850-х годов, стало своеобразным центром преобразовательного движения в России. А ведомственный журнал «Морской сборник» стал одним из самых живых и популярных центральных органов печати в стране. Достаточно вспомнить, что именно на его страницах впервые был опубликован цикл знаменитых статей Н.И. Пирогова «Вопросы жизни» о необходимости реформы образования или ряд статей известного юриста П.Н. Глебова о необходимости судебной реформы и многое другое.

Особое значение для истории Государства Российского имеет решительное и самое деятельное участие великого князя Константина Николаевича в проведении Крестьянской реформы. По повелению императора Александра II подготовка этой реформы была начата заблаговременно. Для этой цели в январе 1857 года был создан специальный Комитет, первоначально он получил следующее официальное наименование: Комитет, высочайше утверждённый для пересмотра постановлений и предположений о крепостных людях, а в феврале 1858 г. он был переименован в Главный Комитет по крестьянскому делу[5]. В состав Комитета входил ряд самых высших сановников, в частности в обязательном порядке входили министры внутренних дел, юстиции, финансов, государственных имуществ.

Известно, что замысел Александра II об освобождении крестьян был враждебно встречен большинством высших чиновников, приближённых императора, а также большинством членов Государственного Совета. Здесь уместным будет вспомнить, что при Николае I за годы царствования шесть раз создавались специальные Комитеты, которые призваны были рассмотреть вопрос об отмене крепостного права. Все шесть раз высшей российской бюрократии удавалось «похоронить» крестьянский вопрос[6]. При этом противниками реформы наиболее часто употреблялись доводы «о необходимости осмотрительности и осторожности в столь важном государственном деле» и о «неготовности к этому самих крестьян».

И на сей раз в созданном Александром II Крестьянском Комитете противники отмены крепостного права составляли большинство. Именно поэтому император в июле 1857 г. назначил великого князя Константина Николаевича членом этого Комитета. Уже в августе 1857 г. состоялись три заседания Комитета, на которых Константин Николаевич «не замедлил со всей решительностью поставить вопрос о немедленной отмене крепостного права». Заметим, что борьба с противниками отмены крепостного права в Комитете затянулась на многие месяцы. Великий князь стал лидером группы высших чиновников — убеждённых сторонников отмены крепостного права. К числу самых решительных и последовательных его сподвижников относились: министр внутренних дел Сергей Степанович Ланской, товарищ министра внутренних дел Николай Александрович Милютин, управляющий министерством народного просвещения Александр Васильевич Головнин, председатель Редакционной комиссии Крестьянского Комитета Яков Иванович Ростовцев и др.[7]

Соответственно, организационно оформилось и руководящее ядро противников реформы — в него, в частности, входили министр юстиции Виктор Никитыч Панин, министр государственных иму-

ществ Михаил Николаевич Муравьёв, председатель департамента законов Государственного совета Павел Павлович Гагарин и др.

Безусловно, решающим фактором в этой полемике стало то обстоятельство, что группу Константина Николаевича решительно поддерживал сам император. Уже 20 ноября 1857 г. последовал высочайший рескрипт литовскому дворянству, в котором говорилось об «улучшении быта крестьян» и о «постепенном уничтожении крепостной зависимости»[8]. Несколько позднее подобные рескрипты были направлены во все губернии и в соответствии с ними повсеместно были созданы губернские Крестьянские Комитеты.

Противники реформы оказывали активное сопротивление её подготовке. Так, порождались и всячески распространялись слухи о крестьянских выступлениях, о недовольстве крепостных и пр. Для прекращения распространения ложных слухов МВД своим специальным циркуляром от 3 февраля 1858 г. предписало во всех местных газетах, губернских ведомостях, регулярно публиковать известия о ходе подготовки реформы. Это стало небывалым до сего времени примером гласности в деятельности государственной власти. И как только надежда на освобождение получила конкретную форму в виде официальных сообщений правительства, все кривотолки и волнения резко сократились.

В связи с этим в начале 1860 года полуофициальная газета «Северная пчела» в своей редакционной статье написала «о величавом спокойствии народной массы при разрешении государственных вопросов, поднятых в последние четыре года»[9]. Действительно, крестьянские массы до конца подготовки реформы оказали замечательную нравственную выдержку, немало огорчив консерваторов из крепостнического лагеря, рассчитывавших использовать народные волнения в интересах недопущения Крестьянской реформы.

Следует заметить, что ход подготовки реформы по-настоящему волновал тогда лучшие умы России. Это отражено в сохранившейся переписке между различными представителями российской элиты. Так, бывший декабрист, член Калужского Крестьянского Комитета Евгений Петрович Оболенский в своём письме от 8 марта 1859 г. к председателю Редакционной комиссии Я.И. Ростовцеву довольно эмоционально отмечал следующее: «И на народ наш, и на дворянство мундирное и немундирное, крепостное право на века наложило свою печать нравственного искажения. И те, и другие, вступая на новую почву, облагородятся взаимно. И как чудно, любезный друг, отвечает народ на вызов Государя к свободе гражданской. Каким-то чудным внушением, свыше вдохновенным, народ отрезвляется»[10].

Энергичная полемика вокруг подготовки Крестьянской реформы обострилась после того, как началось обсуждение порядка послереформенного «поземельного устройства крестьян». В самый разгар этого противостояния лагерь сподвижников Константина Николаевича был ослаблен внезапной кончиной председателя Редакционной комиссии Крестьянского комитета Я.И. Ростовцева, последовавшей в феврале 1860 года. А.В. Никитенко в своём «Дневнике» по этому поводу оставил следующую запись: «Это известие поразило как громом всех друзей свободы и улучшений... Нельзя не признаться, что с Ростовцевым погибло для нас много прекрасного. Это общее убеждение. Враги добра и мысли, видимо, поднимают головы. Бедное моё отечество»[11].

В этих создавшихся сложных условиях император Александр II сделал решительный шаг и великий князь Константин Николаевич в сентябре 1860 г. был назначен председателем «Главного Комитета по крестьянскому делу». Он утверждал, что необходимо « освобождение крестьян не иначе как с наделом». По его мнению, основу размеров этого надела должны

были составлять размеры дореформенных наделов крестьян.

Однако на этот счёт существовали и другие мнения. Так, по предложению В.Н. Панина наделы должны были быть уменьшены на одну треть. М.Н. Муравьёв предлагал отобрать у крестьян больше половины земли. А П.П. Гагарин предлагал сократить эти наделы на три четверти[12].

Константину Николаевичу удалось отстоять свою точку зрения лишь частично. К сожалению, эгоизм и корыстные интересы большой части правящей российской элиты делали её глухой ко всем доводам разума и противоречили государственным интересам. Ряд важных вопросов поземельного устройства крестьян так и не был разрешён, остались серьёзные противоречия в аграрном секторе страны. Именно они и стали впоследствии одной из главных причин нарастания революционного движения в России.

В течение осени 1860 года все основные документы по Крестьянской реформе были рассмотрены Главным Комитетом и представлены в Общее собрание Государственного совета. 28 января 1861 года состоялось историческое заседание Общего собрания Государственного совета по принятию нового закона о Крестьянской реформе. По воспоминаниям современников вступительная речь Александра II была необычайно твёрдой и повелительной. Он, между прочим, сказал следующее: «Дело об освобождении крестьян, по важности своей, я считаю жизненным для России вопросом, от которого будет зависеть развитие её силы и могущества... Моя непременная воля — чтобы дело это теперь же было кончено»[13].

19 февраля 1861 г. Александром II были подписаны освободительный Манифест, «Положение о крестьянах» и журнал заседания Государственного совета от 28 января 1861 г. Одним росчерком пера 23 миллиона жителей Российской империи получили личную свободу. (Это гусиное перо хранится в Историческом Музее в Москве).

Приведём только одну замечательную фразу из окончания текста Манифеста: «Осени себя крестным знаменем, православный народ, и призови с Нами Божие благословение на твой свободный труд, залог твоего домашнего благополучия и блага общественного».

Великий день обнародования Исторического Манифеста состоялся 5 марта 1861 г. В Петербурге в церквах с амвона была прочитана благая весть о свободе, афиши с текстом Манифеста были повсеместно расклеены по столице. (В Костроме объявление воли произошло 9 марта 1861 г.).

В заключение отметим, что исключительные заслуги великого князя Константина Николаевича в деле подготовки Крестьянской реформы были официально признаны в высочайшем рескрипте, данном императором на его имя в день подписания Манифеста. В этом рескрипте, в частности, говорилось следующее: «Я и по влечению сердца и по долгу моему желаю в этот самый достопамятный для России день изъявить Вам мою живейшую и глубокую признательность за точное, скорое, вполне моей воле и моим ожиданиям соответствующее окончание сего важного Государственного дела»[14].

Крестьянская реформа стала решающим фактором Эпохи великих реформ. Вслед за ней царю-реформатору при поддержке своих сподвижников удалось подготовить и провести ещё ряд выдающихся реформ: государственного управления, армии, судебную, образования, финансов, городского и земского самоуправления и др.

Реформа, в результате которой было освобождено 23 миллиона крестьян, стала величайшим событием истории России XIX столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Джаншиев Г.А.* Эпоха великих реформ. Изд. 9-ое. СПб., 1905. С. 623.

[2] *Никитенко А.В.* Дневник. В 3-х т. Т. 1. 1826–1857. М., 1955. С. 426.

[3] *Головнин А.В.* Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 95–96.

[4] Российский государственный Архив Военно-Морского флота (РГАВМФ). Ф. 240. Оп.1. Д. 1. Л.Л. 22, 26.

[5] Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Пг., 1915. Т.1. С. 1–3.

[6] *Джаншиев Г.А.* Указ. соч. С. 629.

[7] Управленческая элита Российской империи. История министерств. 1802–1917. СПб., 2008. С. 272–273.

[8] *Головнин А.В.* Указ. соч. С. 127, 319.

[9] Северная Пчела. 1860. 1 января. С. 1.

[10] Государственный Архив Российской федерации (ГАРФ). Ф. 1155. Оп. 1. Д. 1459. Л. 13–15 об.

[11] *Никитенко А.В.* Дневник. Т. 2. 1858–1865. М., 1955. С. 108.

[12] *Джаншиев Г.А.* Указ. соч. С. 638.

[13] Правительственный вестник. 1893. 18 апреля. С. 1–2.

[14] *Джаншиев Г. А.* Указ. соч. С. 627.

РЫЦАРЬ РУССКОЙ НАУКИ. О НАУЧНОМ ПОДВИГЕ ВАСИЛИЯ НИКИТИЧА ТАТИЩЕВА (1686–1750 гг.)

О.Ф. Дубовская, историк, писатель, языковед

«Для граждан гораздо полезнее, когда процветает всё государство в целом, а не когда отдельные лица преуспевают, целое же разрушается».

Фукидид

В начале XVIII в. в России произошло событие, равного которому по влиянию на судьбу страны невозможно отыскать ни в предшествующие, ни в последующие времена. Речь идёт о создании Российской академии наук, которая была учреждена приказом Петра Великого 28 января 1724 г. При Академии были также организованы университет и гимназия. Создание этих государственных научно-образовательных учреждений положило начало формированию в России научного общества.

Как известно, просвещение русского народа являлось одним из наиглавнейших направлений в деятельности Петра Великого. Царь умел увлекать идеями своё окружение, в котором находился и Василий Никитич Татищев. Историю русской науки, Академию наук и Библиотеку Академии наук в XVIII в. невозможно себе представить без трудов Татищева.

Род Татищевых происходил по прямой линии от Владимира Мономаха (1053–1125 гг.), о чем в первой части «Российской родословной книги», изданной князем Петром Долгоруковым в 1854 г., на с. 140 читаем: «Также знаменитый боярин Александр Борисович Поля, предводительствовавший войсками Великого Князя Василия Дмитриевича, показаны и Василий Юрьевич Татищ, открывший заговор в Новгороде против Великого князя Василия Дмитриевича, показаны Поля правнуком, а Татищ праправнуком князя Юрия Святославовича, при Великом же Князе Василии Дмитриевиче изгнанного Витовтом из Смоленска».

И далее, в подтверждение его древнего происхождения, князь пишет: «Конечно, происхождение вышеупо-

мянутых князей и дворян от удельных князей Смоленских не может подлежать никакому сомнению, потому что в старой России прочие знатные роды, от Рюрика происходящие, никогда бы не позволили *этим фамилиям* не основательно выводить себя от Рюрика».

Затем уточняет: «А не только в бархатной книге, но и в частных родословцах, в старину столь многочисленных, все вышеупомянутые князья и дворяне безпрекословно признаны потомками Рюрика». В разделе «Князья Вяземские» на стр. 146 под № 148 записано: «Василий Юрьевич Тать-ищ, родоначальник дворян Татищевых»[1].

Для детей Василия Юрьевича, который получил прозвание Тать-ищ (разыскиватель похитителей), оно сделалось фамильным. Его сыновья Фёдор Большой, Дмитрий и Фёдор Меньшой Василевичи на страницах русской истории уже выступают под фамилией Татищевы. Проследим далее родословное древо Василия Никитича Татищева.

Фёдор Большой Васильевич Татищев имел младшего сына Матвея Фёдоровича. Матвей Фёдорович Татищев имел сына Афанасия (старшего), внука Лазаря Афанасьевича, правнука Степана Лазаревича и праправнуков Юрия, Алексея и Михаила Степановичей. Сын Алексея Степановича — Никита Алексеевич Татищев и был отцом нашего выдающегося соотечественника Василия Никитича Татищева.

Татищев Василий Никитич
(1686–1750 гг.)

Во второй части «Российской Родословной книги» на стр. 226 под № 74 указано: «Василий Никитич, тайн. сов.; р. 1686, умер 15 июля 1750 г.; жен. на Редкиной, рождённой Ботвиньевой» (Авдотья Редкина, по первому браку и Ботвиньева по второму, происходила из дворян Андреевских).

Здесь же на стр. 226 под № 88 указаны сведения о сыне Василия Никитича Татищева — Евграфе Васильевиче: «Евграф Васильевич, действ. стат. сов.; р. 1717, умер 6 сент. 1781 г.; жен. 1) на Прасковье Михайловне Зиновьевой; 2) на баронессе N. N. Ивановне Черкасовой; 3) на Аграфене Федотовне Каменской, р. 25 марта 1733 г., умерла 29 дек. 1811 (от 1-го брака сын; от 2-го брака дочь; от 3-го брака 4 сына и 4 дочери»[2].

Необходимо отметить, что все члены рода Татищевых внесли значительный вклад в развитие и становление Российского государства. Но особая миссия выпала на долю Василия Никитича Татищева — дипломата, основоположника русской исторической и географической науки, создателя Уральской горной металлургической промышленности, блестящего экономиста, реформатора монетной системы в России, создателя первых школ при Уральских заводах, основателя городов Екатеринбург, Оренбург, создателя первого в России лексического словаря, собирателя научных книг по российской истории и мн. др.

Вернёмся ненадолго в отроческие и юношеские годы Василия Татищева с тем, чтобы проследить его становление как учёного и государственного деятеля. В связи с рождением царевны Анны (1693 г.) сыновья Никиты Алексеевича

Татищева — десятилетний Иван и семилетний Василий, — были пожалованы в стольники. Близость В.Н. Татищева с самого раннего детства к верхам Российского государства способствовала формированию у него твёрдых мировоззренческих принципов и государственного мышления.

В 1704 г. проводился очередной набор жильцов-стольников на службу в армию. Братья Татищевы Иван и Василий были зачислены в драгунский полк. В августе этого же года они участвовали во вторичной осаде Нарвы и взятии её русскими войсками. (В 1700 г. произошло первое сражение под Нарвой между русской армией Петра I и шведской армией Карла XII, закончившееся поражением русских войск).

Командир полка, в котором служил Василий Татищев, Автомон Иванович Иванов доверяет ему важные поручения, ценя в поручике аккуратность исполнения, предприимчивость, практическую хватку и необычайно пытливый ум. Необычайная смелость Василия Никитича Татищева и исполнительность служебного долга выделяли его среди сверстников и вскоре привлекли внимание Петра I.

В величайшем событии Северной войны — Полтавской битве 1709 г. — Василий Татищев получил ранение, находясь в это время возле Петра I. Впоследствии Татищев вспоминал: «...я ранен был подле государя, который сам всё распоряжал под ядрами и пулями, и когда по обыкновению своему он поцеловал меня в лоб, поздравляя ранением за Отечество. Счастлив был тот день...». Здесь, в Полтавском сражении, закончилась юность Василия Татищева, и он вступил в пору зрелости.

Каждая встреча Василия Татищева с Петром I, как правило, происходила в моменты, являющиеся судьбоносными для России, и вдохновляли молодого Татищева на бескорыстное служение Отечеству. Примером ему служил сам государь, отдававший свои силы становлению Русского государства. Надо полагать, что и Пётр I в лице Татищева обрёл одного из самых благонадёжных и верных помощников.

Нехватка офицеров на военной службе выдвигала перед государем задачу подготовки своих, отечественных, кадров. В 1712 г. Татищева посылают за рубеж для изучения инженерного дела, артиллерии, математики. Поездки в города Гданьск, Торунь, Берлин, Дрезден, Бреславль и на Аландские о-ва были связаны не только со служебными делами, но и дипломатическими. Ремонт материальной части армейских подразделений, обеспечение личного состава обмундированием, подготовка места для заключения договора между Россией и Швецией — все эти поручения, как всегда, были исполнены блестяще.

И Татищев, понимая всю грандиозность и целесообразность просветительских петровских идей, находясь за границей, начинает покупать книги. В письме Я.В. Брюсу от 4 июня 1717 г. он пишет из Гданьска: «...Також послал я к вашему превосходительству прежде всего *роспись книг* и ныне другую... Изволите повелеть мне которые вам угодны, дабы, купя, на кораблях сего дня мог прислать...»[3].

А в письме от 14 июня 1717 г., тоже адресованному Я.В. Брюсу, он пишет, уточняя тематику приобретённых книг: «...О книгах вашего превосходительства доношу. Прежде сего послал я до вас две росписи *мафематических* и *алхимических* книг и изволите мне против оных повелеть отписать, которые вам угодны. Ныне *гисторических* новых при сем прилагаю роспись, а мню, что на ярмонке, которая будет здесь за пять недель, можно достать всяких книг...»[4].

В то время книги стоили очень дорого. Из пометок Татищева на книгах его домашней библиотеки видно, что он платил за них от пятидесяти копеек до восьми с лишним рублей. В этой связи следует вспомнить, что произведенный в чин капитан-поручика в 1718 г. Татищев получал жалованье всего 15 руб. в месяц.

Круг книжных интересов Татищева был необычайно широк. Он приоб-

ретал книги по истории, хронологии, этнографии, географии, грамматики, лексиконы, богословскую литературу; книги по театру, садоводству, учебники по математике, геометрии, химии, астрономии, строительному делу, фортификации, артиллерии. Всё закупленное за границей Татищев отправляет Я.В. Брюсу с тем, чтобы уже в Петербурге разобраться в этих приобретениях. 9 августа 1717 г. из Данцига он пишет Я.В. Брюсу: «...Венгерское куплю тотчас и пришлю с протчими вещьми вашего превосходительства, яко деревья и *книги* на корабле, которой по осьми днех отсуда пойдёт в Петергоф с вещьми государевыми. По повелению вашего превосходительства *книги купил по обеим росписям...*»[5].

Как известно, Я.В. Брюс впоследствии свою личную библиотеку подарил Библиотеке Академии наук. Многие из книг в этой библиотеке были приобретены для него Татищевым.

Татищев считал, что только знание и образование способны укрепить мощь государства. В своём труде «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах» он утверждает: «...Благоразумный же политик всегда сущею истинною утвердить может, что науки государству более пользы, нежели буйство и невежество, произвести могут. Я вам прежде говорил, колико науки полезны, а незнание или глупость как себе самому, так малому и великому обществу вредительно и бедно...»[6].

Идея просвещения русского народа полностью захватила Татищева. Ещё впереди три года до учреждения Академии наук, а Татищев уже в 1721 г. в «Наказе комиссару Уктусского завода Т. Бурцову» пишет о необходимости создания школ в Сибири: «...определяю: построить школу для обучения *всех* детей здешних жителей таким образом: 1. Здесь, на *заводах* и в *каждой слободе* особно построить избы с сеньми и зделать по потребности красныя окошки, поставить столы и лавки, и в оных обучать ребят...»[7].

Философскую проблему размежевания добра и зла Татищев видит в существовании книг как единственного источника, способного просветить сознание человека. Он считает, что обретение письменности и появление книг открыло человечеству путь к научному познанию мира. Это видно из «Разговора двух приятелей о пользе науки и училищах»: «39. Что в науках от первой перемены мира, то есть от обретения письма до пришествия Христова, явилось? Ответ. Великая перемена, ибо тогда вскоре многие нуждные к наставлению нашему от умных и братолюбие совершенное имеющих людей началися книги, в которых гистории прешедших времян или учения к нашей пользе представлялись; другие же законы духовные и гражданские сочинять и людей на благое наставлять, а от зла удерживать стали»[8].

И затем в вышеуказанном труде на стр. 78, п. 43 он раскрывает необходимость печатания книг большими тиражами: «...Чрез тиснение изданные хотя б во сте местах погибли, то ещё в 1000 и более таковые же целы останутся, как то по обретении тиснения в скорости множество полезных древних книг немалым числом стали печатать, а чрез то, оные всяк имея, способнее к распространению наук прилежать стали, многия училища и академии по разным местам устроены и чрез оные больший свет истиннаго разума открыли, тогда как в богословии, так философии, яко законоучении, мафематике, физике, гистории протчих вольных науках, яко и в полезных ремёслах, великое исправление явилось и от часу стало возрастать и распространяться, зане учёных от часу умножилось».

В 1720 г. Татищев назначен руководителем казённой горнозаводской промышленности Урала и Сибири. Переоценить вклад Татищева в развитие экономики России трудно: строительство металлургических заводов за Уралом обеспечило полностью потребности армии и флота и уже к середине XVIII в. вывело Россию на первое место в мире по выплавке чугуна.

Сознавая, что без подготовки специалистов освоение горнозаводского дела невозможно, Татищев в письме от 15 окт. 1723 г. комиссару Екатеринбургских заводов Ф. Неклюдову пишет: «...чтобы заводы же довольством обученными читания, писания, арифметики и геометрии в лутчее состояние и размножение привести, определяю построить *школу для обучения* всех *детей здешних жителей* таким образом: 1. Школы построить при Исецких заводах, две избы большия, между ими сени, окна красные, столы, скамьи и протчее, что потребно к тому, чтоб было плотно, гладко, чисто и без скудости. 2. На всех заводах собрать детей церковных и приказных служителей, мастерских, подмастерских и всех завоцких жителей, и оных обучать читать, писать, арифметике, геометрии и чертежей, а вольнопришедших принимать *всякого чина* людей и отдать в школы по их требованию...»[9].

Несколькими годами позже Татищев обращается в Академию наук с просьбой дать научную разработку процесса получения железа и высококачественной стали из различных по своему составу руд уральским металлургам, а также подготовить и напечатать труд по металлургии и прислать несколько сот экземпляров на Урал (Письмо № 130, см. библиографический источник, указанный выше). В этом же письме он просит помочь в комплектовании школьных библиотек пособиями и учебниками. Как известно, сам Татищев «...более 1000 книг, устроя в Екатеринбурге школу, мою библиотечку подарил...»[10].

На активную просветительскую деятельность Татищева указывает «Записка...»[11], в которой предусматривалось создание двух новых академий или университетов, четырёх гимназий в разных городах, двух академий ремёсел и увеличение числа учителей и расходов на них до 110 тысяч рублей.

По существу дела, Татищевым была предложена реформа образовательной системы России по уровню, не только соответствующего, но и во многом превосходящего тогдашнее европейское просвещение

В 1724 г. Петр I отправляет Татищева в Швецию с тем, чтобы он изучил её гражданское устройство, монетное производство, а также пригласил шведских мастеров на уральские заводы и определил к обучению горному делу в Швеции молодых людей из России. Татищев, как всегда, с честью выполняет все поручения государя.

Однако одними из важнейших дел, которые могут принести наибольшую пользу отечеству во время его пребывания в Швеции, для Татищева являлись его встречи с учёными и приобретение книг по разным вопросам. Профессор Упсалького университета Бенцель сообщает Татищеву о том, что в упсальской библиотеке в отделе «Rossika» находится во «множестве» «российских древних гисторий» и прочих полезных книг на словенском языке, и он разрешает сделать с них копии. Понимая огромное значение рукописных материалов для воссоздания прошлого России, Татищев с благодарностью принимает предложение Бенцеля и переписывает следующие книги:

«В десть: 1) Библия островская, 2) Библия московская, 3) Евангелие напрестольное, 4) Кроника Стрыковского, переведена с польского, письменная три книги, 5) Калепина Лексикон с латинским, сочинён от Спарвенфельда, писан, три книги, 6) Житие Иоанна Дамаскина и царевича Иоасафа, письм. 7) Православные веры исповедание или правая вера. 8) О чинах обыкновенных и принимании послов, выходах царских и пр. писано в царство Феодора Алексеевича. 9) Уложение и притом новоуказанные статьи по 7200 год, собраны по приказам. 10) Степенная книга.

В полдесть: 1) Грамматика славенская. 2) Лексикон славенский. 2 книги. 3) Статут короля Сигизмунда, пер. с польского. 4) Родословная очень старая. 5) Адама Богорица, Грамматика в четверть. 6) Ка-

фехизм переведен с греческого в четверть»[12].

27 сентября 1725 г Татищев уведомляет Черкасова из Христианштадта о том, что он отправил на судне в Петербург ящик с *книгами* и с коллежскими письмами за печатью штокгольмской таможни. «И прошу вас, государя моего, чтоб пожаловали оный ящик до приезда моего у себя в доме удержали. Ежели же таможенные управители будут сумневаться, то прикажи распечатать и показать им, токмо чтоб не перебили писем»[13].

Книги, приобретённые Татищевым в Швеции, были доставлены в Императорский кабинет, а затем значительная их часть поступила в Кунсткамеру. Перечислим некоторые из них:

1. Петреева кроника российская. 2. Видекиндова война российская. 3. Вопрос о россиянах, христиане ли суть? 4. Шернгеймова мафематическая. 5. Скитова описание России письменная. 6. Описание ж России печатная на шведском языке в четв. и 6 книг Полгеймовых о машинах. 7. Книга о чинах войск цесарских, писанная. 8. Описание российского государства. 9. Две книги Перепшильдовы на трёх языках о древних историях.

После возвращения из Швеции в Россию в мае 1726 г. Татищева назначили членом Монетной конторы, перед которой стояла задача упорядочения денежного обращения в государстве. Татищев, фактически возглавлявший комиссию, предложил много научных разработок о поднятии кредитоспособности русской денежной системы на внешних и внутренних рынках.

Помимо государственной службы, Татищев неустанно продолжает заниматься поисками материалов для работы над «Историей Российской». В это же время он пишет философский труд «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ», готовит новую редакцию статьи «Сказание о звере мамонте», которую под своим именем издаёт акад. И.Г. Гмелин, начинает писать «Духовную», составляет записку о государственном устройстве России «Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном». Кроме того, Татищев сочиняет научный трактат на имя императрицы Екатерины Алексеевны «Об улучшении путей сообщения в Сибири».

Наиважнейшим событием в эти годы для Татищева явилось установление сношений и переписка с членами Петербургской Академии наук. До конца своих дней он принимал самое активное участие в работе Академии. Уже находясь в ссылке в с. Болдино Московской губернии, он отсылает в Академию наук археологические древности. В письме под № 249 И.Д. Шумахеру ссыльный учёный пишет: «...При сем посылаю в дар Академии несколько найденных здесь подземностей, яко: 1) челюсть нижняя слоновая с коренными зубами молодого слона, 2) две улитки или cornu ammonis, хотя малы, но все части видны, 3) камень подобен соту, 4) нечто подобно гороху окаменелому, и неколико iap. iyncu, 5) с маркозитовою крупою... С. Болдино 6 сент. 1748, В. Татищев»[14].

Особенную роль в научной деятельности Татищева сыграли переписка и деловые отношения с И.Д. Шумахером — библиотекарем Библиотеки Академии наук. В их переписке был установлен творческий диалог по многим вопросам. Находясь по роду службы в различных городах России, Татищев продолжает разыскивать рукописи, оплачивает их переписку, а по необходимости и переводы рукописей и отправляет Главному библиотекарю Академии И.Д. Шумахеру.

Академия получала от Татищева не только книги, но и конструктивные предложения, касающиеся приведения в порядок «законов гражданских и правосудия», подавал предложения «о купечестве и ремёслах, из которого всё богатство изтекает», представлял сочинения о реорганизации горных заводов. Кроме того, в Академию были поданы предложения «о устроении училищ и распространении наук» в России, разработан проект об уч-

реждении почты и другие научно обоснованные инициативы, которые «к немалой государственной пользе сочинил».

В свою очередь И.Д. Шумахер всегда с готовностью отзывался на просьбы В.Н. Татищева о присылке ему новых книг. Книги по исторической тематике: Плиния, Бероза, Диодора Сикула, Геродота, Плутарха, Длугошевой Истории польской, двух частей Шетгенова «О начатках россиян»; трактаты по языковедению (лексиконы), географии, а также альбомы, карты, альманахи, издаваемые Академией, исправно отсылались в любой город, где В.Н. Татищеву приходилось нести государственную службу.

Появление таких выдающихся трудов, как «История Российская», «Общее географическое описание всея Сибири», «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской», «Духовная», «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах» и др. определило не только талант Татищева, но и потребности Императорской Академии наук.

Для того, чтобы понять, насколько важным для Татищева было его участие в формировании фонда Библиотеки Академии наук, достаточно вспомнить его отношение к иностранным и отечественным материалам. Получая из Академии книги иностранных авторов, он немедля их переводил, а переводы отсылал в Академию. Обнаружив же что-то из русских летописей, которые носили общий характер или местный, он торопился сделать с них списки, а потом оригиналы сразу же отсылал в Академию. Именно благодаря такому подходу к материалу, Татищеву удалось сохранить для нашего отечества книги, занявшие достойное место в русской культуре.

Перечислим некоторые книги, отосланные Татищевым в Академию наук, которые доныне хранятся в Библиотеке академии наук.

1. Псковская летопись до 1461 г. (Описание РО БАН, стр. 325–327).

2. Алатырский список Воскресенской летописи (Описание РО БАН, стр. 335–337).

3. Лызлов Андрей «Скифская история» (Обзор РО БАН, стр. 438).

4. Кромер Мартин «De origine et rebus gestic polonorum». Перевод хранится в Рукописном отделе БАН (32.7.1).

5. Гельмольд «Chronica slavorum». Перевод хранится в БАН. (Обзор РО БАН, стр. 233, 440).

6. Антоний Делий «De oraculis veterum ethnicorum». Оригинал перевода хранится в РО БАН (17.15.21).

7. Страленберг Ф.-И. «Das Nord — und Ostliche Theil von Europa und Asien». Перевод хранится в РО БАН (31.6.10).

8. Никоновская (Львовская) летопись. С собственноручными правками Татищева хранится в РО БАН (Описание РО БАН, стр. 356–357).

(Полный перечень этих книг см. в книге «В.Н. Татищев «История Российская», Т. I, М.; Л., 1962, Примечания: стр. 444–462»)[15].

Остановим внимание на трёх книгах, которые составляют славу Русской исторической науки, честь открытия которых принадлежит Василию Никитичу Татищеву и которые хранятся в Библиотеке Академии наук. Речь пойдёт о Новгородской летописи Младшего извода, о Правде Русской Ярослава Мудрого 1017 г. и о Судебнике Ивана Васильевича Грозного 1550 г.

Татищев, опираясь на исторические документы, утверждает, что русский народ ещё в глубокой древности жил в правовом поле. Учёный решительно отвергает ошибочное мнение, что «якобы до Уложения 1649 г.» в России не было никаких законов.

В «Лексиконе...» Татищев пишет: «...Но мы находим весьма древние законы: 1) Славенский, сочинённый задолго до прихода Рюрика, на которой Олег I и по нём Игорь...в договорех со греки ссылаются и в нём точно то написано. 2) Ярослава I-го, в 1017 году данной новгородцам. Оные оба *поп Иван новогород-*

ский, живший при Александре Невском, в его летописи до нас сохранил... Ту древнюю летопись (Иоанна) и законы со истолкованием отдал в Академию наук, которые за ненапечатанием лежит туне и мало кто знает... Судебник царя Иоанна со истолкованием вышеобъявленным со многими весьма нуждными последовавшими по 1610 год указами вышеписанным приобщена...»[16].

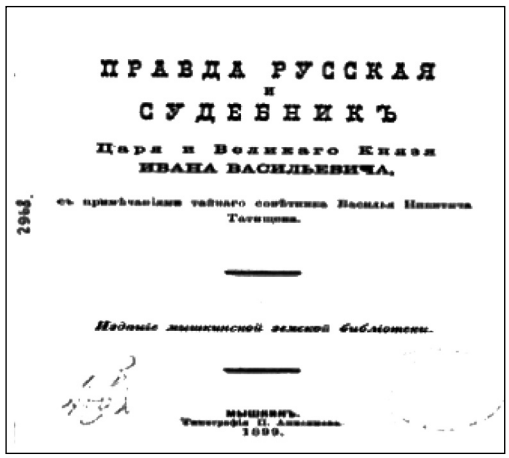
А в труде «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах» Татищев даёт стилистическую характеристику Судебника 1550 г.: «...В сем Судебнике удивления и похвалы достойно, что законы писаны кратки и внятны, речение самое простое, как тогда говорили; И хотя во оном нечто от чужестранных взято, яко поединки или полевой бой... но не единаго слова чужестранного не внесено»[17].

В предисловии к Судебнику 1550 г. и «Правде Русской» Ярослава Мудрого, подготовленных им для печати в Академии наук с его собственными «примечаниями», он приводит историю открытия Судебника 1550 г.: «Царь Иоанн Грозный, как был царь мудрый и в правосудии многое тщание изъявил и в свою вечную память его судебник и некоторыя в дополнение законы хвалы достойныя, оставил. Оныя я нашёл у одного человека собранныя в книге писанной с прописьми золотом и в золотом бархате с застёшками серебреными переплетенной, которую я в 1734 году, яко вещь дивную, поднёс Государыне Императрице Анне Иоанновне, а копию точную отдал в Академию наук. Оную книгу купил из дому Бартенева, которых предок был казначей дому Александра Никитича Романова...»[18].

Эта рукопись хранится в Рукописном отделе БАН (17. 18. 19) и была использована при последнем издании Судебников XV–XVI вв. (Судебники XV–XVI вв., М.; Л., 1952).

Не было ни одного документа, ни одной русской или зарубежной летописи, находившейся в руках Татищева, которые бы он не прокомментировал, указывая на причину того или иного исторического события, и при этом не пояснил бы смысл и значение тех или иных терминов. Свидетельством такого глубокого научного подхода к материалу служит и Судебник 1550 г. Вот несколько примеров объяснений старинных терминов, которые Татищев представил в своём обширном «Изъяснении» к Судебнику 1550 г.

В статье 7-й используется термин *«опала»*, практически вышедший из употребления в современном русском языке: «...и тем, которые управы неучинят,


ПРАВДА РУССКАЯ
и
СУДЕБНИКЪ
Царя и Великаго Князя
ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА,
съ примѣчаніями тайнаго совѣтника Василья Никитича Татищева.
Изданіе мышкинской земской библіотеки.
МЫШКИНЪ.
Типографія П. Анисимова.
1899.

Правда Русская и Судебник 1550 г.

ИСТОРІЯ
РОССІЙСКАЯ
съ
САМЫХЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ
НЕУСЫПНЫМИ ТРУДАМИ
ЧЕРЕЗЪ ТРИТЦАТЬ ЛѢТЪ
СОБРАННАЯ
и
ОПИСАННАЯ
Генералъ Тайнымъ Совѣтникомъ и Астраханскимъ Губернаторомъ,
ВАСИЛЬЕМЪ НИКИТИЧЕМЪ ТАТИЩЕВЫМЪ.
КНИГА ПЕРВАЯ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Обложка «Истории Российской» В.Н. Татищева. 1768 г.

быти у Государя вопале...». Татищев раскрывает всю тяжесть государевой *опалы*, свалившейся на голову провинившегося. «(7). Опала есть гнев государев по достоинствам людей и преступлениям; различествовал яко 1) знатному не велят ко двору ездить, 2) не велят со двора съезжать: и сии, как скоро кому объявят, обыкновенно чёрное платье надевали, 3) в деревне жить, 4) писали по городу ко дворяне отняв чин, 5) в тюрму сажали, о котором выше сказано»[19].

Из этого объяснения термина *«опала»* перед нами раскрывается картина правового поля, существовавшего в XVI веке. Быть в *опале*, значит оказаться отлучённым от царского дома и остаться в полном одиночестве, не нужным государству человеком, отринутым обществом. Кроме того, *«опальному»* запрещалось покидать свой дом, да к тому же добавлялось унизительное требование: ходить в чёрном платье. Как известно, в чёрном платье ходили рабы в Древнем Риме, цветную же и светлую одежду носили только свободные граждане. Из пояснений Татищева мы узнаём также о том, что если человек провинился, то по всему городу развешивали объявления с именем этого человека, предварительно сняв *«опального»* со всех должностей; сажали в тюрьму.

В статье 10-й Судебника 1550 г. есть упоминание о денежной единице *«алтын»,* долго употреблявшейся в стране и неизвестной в сегодняшней денежной системе. Теперь об *«алтыне»* нам напоминают лишь некоторые страницы художественных произведений русской литературы XVIII–XIX вв. Татищев разъясняет происхождение термина *«алтын»*. Он пишет в «Изъяснении»: «*Алтын* слово Татарское, значит шесть, ибо шесть денег разумеет. Пётр Великий, хотя сию мерзость и воспоминание власти Татарской искоренить, **запретил** оное в щетах писать, а числить рублями и копейками...»[20].

Обратим также внимание на ещё один памятник русского права, открытый Татищевым. Речь идёт о «Правде Русской», или, как её чаще всего именуют, «Правде Ярослава Мудрого 1017 г.».

«Правду Русскую» Татищев обнаружил в Новгородском Хронографе под названием «Времянник, иже наречется летописание русских князей и земля Русская». Это известный Академический список Новгородской первой летописи Младшего извода, которую Татищев называл летописью Иоанна. В настоящее время эта летопись хранится в рукописном отделе БАН. На переплёте рукописи сохранилась отметка библиотекаря Академии наук: «Летописец попа Ивана по названию В.Н. Татищева 1737 году». (Описание РО БАН, стр. 310, 311).

В главе седьмой «О списках или манускрыптах», автор «Истории Российской» в п. 6 пишет: «...писатель в 1230-м году о себе тако сказует: “Погребён бысть игумен и мне, Иоанну попу, бывшу при том”». Татищев так описывает этот хронограф: «Он весьма ветх, взят у одного раскольника в лесу и отдан мною в Библиотеку Академии наук... В нём же единственно *закон Ярославов* точно находится». И далее мы читаем: «7-й, Псковской, начинается временем Ярослава, а кончится смертию великаго князя Василия Васильевича, до лета 1468-го. И сии оба мною подарены Академии наук»[21].

Как видно из этого сообщения о древних русских летописях, Татищев всё, что приобретал, находил и переписывал, отсылал в Библиотеку Академии наук. Неоднократно он предлагал Академии наук приступить к печатанию «древних российских летописцев» с тем, чтобы со временем «российская история...будет приведена в лучшую ясность». Татищев рассчитывал, что и Новгородская летопись, содержащая «закон Ярославов», привлечёт внимание учёных, будет издана большим тиражом и распространена среди населения для его просвещения. Однако, как известно, не только Новгородская летопись, но и ни одна из исследовательских работ нашего русского, энциклопедически образованного учёно-

го, Василия Никитича Татищева при его жизни издана не была.

В письме под № 134 И.Д. Шумахеру от 21 дек. 1735 г. Татищев пишет: «...при моём отъезде вы обещали напечатать полученную от меня Новгородскую летопись и показали один лист, но как вижу, это дело прекращено... Мне, однако, она очень нужна для заполнения многих мест в истории... Поэтому прошу списать и прислать мне. Между тем остаюсь вашим, мой государь, верным слугой. В. Татищев, Екатеринбург, 21 декабря 1735 г.»[22].

В 1740 г. Татищев вновь поднимает вопрос перед Академией наук об издании «Сборника древних законов», которые он подготовил к печати и предлагает план издания источников. В «Сборник» вошли обращение к читателю, Правда Русская, Судебник 1550 г. с комментариями и «Указы дополнительные к Судебнику».

В письме под № 182, адресованному И. Д. Шумахеру, Татищев пишет: «...При сем высылаю древние законы для напечатания, которые, мню, и списывать не надобно, токмо б приложенный лист моей руки не утратили... можно сие за первую часть почесть, а к тому новизны, положенные в немецких, приобсчить. II часть может духовные великих князей зделать., в III некоторые старинные грамоты, в IV соборы, бывшие в Руси. Итак оные ис таких весчей собирать, которые в гисториях вносить неудобно...»[23].

Насколько высоко ценил Татищев книги с любой информацией о Древней Руси, мы узнаём из следующего эпизода. Речь идёт о труде польского историка Кромера Мартина «De origine et rebus gestis polonorum» (Basileac, 1555). По поручению Татищева этот труд был переведен с латинского Кондратовичем. Затем перевод был выправлен Татищевым по оригиналу и отправлен в Академию наук со следующим комментарием: «...что хотя во оной на Русское государство многое лжи и злобные поношения и клеветы находятся, однакож я всё велел перевести, как творец написал... Оную послал какова есть, и о напечатании оной предаю в рассмотрение императорской Академии наук...»[24].

Рукопись перевода труда Кромера Мартина хранится в Рукописном отделе БАН (32.7.1).

Из этого письма, как и из множества других писем, адресованных Академии наук, мы обнаруживаем одну из лучших черт характера истинно русского учёного: служение отечественной науке не ради корысти, а для её славы. Следует вспомнить, что Василий Никитич Татищев не состоял членом Императорской Петербургской Академии наук и все книги, которые он отсылал в Академию наук, были приобретены им за свои собственные деньги, а не за деньги, взятые из государственной казны. Как оценить, какой мерой, в данном случае, можно взвесить отношение Татищева к Академии наук вообще и к Библиотеке наук в частности, фонды которой он пополнял ценнейшими литературными памятниками, исследуя которые значительно позже уже другие учёные получали звания профессоров, докторов наук и академиков?

Без сомнения, несмотря на стяжательство окружающих его чиновников, стремлением тогдашних академиков (а в Академии сидели одни немцы) извлечь максимальную прибыль из занимаемых академических должностей, Татищев своими высоконравственными поступками продемонстрировал моральные принципы, по которым и должны развиваться наука, и трудиться государственные чиновники: интересы национальные и общественные всегда должны превышать интересы личные. Только в этом случае в обществе возникает единство интересов, поднимается на высокий уровень нравственность и обеспечивается поступательное развитие государства.

И, наконец, рассмотрим еще одну книгу, которая является воистину бесценным сокровищем для русской науки: «Книга Большого Чертежа». Она была открыта для науки Татищевым и подготовлена им

для печати. Текст был составлен на основании нескольких имевшихся у него списков и, как было принято у Татищева, снабжён примечаниями («изъяснениями»). Примечания были составлены на основе больших географических знаний учёного и на данных геодезических съёмок, которыми он располагал.

В письме к К.Г. Разумовскому от 24 дек. 1747 г. ссыльный учёный пишет: «...При сочинении географического русского лексикона я имею нужду употреблять печатанные при Академии ландкарты, но ныне нашёл со многими недостатки и погрешности...». И далее Татищев пишет о путанице и недочётах, которые существуют на этих картах: «...1) многие городы и места знатные не положены, 2) положены далеко от надлежасчих мест, 3) некоторые, а более реки, не подписаны, 4) городы без рек на пустых местах, чему быть не можно, 5) знаки городам положены монастырей и сёл или деревень, а деревни и сёла городам, 6) реки нуждные ко известию не положены или не туда течением проведены, и другие многие погрешности...»[25].

Читая замечания Татищева к географическим картам, изданными Академией наук, приходишь к огорчительному мнению, что эти карты составлял человек или несведущий в географической науке, или же сознательно фальсифицирующий русскую географию. По-видимому, именно эта причина и заставила Татищева отправить в Академию «Книгу Большого Чертежа», которая должна была внести полную ясность в «ландкарты» Российской империи.

В этом же письме он пишет: «...Для сего я книгу, имянуемую *Большой Чертёж* Академии сообсчил, надеялся, что о исправлении и дополнении оной, яко весьма к географии полезной, прилежание учинено будет...».

Также в этом письме Татищев сообщает, что он высылает исторические документы: «...выписка из архива Синбирской, к гистории царя Алексия весьма нужная. Затем, если возможность допустит, такие же выписки из архив Казанской, Астраханской и Сибирской сочинить и прислать не оставлю, которые состоят из пяти немалых фолиантов, что инде к гистории сыскать не можно...».

Итак, список «Книги Большого Чертежа» с примечаниями и «росписью алфабетической» был прислан Татищевым в Академию. Сейчас «Книга Большого Чертежа» хранится в ОР БАН (16.13.23).

Завершая исследование о роли В.Н. Татищева в деле формирования фонда Библиотеки Академии наук, мы сочли необходимым напомнить российскому научному сообществу и о географическом открытии, совершенным В.Н. Татищевым. Как известно, В.Н. Татищева по праву считают одним из основоположником не только исторической науки, но и географической.

В результате геодезических съёмок, руководимых Татищевым в течение нескольких лет, им были составлены ландкарты с описанием Верхнего, Среднего и Нижнего Урала и с прилегающими к этим горам с запада и востока губерниями и провинциями. Анализируя географическое расположение Урала (судя по письмам, анализ проводился около 1736–1738 гг.), Татищев приходит к выводу, что **горы представляют собою не что иное, как границу между двумя континентами: Европой и Азией.** В «Лексиконе...» учёный приводит подробное описание географических объектов, которые определяют **протяженность границы между Европой и Азией.**

«**Великий Пояс**, горы каменные, на севере **граничащие Азию от Европы.** Они начинаются на севере при Вайгаче меж рек Печоры и Оби и продолжаются гребнем или грядою до вершины Яика и по Яику до Оренбурга, от которой разделились надвое, несколько на запад по реке Самаре и до Волги, однако ж не весьма великие, другие поворотили к востоку от Китая. И по долгому оных положению разделяются на разные имяна, яко павлинское и Вер-

хотурия, Волчии против Катеринбурга, далее в Башкирии разные имяна, но собственно все татарскии: Урал, или Пояс, от вершины Яика на восток — Кичик или Малые, далее около вершины Тобола — Китык, то есть Счербатые и Гребень, около вершины Иртыша — Алтай, по вершине Оби и до Енисея — Саян и Хатай, к вершине Селенги — Ткикин и проч. Поперёг их неравно, от 50 до ста вёрст счисляют. Сии от запада к востоку древние географы, не имея никоего обстоятельного известия, просто Гипербореи, или Северные горы, а к северу лежащие, мнится, Рифеи имяновали. Или Рифей, те, что от Печоры к Двине продолжаются...»[26].

В данной статье мы проанализировали лишь небольшую часть огромного вклада В.Н. Татищева в русскую культуру — его научную и просветительскую деятельность, а также творческое сотрудничество с Императорской Академией наук — пришли к следующему выводу.

Собирание рукописных материалов, воссоздающих прошлое России, литературы по математике, горному делу, языкознанию, географии и др., их описание и отправка в Академию наук с надеждой на их публикацию, рассматривалось В.Н. Татищевым как наиважнейшая государственная задача.

Вся деятельность В.Н. Татищева являет собою пример бескорыстного и самоотверженного служения отечественной науке и просвещению. В своих научных занятиях он не искал ни собственной пользы, ни личной славы, а рассматривал их как выполнение долга перед Отечеством. Все его труды являются памятниками русской истории, географии, философии, языкознания, многие из которых находятся в Библиотеке Академии наук и составляют её славу.

Бесспорно, к Василию Никитичу Татищеву могут быть применимы его же собственные слова, что он составлял свои труды «к славе и чести любезного отечества».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Российская Родословная книга», издаваемая Князем Петром Долгоруковым. Часть первая. С.-Петербург. Печатано в типографии Карла Вингебера, 1854.

[2] «Российская Родословная книга», издаваемая Князем Петром Долгоруковым. Часть вторая. С.-Петербург. Печатано в типографии Эдуарда Веймара. 1855.

[3] Василий Никитич Татищев. Записки. Письма. 1717–1750 гг. М., 1990. Письмо № 3.

[4] Там же, письмо № 4.

[5] Там же, письмо № 5.

[6] *Татищев В.Н.* Избранные произведения. Л., 1979. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах. С. 83.

[7] Василий Никитич Татищев. Записки. Письма. 1717–1750 гг. М., 1990. Письмо № 20.

[8] *Татищев В.Н.* Избранные произведения. Л., 1979. С. 71.

[9] Василий Никитич Татищев. Записки. Письма. 1717–1750 гг. М., 1990. Письмо № 25, глава первая на десять. О школах и учении детей. С. 87.

[10] Там же, письмо № 243.

[11] Исторический архив. Т. VI, 1951. С. 279.

[12] Новыя известия о В. Н. Татищеве адъюнкта П. Пекарского. С.-Петербург, 1864. С. 20.

[13] Там же. С. 27.

[14] Василий Никитич Татищев. Записки. Письма. 1717–1750 гг. М., 1990. Письмо № 249.

[15] *Татищев В.Н.* «История Российская». Т. I. М.; Л., 1962. С. 444–462.

[16] *Татищев В.Н.* Избранные произведения, Л., 1979 г. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. Графа «Закон гражданский и царский». С. 282.

[17] *Татищев В.Н.* Избранные произведения. Л., 1979. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах. С. 127.

[18] Правда Русская и Судебник Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича с примечаниями тайного советника Василия Никитича Татищева. Мышкин. Тип. П. Анисимова, 1899. Предъизвещение. С. III.

[19] Там же. Изъяснение. С. 115.

[20] Там же. Изъяснение. С. 116.

[21] *Татищев В.Н.* История Российская. Глава седьмая. С. 124.

[22] Василий Никитич Татищев. Записки. Письма. 1717–1750 гг. М., 1990. Письмо № 134.

[23] Там же, письмо № 182.

[24] Там же, письмо № 146.

[25] Там же, письмо № 241.

[26] *Татищев В.Н.* Избранные труды. Л., 1979. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. С. 207.

«ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ»

«Я еще раз убедился, что мы на своем уровне, общаясь со своими коллегами, независимо от того, в какой стране мы живем, говоря на одном профессиональном языке, можем сделать гораздо больше, чем это могут сделать люди, занимающие более высокие должности» — так охарактеризовал директор Библиотеки Российской академии наук Валерий Павлович Леонов свой визит в Мэрилендский университет, который состоялся по приглашению американской стороны в апреле 2013 г. — 40 лет спустя после его участия в программе обменов в области образования и культуры между СССР и США по межправительственному соглашению. Как это происходило тогда в годы холодной войны?

С 1958 г, когда было подписано Соглашение об обменах между СССР и США в области культуры, техники и образования, действовало несколько видов программ. Одной из первых, которая оставалась ключевой вплоть до периода перестройки, была программа «Обмен аспирантами и молодыми учеными». Первые группы стажеров с обеих сторон состояли в среднем из 20 человек, лишь в 70-е годы это число увеличилось. Как правило, из США в СССР ехали представители гуманитарных наук. Из Советского Союза в Соединенные Штаты, напротив, отправлялись стажеры, имеющие техническое образование. Основной целью таких обменных программ было узнать друг друга. Процесс знакомства осуществлялся не только при помощи коммуникации, ключевую роль здесь играло знакомство с культурой другой страны, а также научно-исследовательская работа, которая предусматривала посещение библиотек и архивов. Как варианты сотрудничества в области образования и культуры возможны сегодня, когда Россия и США произвели «перезагрузку» своих отношений? Один из ответов на этот вопрос может дать сборник документов и материалов, отражающий профессиональный опыт по стажировке В.П. Леонова в 1973/74 учебном году в США, его контакты и встречи с мэрилендцами как в Санкт-Петербурге, так и в США в 2012–2013 гг. Из представленных материалов можно увидеть, что несмотря на политические барьеры между двумя странами в период холодной войны научно-образовательные учреждения продолжали сотрудничать и искать пути для установления профессиональных контактов. Сегодня российские и американские учреждения столкнулись с одинаковыми препятствиями, которые создаются новыми информационными технологиями в области библиотечного и книжного дела, которые преодолеть можно с помощью обмена опытом. Внимание американской системы образования к библиотекам с целью преодоления таких барьеров хорошо показано в сборнике «Поверх барьеров», который вышел в издательстве «Альфарет» в ноябре 2013 г.

От редакции

РАБОТЫ, ГОТОВЯЩИЕСЯ К ПЕЧАТИ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ БАН

Отечественные деятели науки и техники на страницах биографических и биобиблиографических словарей и справочников: аннот. библиогр. указ. (1956–2000 гг.): в 2 ч. / науч. рук. В.П. Леонов; сост.: Н.В. Бекжанова, А.Э. Жабрева, Н.А. Сидоренко (отв. ред.). СПб.: БАН, 2014. Ч. 1.

Предлагаемый аннотированный библиографический указатель представляет собой результат работы по собиранию и учету справочных и родственных им изданий, посвященных отечественным деятелям науки и техники. В указатель включены биографические и биобиблиографические словари и справочники, сборники биографий, биобиблиографические пособия. Материал систематизирован по специально разработанной схеме и снабжен вспомогательным аппаратом, который позволяет выявить информационный потенциал зарегистрированных в работе книг. Именной (персональный) указатель отражает имена более 155 000 деятелей науки и техники, информация о которых содержится в учтенных изданиях.

Библиографический указатель может быть полезен при проведении общественно-гуманитарных исследований широкого профиля. Он предназначен для историков науки и ее отдельных отраслей, науковедов, социологов, журналистов, информационных работников, библиографов и библиотекарей, а также для всех тех, кто интересуется развитием научного познания в нашей стране, кому дороги имена российских ученых настоящего и прошлого, кому важен их вклад в развитие мировой науки и техники.

Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН / отв. ред. И.М. Беляева, науч. ред. Н.Ю. Бубнов. СПб.: БАН, 2013.

Сборник является 6-м выпуском серии «Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН». В него включены статьи, посвященные вопросам истории Рукописного отдела БАН, археографии, источниковедения, кодикологии и текстологии, публикации ранее неизвестных текстов и обзоры фондов Отдела рукописей. Издание предназначено для историков, филологов, музыковедов-медиевистов, искусствоведов и всех интересующихся историей книжной культуры.

История Санкт-Петербурга — Петрограда, 1703–1917: путеводитель по источникам. Т. 3, вып. 4: опубликованные законодательные акты, 1802–1825 гг. / Б-ка Рос. Акад. наук; науч. ред. А.И. Богданов; отв. ред. В.П. Леонов. СПб., 2013.

Третий том посвящен законодательным актам по истории Санкт-Петербурга — Петрограда. Предлагаемый читателю четвертый выпуск 3-го тома содержит законы и указы первой четверти XIX века периода царствования имп. Александра I. Путеводитель снабжен научно-справочным аппаратом. Издание предназначено для историков, краеведов, библиографов, экскурсоводов, преподавателей, а также всех тех, кто интересуется историей Санкт-Петербурга.